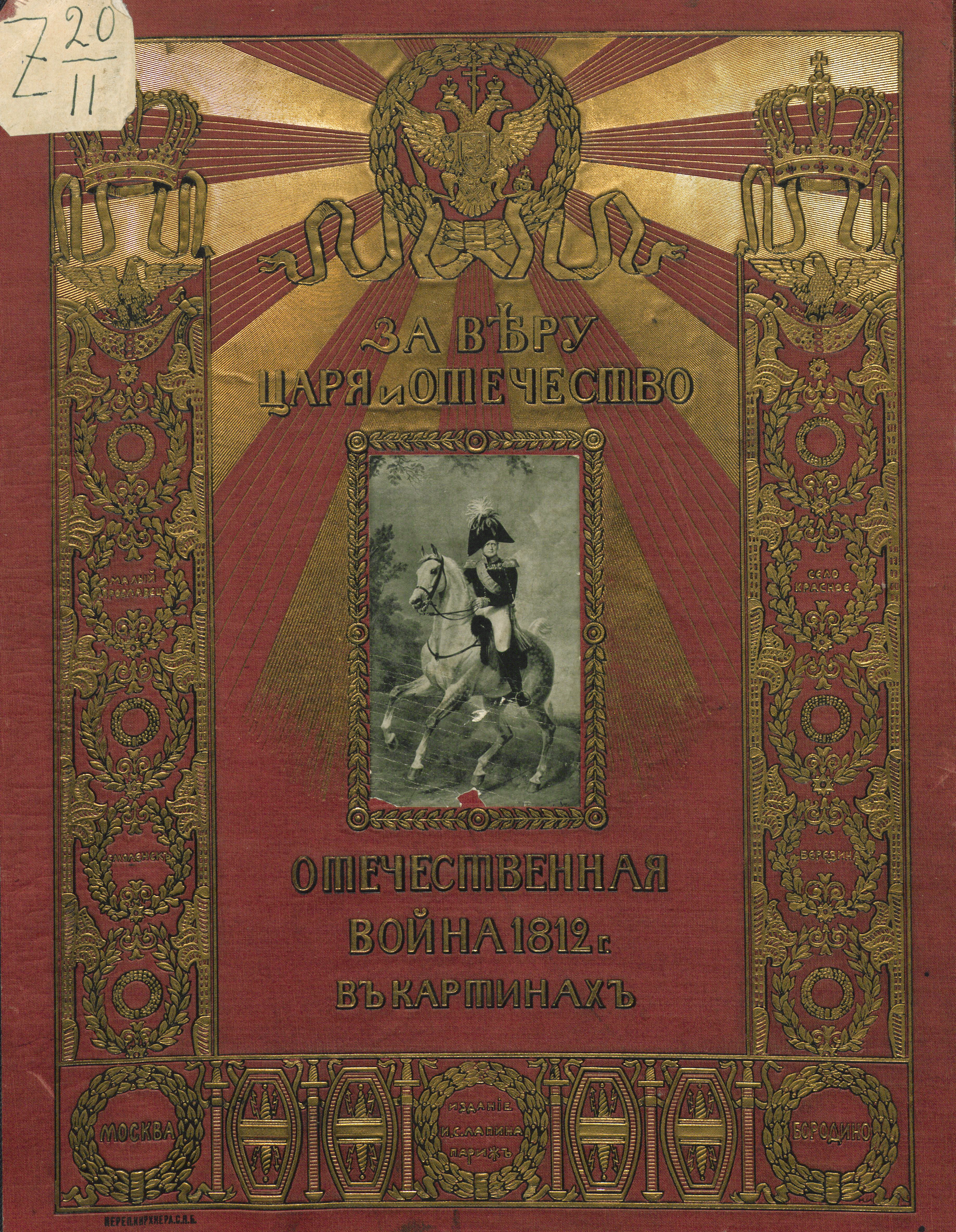
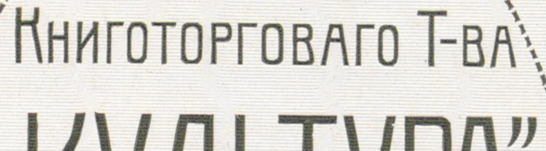
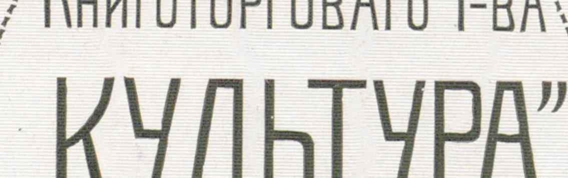

За Вѣру
Царя и Отечество
Малый Ярославецъ
Смоленскъ
Село Красное
Березина
Отечественная
война 1812 г.
въ картинахъ
Москва
Изданіе
И. С. Лапина
Парижъ
Бородино
Переп. Кирхнера С.П.Б.

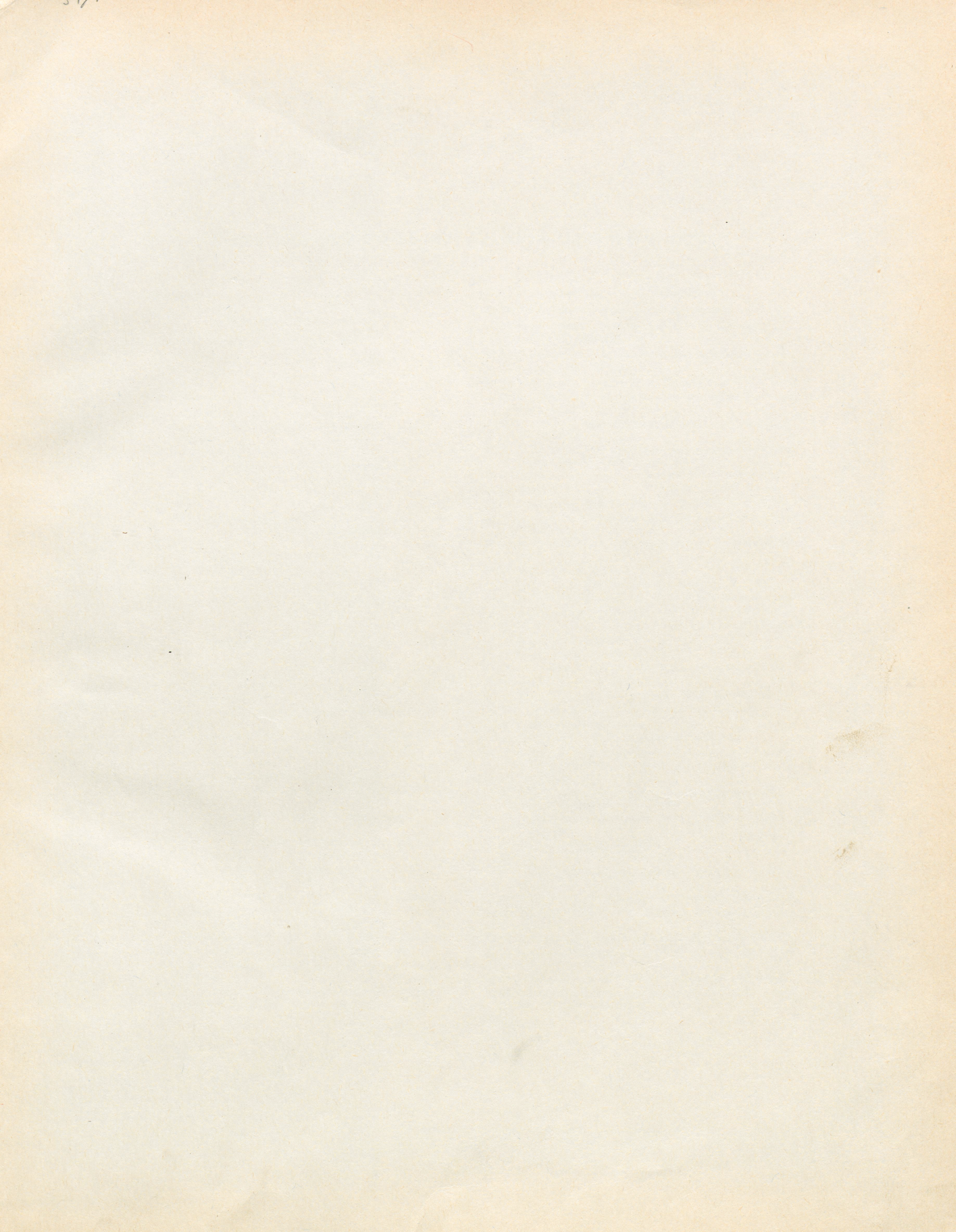

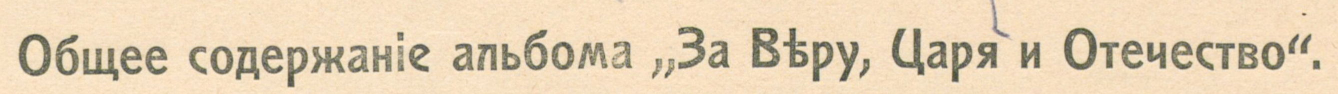

Издано
по специальному заказу
Книготорговаго Т-ва
„Культура"
въ С-Петербургѣ
Вильнѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринославѣ, Иркутскѣ, Кіевѣ, Лодзи, Москвѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ н/Д, Самарѣ, Ташкентѣ, Тифлисѣ, и Харьковѣ.

Общее содержаніе альбома „За Вѣру, Царя и Отечество“.

Стр.

Предисловіе . . . . I—IV

Краткій очеркъ войны:

I. Начало войны (отъ Нѣмана до Смоленска) . . . . 1—5
II. Смоленскъ . . . . 6—9
III. Бородино . . . . 10—14
IV. Москва . . . . 15—19
V. Партизаны 20
VI. Народный подъемъ . . . . 21—23
(Народная война, денежныя пожертвованія, ополченія).
VII. Отступленіе Наполеона изъ Москвы . . . . . . 24—29
(Тарутино, выходъ непріятеля изъ Москвы, Мало-Ярославецъ, отступленіе по старому пути, Вязьма и Дорогобужъ, Смоленскъ).
VIII. Березина . . . . 30—35
(Планъ Государя, постепенное окруженіе Наполеона, бои подъ Краснымъ, Березинская переправа).
IX. Конецъ войны . . . . 36—40
(Отъ Березины до Нѣмана).
Карты-схемы (9 картъ на 4 страницахъ).

Картины и портреты съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ:

Портретъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.
(Безъ нумера и поясненія).

№ 1. Портретъ Императора Александра I. **Крюгера.**
№ 2. Портретъ Наполеона (Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ). **В. В. Верещагина.**
№ 3. Дѣло казаковъ Платова у Мира 28 іюня 1812 года. **Красовскаго.**
№ 4. Сраженіе при Клястицахъ 19 іюля 1812 года. **П. Гесса.**
№ 5. Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2 августа 1812 года. **П. Гесса.**
№ 6. Сраженіе при Смоленскѣ 5 августа 1812 года. **П. Гесса.**
№ 7. Сраженіе при Валутинѣ (Лубинѣ) 7 августа 1812 года. **П. Гесса.**
№ 8. Бѣгство населенія изъ Смоленска въ день сраженія 5 августа 1812 года. **П. Гесса.**
№ 9. Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ. **В. В. Верещагина.**
№ 10. Сраженіе при Бородинѣ 26 августа 1812 года. **П. Гесса.**
№ 11. Л. Гв. Измайловскій полкъ въ сраженіи при Бородинѣ 26 августа 1812 года. **Коцебу.**
№ 12. Сраженіе при Бородинѣ 26 августа 1812 года. **Дезарно.**
№ 13. Конецъ Бородинскаго сраженія. **В. В. Верещагина.**
№ 14. Вдова генерала А. А. Тучкова 4-го ищетъ на полѣ Бородинской битвы трупъ своего мужа. **Н. С. Матвѣева.**
№ 15. Военный совѣтъ въ Филяхъ. **А. Д. Кившенко.**
№ 16. Передъ Москвою. Ожиданіе депутаціи бояръ. **В. В. Верещагина.**
№ 17. Графъ Ростопчинъ выдаетъ народу купеческаго сына Верещагина. **А. Д. Кившенко.**
№ 18. Въ Кремлѣ—пожаръ. **В. В. Верещагина.**
№ 19. Пожаръ Замоскворѣчья. **В. В. Верещагина.**
№ 20. Сквозь пожаръ. (Переходъ Наполеона въ Петровскій дворецъ). **В. В. Верещагина.**
№ 21. Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. **В. В. Верещагина.**
№ 22. Поджигатели. **В. В. Верещагина.**
№ 23. Въ Успенскомъ соборѣ. **В. В. Верещагина.**
№ 24. Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ. **В. В. Верещагина.**
№ 25. Наполеонъ и Лористонъ. Миръ во что бы то ни стало. **В. В. Верещагина.**
№ 26. Видъ Московскаго арсенала, взорваннаго маршаломъ Мортье. **Неизвѣстнаго художника.**
№ 27. Портреты: Витгенштейна, Ермолова, Толя и Беннигсена.
№ 28. Сраженіе при Тарутинѣ 6 октября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 29. Сраженіе при Полоцкѣ 7 октября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 30. Сраженіе при Мало-Ярославцѣ 12 октября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 31. Въ Городнѣ. Пробиваться или отступать? **В. В. Верещагина.**
№ 32. На морозѣ. **В. В. Верещагина.**
№ 33. Сраженіе при Вязьмѣ 22 октября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 34. На этапѣ. Дурныя вѣсти изъ Франціи. **В. В. Верещагина.**
№ 35. Сраженіе подъ Краснымъ 5 ноября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 36. Сраженіе на рѣчкѣ Лосминѣ 6 ноября 1812 года. **П. Гесса.**
№ 37. Атака. **В. В. Верещагина.**
№ 38. Партизаны. **В. В. Верещагина.**
№ 39. Съ оружіемъ въ рукахъ?.. Разстрѣлять! **В. В. Верещагина.**
№ 40. Отступленіе. **В. В. Верещагина.**
№ 41. Ночной привалъ „Великой арміи“. **В. В. Верещагина.**
№ 42. Сожженіе знаменъ „Большой арміи“. **А. Коссака.**
№ 43. Переходъ черезъ Березину. **П. Гесса.**
№ 44. „Въ 1812 году“. **И. М. Прянишникова.**
№ 45. Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III съ сыновьями благодаритъ Москву за спасеніе его государства. **Н. С. Матвѣева.**
№ 46. Торжество открытія памятника Императору Александру I въ С.-Петербургѣ. **Неизвѣстнаго.**
№ 47. Портретъ свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго.
№ 48. Портретъ М. Б. Барклая-де-Толли.
№ 49. Портретъ князя П. И. Багратіона.
№ 50. Портреты Милорадовича, Раевскаго, Дохтурова и Коновницына.
№ 51. Портреты Остермана-Толстого и Тучковыхъ 1-го, 3-го и 4-го.
№ 52. Портреты Невѣровскаго, Дорохова, Лихачева и Орлова-Денисова.
№ 53. Портреты Воронцова, Костенецкаго, Багговута и Платова.
№ 54. Портреты Кайсарова, Сеславина, Кутайсова и Дениса Давыдова.
№ 55. Портреты Кульнева, Ламберта, Ожаровскаго и Чаплица.
№ 56. Портреты Ростопчина, Тормасова, Чичагова, Уварова, Фигнера, Бибикова и Арнольди.

2007085882

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

(1812—1912).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя.
Дошли къ намъ царскія слова
И стала Русь стѣною трона.
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

(Изъ „Русской славы“ В. А. Жуковскаго).

Монограмма Наполеона на Французскихъ пушкахъ.

Двѣнадцатый годъ!!... У кого изъ Русскихъ не забьется трепетно сердце отъ этихъ двухъ словъ.

Россіи въ 1812 году ниспослано было тяжкое испытаніе, но крѣпка была любовь русскаго народа къ своимъ Вѣрѣ, Царю и Отечеству, яркимъ пламенемъ горѣла она въ этотъ достопамятный годъ и дала русскому государству силы выйти со славою изъ тяжелаго испытанія. Не смотря на всѣ невзгоды войны, на занятіе непріятелемъ и разореніе многихъ русскихъ городовъ и земель, на потерю и гибель Москвы — не пали духомъ русскій царь и русскій народъ. По зову царя, крѣпко сплотилась Россія и дала отпоръ вражьему нашествію, и погибъ врагъ, посягнувшій на неприкосновенность и цѣлость дорогого отечества, на честь и славу его, на достоинство и международное значеніе русскаго государства. Въ тяжкую годину нашествія сильнаго и искуснаго въ ратномъ дѣлѣ врага ярко проявилась сила русскаго духа, сказалась крѣпость русской государственности. Оттого и священна для насъ, Русскихъ, память Двѣнадцатаго года.

Наступятъ дни столѣтней годовщины Отечественной войны, и русскій народъ станетъ мысленно обращаться къ событіямъ этой грозной, сначала тяжкой, но въ концѣ концовъ славной для него эпохи изъ его тысячелѣтней исторической жизни. Возстанутъ: величественный въ своей рѣшимости и твердости образъ Императора Александра I, величавые образы его главныхъ сподвижниковъ, образы скромныхъ героевъ — русскихъ офицеровъ и солдатъ; возстанетъ образъ всего русскаго народа, грудью и всѣмъ своимъ достояніемъ вставшаго за Вѣру, Царя и Отечество. Русскій человѣкъ почувствуетъ потребность оглянуться за сто лѣтъ назадъ и перебрать въ своей памяти великія событія Отечественной войны. Многія изъ нихъ запечатлѣны въ картинахъ и портретахъ мастеровъ живописи, украшающихъ собою стѣны русскихъ дворцовъ и музеевъ. Созерцаніе ихъ отрадно и многозначительно для каждаго Русскаго, особливо въ годъ столѣтняго юбилея достопамятныхъ событій;

I. LAPINA · FAB.

въ памятные дни Двѣнадцатаго года созерцаніе этихъ картинъ и портретовъ станетъ жгучею потребностью русскаго человѣка. Захочется не разъ, и не два, и не мелькомъ взглянуть на нихъ въ 1912 году; явится потребность разглядывать ихъ, продумывать надъ ними и прочувствовать ихъ во многіе дни этого юбилейнаго года: и въ „Смоленскіе дни“, и „въ день Бородина“, и въ день отдачи непріятелю сердца Россіи — Москвы, и въ день оставленія ея вражьей силой, и въ дни гибели этой силы и изгнанія непріятеля изъ предѣловъ отечества.

Отвѣтить этому запросу русской души — задача предлежащаго изданія. Да рѣетъ надъ Русскою Землею геройскій духъ Двѣнадцатаго года!

Монограмма Наполеона на Французскихъ пушкахъ.

Наше изданіе состоитъ изъ: 1) собранія картинъ и портретовъ, и 2) текста съ картами и иллюстраціями.

Всѣ картины (43) въ краскахъ; часть портретовъ (18) также въ краскахъ; остальные (23) черные. Каждая картина напечатана на отдѣльномъ листѣ; 6 большихъ портретовъ напечатаны также на отдѣльныхъ листахъ. Прочіе портреты (35) сгрупированы по 4 на листѣ (но одинъ листъ имѣетъ 7 портретовъ). Всѣмъ картинамъ и группамъ портретовъ придана общая нумерація отъ № 1 до № 56 (кромѣ портрета Его Величества Государя Императора Николая II) и каждая изъ нихъ снабжена пояснительнымъ къ ней текстомъ, напечатаннымъ на прозрачной бумагѣ.

Текстъ состоитъ изъ: 1) только что названнаго пояснительнаго текста къ каждой картинѣ, отдѣльному портрету и каждой группѣ портретовъ, и 2) особо напечатаннаго краткаго очерка Отечественной войны съ 9 картами-схемами и иллюстраціями. Послѣднія, общимъ числомъ 84, представляютъ собою снимки съ старинныхъ гравюръ, медалей, нѣкоторыхъ музейныхъ предметовъ, гербовъ, монограммъ и проч.

Картины нашего собранія принадлежатъ кисти извѣстныхъ художниковъ, давшихъ свои произведенія на темы изъ Отечественной войны.

Изъ нихъ 20 работы нашего знаменитаго художника В. В. Верещагина, трагически погибшаго въ русско-японскую войну подъ Портъ-Артуромъ. Картины эти написаны въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, были пріобрѣтены Музеемъ Императора Александра III (въ С.-Петербургѣ), но съ учрежденіемъ въ Москвѣ Музея 1812 года, по Высочайшему повелѣнію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, переданы туда и, впредь до сооруженія зданія для него, находятся въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ Москвѣ.

НАПОЛЕОНЪ
въ изображеніи В. В. Верещагина.

12 картинъ принадлежатъ кисти Петра фонъ Гесса (Peter von Hess), нѣмецкаго художника, участника войнъ 1813 и 1814 годовъ, спеціально приглашеннаго въ Россію для исполненія этихъ картинъ, по повелѣнію Императора Николая I. Гессъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1839 году, объѣзжалъ поля главнѣйшихъ сраженій Отечественной войны, знакомился съ портретами героевъ ея, изучалъ факты сраженій, формы одежды войскъ 1812 года и т. п. и написалъ 12 картинъ сраженій этой войны. Всѣ эти картины висятъ на стѣнахъ залъ Зимняго дворца.

Тамъ-же находятся и оттуда сняты для нашего изданія три картины художниковъ Коцебу, Крассовскаго и Дезарно.

Прочія картины нашего изданія принадлежатъ кисти художниковъ: А. Д. Кившенко, И. М. Прянишникова, Н. С. Матвѣева, А. Коссака; нѣсколько картинъ написано неизвѣстными художниками. Копіи съ этихъ картинъ воспроизведены нами съ оригиналовъ, находящихся въ Московской Третьяковской галлереѣ и въ музеяхъ Москвы: Музеѣ 1812 года, Императорскомъ Историческомъ и Щукинскомъ; картины-же Н. С. Матвѣева воспроизведены по спеціальному нашему заказу самому художнику.

Портреты взяты, главнымъ образомъ, изъ „Военной галлереи“ Зимняго дворца и написаны англійскимъ художникомъ Дау или Доу (Dawe). Въ „Военной галлереѣ“ помѣщены портреты (въ краскахъ) всѣхъ нашихъ генераловъ, принимавшихъ участіе въ войнахъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Мысль о воспроизведеніи этихъ портретовъ принадлежитъ Императору Александру I, который въ 1818 году пригласилъ для этой цѣли художника Доу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Доу работалъ въ одной изъ залъ Эрмитажа и написалъ 4 портрета въ ростъ *) и 330 грудныхъ портретовъ. По свидѣтельству современниковъ, портреты эти отличаются большимъ сходствомъ. Въ 1826 году, уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, всѣ эти портреты были собраны и развѣшаны въ особой залѣ Зимняго дворца, получившей названіе Военной галлереи. Кромѣ названныхъ 334 портретовъ Доу здѣсь помѣщено еще три большихъ портрета: Императора Александра I и его союзниковъ въ борьбѣ съ Наполеономъ — австрійскаго Императора Франца I и прусскаго короля Фридриха Вильгельма III; эти портреты написаны художникомъ Крюгеромъ.

Военная галлерея является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ Отечественной войны (а также вышеназванная серія картинъ этой войны, находящихся въ залахъ Зимняго дворца). Нашъ геніальный поэтъ А. С. Пушкинъ далъ слѣдующее чудное описаніе ея (въ стихотвореніи „Полководецъ“, написанномъ въ 1835 году):

„У русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью Двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики“.

Снимки съ гравюръ, медалей и музейныхъ предметовъ сдѣланы, главнымъ образомъ, съ коллекцій Музея 1812 года и отчасти Императорскаго Историческаго и Щукинскаго музеевъ въ Москвѣ.

Гербы и монограммы, разсѣянные въ текстѣ нашего изданія, а также снимки съ орудій заимствованы изъ труда В. А. Петрова „Орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году“ (составлено и издано въ 1911 году по порученію Комитета Музея 1812 года). Это гербы и монограммы, снятые В. А. Петровымъ съ пушекъ, отбитыхъ нами въ 1812 году у „Большой арміи“ Наполеона и лежащихъ нынѣ у стѣнъ арсенала въ Московскомъ Кремлѣ.

Репродукція всѣхъ картинъ, портретовъ и иллюстрацій въ текстѣ исполнена всемірноизвѣстнымъ художественнымъ заведеніемъ И. С. Лапина и К° въ Парижѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ художника-литографа И. С. Лапина.

Весь текстъ и карты къ нему составлены Ѳ. А. Макшеевымъ, заслуженнымъ профессоромъ Императорской Николаевской военной академіи, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Очеркъ, въ сжатомъ простомъ изложеніи, даетъ связный разсказъ о главнѣйшихъ событіяхъ Отечественной войны; приложенныя къ нему карты-схемы показываютъ главныя операціонныя направленія армій.

Пояснительный текстъ къ картинамъ имѣетъ цѣлью объяснить содержаніе каждой изъ нихъ, въ дополненіе къ „Очерку“; текстъ къ портретамъ заключаетъ въ себѣ важнѣйшія біографическія свѣдѣнія, главнымъ образомъ очерчивающія обликъ ко времени Отечественной войны и дѣятельность въ эту войну.

Дать полное и вполнѣ правильное поясненіе картинъ оказалось очень труднымъ, такъ какъ художники, къ сожалѣнію, не оставили описанія своихъ картинъ. Хотя В. В. Верещагинъ въ 1895 году издалъ книжку подъ заглавіемъ **„1812“** (Пожаръ Москвы. Казаки. Великая армія. Маршалы. Наполеонъ I), которая является результатомъ изученія имъ литературы Отечественной войны, но и въ ней нѣтъ описанія написанныхъ имъ 20 картинъ по этой эпохѣ; только къ

*) Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича и фельдмаршаловъ: свѣтлѣйшаго князя Кутузова-Смоленскаго, князя Барклая-де-Толли и герцога Веллингтона.

I. LAPINA · PARIS

одной изъ нихъ („Сквозь пожаръ“) имѣются вполнѣ опредѣленныя указанія, которыми мы и воспользовались для нашего поясненія. Для поясненія же остальныхъ его картинъ необходимо было подыскивать факты изъ исторической литературы.

Найти какіе-либо слѣды, оставленные художникомъ Гессомъ въ поясненіе къ его 12 картинамъ, намъ совершенно не удалось; попытки наши розыскать эти слѣды въ дѣлахъ Императорскаго Эрмитажа не привели къ благопріятному результату: ничего не нашлось. Хотя въ 1887 году, къ 75-лѣтію Отечественной войны г. Гоффертомъ былъ изданъ альбомъ снимковъ съ этихъ 12 картинъ, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ, пересмотрѣннымъ и исправленнымъ Н. Ѳ. Дубровинымъ *), но поясненія этого текста не вполнѣ удовлетворительны: въ нихъ невѣрно называются нѣкоторыя лица, изображенныя на картинахъ; въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, сличая картины Гесса съ портретами Доу **). Только такимъ сличеніемъ и можно теперь установить вѣрное указаніе лицъ, написанныхъ на картинахъ, что мы и сдѣлали на основаніи нашихъ обозрѣній этихъ картинъ и портретовъ въ Зимнемъ дворцѣ (съ особаго на это разрѣшенія).

Одинъ только художникъ, а именно Н. С. Матвѣевъ, далъ полное описаніе своихъ двухъ картинъ, которое и послужило главнымъ матеріаломъ къ нашему поясненію.

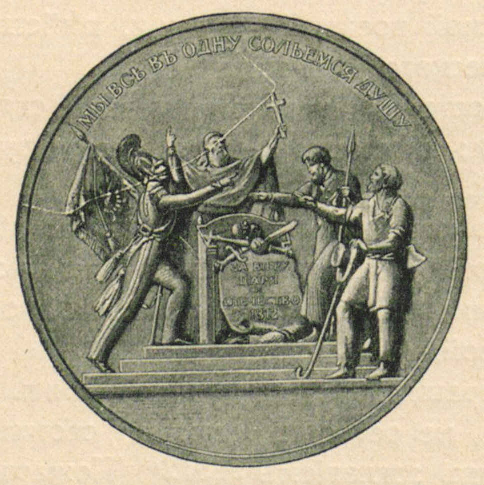
Картина А. Д. Кившенко „Совѣтъ въ Филяхъ“ совершенно совпадаетъ съ описаніемъ этого совѣта въ историческомъ романѣ графа Л. Н. Толстого „Война и миръ“ и, очевидно, написана именно по Толстому, а потому въ нашемъ поясненіи къ этой картинѣ мы и даемъ полный текстъ соотвѣтственнаго отрывка изъ этого романа, что, въ связи съ приведенными нами историческими данными, лучше всего поясняетъ картину.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ „Очерка войны“ и пояснительнаго къ картинамъ текста мы сочли полезнымъ привести отрывки изъ произведеній нашихъ поэтовъ-лириковъ, воспѣвшихъ событія и героевъ Отечественной войны (В. А. Жуковскаго, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и другихъ), такъ какъ эти поэтическія творенія оживляютъ разсказъ и ярко живописуютъ героическое прошлое Россіи.

Памятникъ Отечественной войны на полѣ Бородинскаго сраженія.

Задушевное желаніе издателя и составителя: въ дни столѣтней годовщины событій Двѣнадцатаго года дать русскому человѣку краткое и наглядное пособіе, которое удовлетворило бы его потребности оглянуться за 100 лѣтъ назадъ, вспомнить, продумать и прочувствовать великія событія 1812 года. Россія въ 1812 году окончательною побѣдою своею болѣе всего обязана высокому душевному настроенію Царя и его народа. И потомкамъ героевъ Двѣнадцатаго года не иначе, какъ сердцемъ, понять великія событія этого года. Пусть наше художественное изданіе и говоритъ сердцу русскаго человѣка.

Медаль въ память Отечественной войны.

---

*) Изданіе это называется „Иллюстрированная Отечественная война 1812 года“.

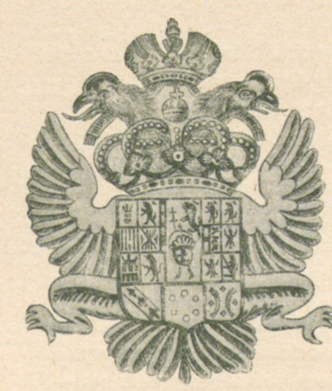
**) У Дубровина, напр., совершенно невѣрно называются лица на картинѣ „Сраженіе при Смоленскѣ 5 августа 1812 года“, да и самое мѣсто дѣйствія указано невѣрно.

Краткій очеркъ Отечественной войны 1812 года.

I.

Начало войны.

(Отъ Нѣмана до Смоленска).

Гербъ на Австрійскихъ пушкахъ.

Начало XIX вѣка въ Европѣ ознаменовалось возникновеніемъ и чрезвычайно быстрымъ распространеніемъ могущества Наполеона. Въ 1804 году онъ провозгласилъ себя императоромъ французовъ и менѣе чѣмъ въ шесть лѣтъ, рядомъ побѣдныхъ войнъ (1805, 1806 — 1807, 1809 годовъ), достигъ власти почти надъ всею западною Европою; многія земли были прямо присоединены къ Франціи въ видѣ новыхъ департаментовъ ея, другія были отданы въ управленіе братьевъ и родственниковъ Наполеона подъ видомъ новыхъ королевствъ (Вестфальское, Неаполитанское, Итальянское....), третьи принуждены были вступить съ нимъ въ принудительно-союзническія отношенія (Австрія, Баварія, Саксонія, Виртембергъ), а Пруссія, разгромленная имъ въ 1806 — 1807 годахъ, должна была отдать Наполеону половину своихъ земель и населенія, принять къ себѣ французскіе гарнизоны и вступить съ нимъ въ унизительный союзъ.

Но восточная Европа, въ лицѣ Россіи, не подчинялась игу Наполеона и силою оружія сдерживала его натиски. Русскія войска уже дважды бились съ войсками Наполеона: въ 1805 году мы пошли на помощь Австріи и обагрили ея землю русскою кровью; то-же мы сдѣлали въ 1806 — 1807 годахъ, устремившись на помощь Пруссіи, погибавшей подъ ударами Наполеона. Эти войны закончились для насъ дружественнымъ съ Франціею договоромъ, скрѣпленнымъ личнымъ свиданіемъ Императоровъ Александра I и Наполеона въ Тильзитѣ. Казалось, что здѣсь были улажены всѣ политическія недоразумѣнія и Европѣ обезпеченъ миръ. Но уже въ 1809 году этотъ миръ былъ нарушенъ войною Наполеона противъ Австріи; въ этой войнѣ и Россія, въ качествѣ союзника Наполеона, приняла участіе, весьма впрочемъ слабое, почти призрачное (противъ Австріи мы только выставили обсерваціонный корпусъ).

Съ 1811 года Наполеонъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, намѣреваясь поднять на нее всѣхъ своихъ вассаловъ и подневольныхъ союзниковъ западной Европы: онъ стремился стать полновластнымъ хозяиномъ во всей Европѣ, но Россія этому мѣшала. Явныя приготовленія Наполеона вынудили и Россію готовиться къ войнѣ. И война эта произошла въ 1812 году. Началъ ее Наполеонъ, вторженіемъ въ предѣлы Россіи въ іюнѣ мѣсяцѣ. Война эта была очень тяжела для насъ, но она окончилась совершенною гибелью непріятельскихъ полчищъ. Съ нашей стороны она велась не только арміею, но и народомъ, грудью и имуществомъ вставшимъ за отечество. И война эта получила названіе „Отечественной“. (*См. картины №№ 1 и 2* и объясненіе къ нимъ).

Монограмма Іосифа Максимильяна на Баварскихъ пушкахъ.

Двадцать народовъ („двадесять языкъ“ — по выраженію молитвы благодарственнаго молебствія по поводу изгнанія непріятеля изъ Россіи въ 1812 году) ополчились на Россію и войска ихъ, образовавъ „большую армію“ (la grande armée) подъ предводительствомъ Наполеона, лѣтомъ 1812 года приблизились къ ея границамъ. Армія Наполеона состояла почти изъ 600.000 человѣкъ, изъ коихъ къ русскимъ предѣламъ было подведено около 450.000; остальныя силы находились тогда еще назади. Въ составъ этой арміи входили войска: французскія, австрійскія, польскія, саксонскія, баварскія, вестфальскія, итальянскія, неаполитанскія, прусскія, виртембергскія, баденскія, швейцарскія, голландскія, испанскія, португальскія, гессенъ-дармштатскія, мекленбургскія, тосканскія, иллирійскія и бергскія. Въ виду такого разношерстнаго состава большой арміи Наполеона, ея нельзя считать французскою въ буквальномъ смыслѣ слова; нѣкоторые изъ ея корпусовъ были сплошь не французскіе; таковы корпуса: австрійскій, баварскій, саксонскій, польскій, вестфальскій, итальянскій; одинъ корпусъ состоялъ изъ двухъ прусскихъ и одной французской дивизій; поляки, кромѣ польскаго корпуса, входили и во многіе другіе. А потому если мы, для краткости, будемъ иногда называть непріятельскую армію французскою, то не надо понимать этого буквально.

Во главѣ этой арміи стоялъ императоръ Наполеонъ. Частями ея командовали: король Вестфальскій (Іеронимъ, братъ Наполеона), король Неаполитанскій (Мюратъ, зять Наполеона), вицекороль Итальянскій (принцъ Евгеній Богарне, пасынокъ Наполеона, по его первому браку) и прославленные боевыми успѣхами наполеоновскихъ войнъ маршалы: Даву, Ней, Удино, Викторъ, С.-Сиръ, Макдональдъ и другіе.

Россія могла противопоставить этому нашествію не болѣе 200.000 человѣкъ *), растянутыхъ на огромномъ пространствѣ нашей западной границы. Русскія войска состояли изъ трехъ армій: 1-й и 2-й западныхъ и 3-й

---

*) Къ началу Отеч. войны Россія имѣла подъ ружьемъ до 480.000 человѣкъ, но часть этихъ силъ находилась на другихъ границахъ (большая часть—около 90.000—въ Молдавіи, въ виду непослѣдовавшаго еще заключенія мира съ Турціей).

I. LAPINA. PAR.

резервной обсерваціонной. Обѣ западныя арміи расположены были на главномъ театрѣ войны — къ сѣверу отъ Полѣсья. 1-я армія (120.000 ч.) стояла позади средней части р. Нѣмана *), а 2-я (40.000 ч.) южнѣе ея — впереди р. Щары. Общій фронтъ расположенія обѣихъ армій былъ 300 верстъ. Разстояніе между обѣими арміями было 90 верстъ. 3-я армія (45.000 ч.) находилась къ югу отъ Полѣсья — на Волыни. Въ главѣ этихъ армій, на правахъ главнокомандующихъ, стояли: 1-й арміи — генералъ Барклай-де-Толли (онъ-же военный министръ) *(см. картину № 48)*; 2-й арміи — генералъ князь Багратіонъ *(см. картину № 49)*; 3-й арміи — генералъ Тормасовъ.

Государь съ апрѣля мѣсяца находился при войскахъ—въ Вильнѣ.

12 іюня **) 1812 года армія Наполеона, въ его личномъ присутствіи, начала переправу черезъ р. Нѣманъ, близъ Ковны, и вступила въ предѣлы Россіи безъ предварительнаго объявленія войны.

ПЕРЕХОДЪ АРМІИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗЪ Р. НѢМАНЪ 12 ІЮНЯ 1812 ГОДА.

Съ гравюры Музея 1812 года.

На высокомъ холмѣ стоитъ Наполеонъ впереди своего шатра. Внизу протекаетъ р. Нѣманъ, черезъ который переброшено три моста; къ нимъ по долинѣ рѣки идутъ массы войскъ.

ПЕРЕХОДЪ АРМІИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗЪ Р. НѢМАНЪ 12 ІЮНЯ 1812 ГОДА.

Со старинной гравюры.

Передъ костромъ Наполеонъ въ треуголкѣ. Черезъ р. Нѣманъ переброшено 3 моста. Къ мостамъ подходятъ колонны войскъ.

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны, работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена!
Какъ громъ, далеко раздается: „Vivat!“
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ —
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ...

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему въ то же время, — сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ!“
„Впередъ!“ говорятъ ему слава и геній —
„Впередъ, императоръ! Впередъ!“

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

(Стихи Полонскаго: „Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ“).

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой, — стоялъ и ждалъ...

(Изъ стихотворенія Тютчева: „Проѣзжая черезъ Ковно“).

Россія уже цѣлое столѣтіе — со времени войны со шведами при Петрѣ Великомъ — не видала на своей землѣ непріятельскихъ войскъ. Вторженіе Наполеона съ многочисленною арміею, въ три раза превышавшею наши силы (на главномъ театрѣ войны у насъ было всего около 160.000, а у Наполеона около 450.000), было грознымъ явленіемъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ ея стоялъ полководецъ, озаренный блескомъ побѣдной славы, покорившій своей власти почти всю западную Европу. Господь послалъ Россіи испытаніе.

*) См. карту № 1.

**) Даты вездѣ приводятся здѣсь по старому стилю.

Врагъ былъ силенъ многочисленною арміею и искусенъ полководцемъ. Въ этомъ мы уступали ему. Но мы были сильны всегдашнею любовью къ своимъ Вѣрѣ, Царю и Отечеству и тѣмъ подъемомъ народнаго духа, который проявился при грозившей нашимъ завѣтамъ опасности. И полны жизненной правды слѣдующія слова Государя, которыми заканчивается приказъ его войскамъ о начатіи войны:

„Не остается Намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

Наполеонъ въ превосходныхъ силахъ ступилъ на русскую землю. Было-бы опасно сразу подвергать наши слабыя, къ тому-же крайне разбросанныя, силы ударамъ многочисленнаго и искуснаго противника. А потому наши обѣ западныя арміи получили приказаніе отступать.

Государь 13 іюня покинулъ Вильну, и арміи наши начали отступленіе.

Отступленіе входило въ наши планы, которые составлялись еще до войны. Въ тылу расположенія нашихъ войскъ, а именно на средней части р. Западной Двины — у г. Дриссы — былъ устроенъ укрѣпленный лагерь, въ который должна была отступать наша 1-я армія; предполагалось, что отсюда она могла угрожать непріятелю при наступленіи его либо на Петербургъ, либо на Москву. Въ то-же время 2-й арміи указывалось дѣйствовать въ тылъ наступающей непріятельской арміи. Планъ очень сложный и совершенно несоотвѣтствовавшій нашимъ слабымъ, по сравненію съ непріятельскими, силамъ. Въ немъ было цѣлесообразно лишь одно — рѣшеніе отступать въ виду превосходства непріятельскихъ силъ, остальное было неосуществимо для нашихъ малочисленныхъ армій; мало того, оно подвергало ихъ опасности отдѣльнаго пораженія непріятельскою арміею, болѣе многочисленною и занимающею центральное относительно нихъ положеніе. Ошибка эта была нами сознана очень скоро, уже черезъ нѣсколько дней, и 2-я армія получила тогда другую задачу: идти на соединеніе съ 1-ю арміею, продолжавшею отступать къ дрисскому укрѣпленному лагерю. Задача эта была очень трудна, въ виду даннаго 1-й арміи направленія, не сближавшаго ея со 2-ю арміею, а удалявшаго отъ нея. (См. карту № 1).

1-я армія безъ серьезныхъ боевъ достигла дрисскаго укрѣпленнаго лагеря 26 іюня. Государь былъ при ней.

2-ая армія была въ это время въ Несвижѣ — въ 260 верстахъ отъ 1-й (тогда какъ до начала отступленія всего лишь въ 90 верстахъ). Попытки ея идти на сѣверъ къ 1-й арміи не удавались, не смотря на форсированные марши и бои съ непріятельскими войсками. Непріятель задался цѣлью воспрепятствовать соединенію нашихъ обѣихъ армій; Наполеонъ самонадѣянно говорилъ, что Багратіонъ съ Барклаемъ болѣе не увидятся. Наша 2-я армія принуждена была уклоняться къ югу, дѣлать новыя попытки пробиться на сѣверъ, словомъ, идти зигзагообразно. Казаки Платова, находившіеся въ арьергардѣ 2-й арміи, имѣли 27 и 28 іюня молодецкое дѣло съ непріятельскою кавалеріею у Мира — *(См. картину № 3)*.

Печать военнаго комиссара „Временнаго управленія Литвою", учрежденнаго Наполеономъ въ 1812 году.
Съ печати, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

1-ю армію непріятель тѣснилъ слабо, направляя свои главныя усилія въ промежутокъ между нею и 2-ю арміею, съ цѣлью ихъ разобщенія и захвата кратчайшихъ путей на Москву.

Наполеонъ вступилъ въ Вильну 16 іюня и оставался въ ней въ теченіе 18 дней для административнаго устройства Литвы подъ своею властью и поднятія ея населенія противъ Россіи (послѣднее удалось ему лишь въ очень слабой степени).

Монограмма Людовика на Баденскихъ пушкахъ.

У Дриссы 1-я армія пробыла недолго. Укрѣпленный лагерь оказался выбраннымъ и построеннымъ крайне неудачно, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ и инженерномъ отношеніяхъ*). А потому рѣшено было его оставить и направить 1-ю армію къ Витебску для прегражденія непріятельскимъ войскамъ кратчайшихъ путей на Москву и сближенія со 2-ю арміею, съ которою надѣялись соединиться въ Витебскѣ.

4 іюля 1-я армія выступила изъ Дриссы, черезъ Полоцкъ, на Витебскъ. Для прикрытія-же путей на Петербургъ изъ нея былъ выдѣленъ для самостоятельныхъ дѣйствій отдѣльный корпусъ, подъ командою генерала графа Витгенштейна.

6 іюля Государь покинулъ армію и направился въ Москву, а оттуда въ Петербургъ.

1-я армія 11 іюля достигла Витебска, безъ серьезныхъ боевъ. Но соединеніе со 2-ю арміею здѣсь не осуществилось.

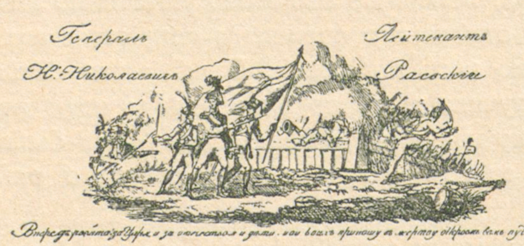
*) Идея дрисской операціи принадлежитъ печальной памяти прусскому генералу Фулю, состоявшему на русской службѣ со времени разгрома Пруссіи Наполеономъ и, къ сожалѣнію, пользовавшемуся у насъ авторитетомъ; ему-же принадлежитъ и планъ дрисскаго укрѣпленнаго лагеря. Когда негодность этого лагеря стала очевидною, авторитетъ Фуля палъ и онъ отозванъ былъ изъ арміи.

I. LAPINA · PAR

2-я армія, слѣдуя черезъ Несвижъ и Бобруйскъ, въ это время подходила только къ Могилеву, который, однако, оказался уже въ рукахъ непріятеля. Багратіонъ пытался сбить заграждавшія ему Могилевъ войска (дѣло у Салтановки 11 іюля), но оттѣснить непріятеля ему не удалось. Тогда 2-я армія направилась черезъ Мстиславль къ Смоленску, расчитывая тамъ соединиться съ 1-ю арміею.

Когда 1-ая армія подошла къ Витебску, туда-же съ запада подходили главныя силы непріятельской арміи. При нихъ находился самъ Наполеонъ, прибывшій въ Бѣшенковичи (въ 60 верстахъ отъ Витебска) 12 іюля. Ожидая подхода Багратіона *), Барклай выслалъ на встрѣчу приближавшихся непріятельскихъ войскъ пѣхотный корпусъ съ сильною кавалеріею. Это привело къ трехдневнымъ боямъ (13—15 іюля) нашихъ передовыхъ войскъ съ непріятельскими (у Островно, Куковячина и за рѣкою Лучосою). Одно время Барклай думалъ принять всею своею арміею бой впереди Витебска за р. Лучосою. Армія наша горѣла желаніемъ сразиться съ непріятельскою. А Наполеонъ особенно хотѣлъ генеральнаго сраженія, т. к. продолжительное наступленіе утомляло и разстраивало его армію, не приводя ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ; ему нужна была скорѣйшая развязка, а наша армія все ускользала. Но Барклай отлично понималъ всѣ невыгоды для насъ боя съ превосходными непріятельскими силами, да еще предводимыми самимъ Наполеономъ, а потому по полученіи въ ночь на 16 іюля извѣстія о прегражденіи Багратіону путей къ Витебску, онъ рѣшилъ отступить къ Смоленску на соединеніе со 2-ю арміею. Отступленіе это было начато въ ту-же ночь. Оно было столь искусно скрыто и замаскировано дѣйствіями нашего отряда, расположеннаго за р. Лучосою, что не было замѣчено непріятелемъ; мало того, французы совершенно потеряли изъ виду русскую армію и только на третьи сутки (18 іюля) выяснили направленіе ея отступленія.

ПОРТРЕТЪ ГЕНЕРАЛА Н. Н. РАЕВСКАГО СЪ ВИНЬЕТКОЙ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩЕЙ ЕГО ПОДВИГЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ САЛТАНОВКѢ 11 ІЮЛЯ 1812 ГОДА.

Съ старинной гравюры Карделли (изъ Музея 1812 года).

Генералъ Раевскій, съ двумя своими сыновьями, юными офицерами, идетъ по узкой гати во главѣ колонны войскъ въ атаку на непріятеля. Внизу подпись: „Впередъ, ребята! За Царя и за Отечество! Я и дѣти мои, коихъ приношу въ жертву, откроемъ вамъ путь".

20-го іюля 1-я армія подошла къ Смоленску, а 22-го туда подошла и 2-я армія, и соединеніе ихъ было наконецъ достигнуто.

Съ начала войны прошло уже 40 дней. Русскія войска все отступали; но не вражью волю они исполняли; они отступали преднамѣренно, и непріятель принужденъ былъ подчиняться нашей волѣ; намъ было еще невыгодно вступать съ нимъ въ рѣшительные бои, а онъ ихъ добивался, но не добился. Наполеонъ, который въ прежнія свои войны съ самаго начала заставлялъ непріятеля дѣлать то, что онъ хотѣлъ, и въ самое короткое время достигалъ рѣшительныхъ побѣдныхъ результатовъ **), въ 1812 году, въ войнѣ съ Россіей, не могъ дѣлать того, что ему было выгодно и чего ему хотѣлось. Ему не удалось воспользоваться разобщеннымъ положеніемъ нашихъ двухъ армій и бить ихъ по частямъ; наши арміи, рядомъ искусныхъ маршей, исправили ошибку первоначально даннаго имъ направленія, ввели противника въ заблужденіе и соединились въ Смоленскѣ. Для этого имъ пришлось развить большія напряженія, особенно войскамъ 2-й арміи; въ 38 дней она сдѣлала 750 верстъ, давъ нѣсколько крупныхъ боевъ (у Мира и Салтановки). Не смотря на форсированность маршей, русскія арміи имѣли незначительныя потери больными и отсталыми; общая убыль въ обѣихъ около 25.000, при чемъ больше половины (около 15.000) приходится на убитыхъ и раненыхъ.

Въ другомъ совершенно положеніи оказалась непріятельская армія. Она потеряла около 150.000 человѣкъ, при чемъ на убитыхъ и раненыхъ приходится всего лишь около 7.000; все остальное падаетъ на больныхъ, отсталыхъ и дезертировъ. Эти страшныя потери второй категоріи объясняются тяжестью похода (были сильныя жары, потомъ дожди, испортившія дороги), недостаткомъ продовольствія, расшатанностью дисциплины и, въ результатѣ, развитіемъ болѣзненности, мародерства и дезертирства. Многоязычная армія съ самого начала войны стала уже разлагаться.

По занятіи Витебска Наполеонъ пріостановилъ наступленіе своей арміи на линіи Витебскъ—Могилевъ, чтобы дать ей подтянуться и отдохнуть.

---

*) До ночи на 16 іюля Барклай не зналъ о томъ, что Багратіону не удалось выйти къ нему черезъ Могилевъ. Надо вспомнить, что тогда еще не было телеграфа, при помощи котораго можно было-бы быстро передавать извѣстія изъ одной арміи въ другую. Приходилось пересылать ихъ на лошадяхъ, въ данномъ случаѣ кружными путями, обходя непріятельскія войска.

**) Особенно быстро были имъ достигнуты самые рѣшительные результаты въ войнѣ съ Пруссіей въ 1806 году: 19 сентября онъ объявляетъ войну, а 14 октября прусскія арміи на голову разбиты подъ Іеной и Ауэрштедтомъ.

Во время разсказанныхъ событій произошли крупные бои въ отдѣльномъ корпусѣ графа Витгенштейна, стоявшаго на путяхъ къ Петербургу. Здѣсь 18 — 21 іюля разыгрались бои у Клястицъ, Боярщины и Головчицъ; въ бою 20 іюля убитъ отважный генералъ Кульневъ (*см. картину № 4* и объясненіе къ ней).

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА Я. П. КУЛЬНЕВА.
Съ гравюры Музея 1812 года.
Убитъ въ дѣлѣ при Боярщинѣ 20 іюля 1812 года. Непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги.

Государь, отбывъ 6 іюля изъ арміи, направился въ Москву, куда съ пути выслалъ впередъ воззваніе къ первопрестольной столицѣ, призывая ее къ ополченію людьми и пожертвованію деньгами на войну. Туда-же былъ высланъ манифестъ о всеобщемъ ополченіи; въ немъ Государь говорилъ своему народу такъ:

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами, единодушнымъ общимъ возстаніемъ, содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ! Никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ".

Слѣдуя къ Москвѣ, Государь остановился на одинъ день въ Смоленскѣ, гдѣ дворянство этой губерніи, еще не зная о манифестѣ, само черезъ своего предводителя (Лесли) заявило о своей готовности выставить 20.000 ополченіе. Такимъ образомъ, Смоленское дворянство первое и по собственному почину становилось на защиту Отечества.

Въ Москвѣ Государь прибылъ въ собраніе дворянъ и купечества (въ Слободскомъ дворцѣ) и въ рѣчахъ своихъ призывалъ ихъ къ выставленію ополченій и къ денежнымъ пожертвованіямъ. Призывъ Государя встрѣтилъ дружный откликъ; дворянство и купечество изъявило полную готовность, при чемъ купечество тутъже собрало полтора мильона рублей. Вслѣдъ за симъ начались ополченскія формированія и сборъ денежныхъ пожертвованій.

Кратковременное пребываніе Государя въ Москвѣ сопровождалось яркими проявленіями любви къ нему и преданности всѣхъ сословій и изъявленіемъ готовности на всякія жертвы для борьбы съ дерзкимъ нарушителемъ неприкосновенности отечества. Когда Государь вышелъ изъ дворца, густыя толпы народа наполняли Кремль; раздавались восклицанія: „Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ!" И это были не слова только, какъ показали послѣдующія событія!

Изъ Москвы Государь отбылъ въ Петербургъ, гдѣ отдался распоряженіямъ по формированію и высылкѣ подкрѣпленій въ армію, по организаціи ополченій, ускоренной выдѣлкѣ оружія и вообще по образованію средствъ упорной борьбы съ врагомъ.

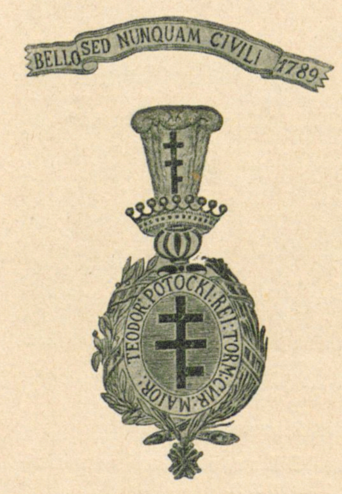
Государь еще съ самаго начала войны рѣшилъ вести упорную борьбу съ Наполеономъ. 13 іюня, на другой день по вступленіи непріятельской арміи на русскую землю, Государь изъ Вильны писалъ въ Петербургъ фельдмаршалу графу Салтыкову: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ". Этимъ знаменательнымъ словамъ Государь остался вѣренъ и въ своемъ рѣшеніи твердъ, не взирая ни на какія невзгоды тяжелой войны, до тѣхъ поръ пока цѣль, выраженная въ этихъ словахъ, не была достигнута.

Гербъ на Австрійскихъ орудіяхъ.

II.

Смоленскъ.

Монограмма на Польскихъ пушкахъ.

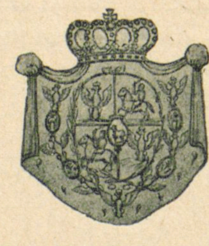
По достиженіи линіи Витебскъ — Могилевъ Наполеонъ пріостановилъ наступленіе своей арміи, чтобы дать ей подтянуться и отдохнуть. Армія его нуждалась въ передышкѣ, чтобы привести себя въ порядокъ. Одно время онъ былъ даже въ нерѣшительности, не лучше-ли прервать кампанію, расположиться на широкихъ квартирахъ, въ такомъ положеніи перезимовать и лишь будущею весною возобновить дальнѣйшее наступленіе. Самъ онъ оставался въ Витебскѣ около двухъ недѣль.

Эта остановка облегчила соединеніе нашихъ армій въ Смоленскѣ. Непріятель не насѣдалъ; онъ отдыхалъ и устраивался. Намъ предстояло рѣшить, что-же дѣлать дальше. Продолжительное отступленіе всегда угнетающе дѣйствуетъ на войска и на страну, особенно если оно открываетъ непріятелю родныя земли и предоставляетъ ихъ вражьей власти. А потому и обороняющемуся въ благопріятные моменты войны необходимо хотя бы временно перейти въ наступленіе. Такимъ моментомъ и явилось время по соединеніи нашихъ армій подъ Смоленскомъ. Уже подъ Витебскомъ армія наша жаждала рѣшительной схватки съ врагомъ. Подъ Смоленскомъ жажда эта стала еще острѣе, тѣмъ болѣе, что по соединеніи нашихъ армій отпала и очевидная причина нашего отступленія. Рѣшительнаго отпора врагу хотѣла армія, хотѣлъ его и Государь, ждала его и вся страна. Надо было дать, хотя-бы нѣкоторое, удовлетвореніе этой жгучей потребности; вотъ почему у насъ было рѣшено перейти въ наступленіе и искать противника.

26 іюня соединенныя арміи перешли въ наступленіе къ Руднѣ (по путямъ въ направленіи къ Витебску, см. карту № 2), а для прикрытія Смоленска со стороны Могилева была направлена къ г. Красному одна пѣхотная дивизія (генерала Невѣровскаго). Арміи наши, продвинувшись впередъ на три перехода, не обнаружили значительныхъ непріятельскихъ силъ. По полученнымъ-же свѣдѣніямъ, что Наполеонъ направляется въ обходъ нашего праваго фланга съ цѣлью здѣсь отрѣзать наши арміи отъ Смоленска и Москвы, — 1-я армія была передвинута на дорогу, которая ведетъ изъ Смоленска на сѣверъ, и двинута въ сѣверномъ направленіи (на Порѣчье). Но здѣсь непріятеля не оказалось. Тогда 1-я армія была снова возвращена на рудненскую дорогу. На эти безрезультатныя передвиженія было употреблено 7 дней.

Въ это время Наполеонъ готовилъ ударъ въ другомъ совершенно направленіи. Онъ началъ было стягивать армію къ центру своего расположенія, чтобы съ фронта ударить въ наши арміи, маневрировавшія къ сѣверо-западу отъ Смоленска; но получивъ свѣдѣнія, что наши войска удалились отъ Смоленска, онъ быстрымъ движеніемъ направляетъ свою армію на югъ, на переправы черезъ р. Днѣпръ между Оршею и Смоленскомъ. Перебросивъ здѣсь свои войска на другую сторону Днѣпра, онъ имѣлъ въ виду устремиться къ Смоленску и овладѣть имъ до подхода къ нему нашихъ армій.

2 августа Невѣровскій былъ атакованъ у Краснаго авангардомъ непріятельской арміи, за которымъ шла и вся армія Наполеона. Невѣровскій принужденъ былъ къ отступленію; онъ отступилъ по дорогѣ на Смоленскъ, геройски отбиваясь отъ ряда назойливыхъ атакъ непріятельской кавалеріи подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго (Мюрата). Это отступленіе замѣчательно по доблести и искусству и получило названіе „подвига Невѣровскаго“ (*см. картину № 5* и объясненіе къ ней).

Гербъ на Польскихъ пушкахъ.

Извѣстіе объ отступленіи Невѣровскаго застало наши арміи въ слѣдующемъ положеніи. Онѣ находились на другой сторонѣ Днѣпра, къ сѣверо-западу отъ Смоленска: 1-я въ 40 верстахъ, одинъ корпусъ 2-й арміи—въ 30 и другой ея корпусъ (Раевскаго)—въ 12 верстахъ. Смоленскъ былъ, такимъ образомъ, въ опасности захвата непріятелемъ.

Въ ночь на 3 августа корпусъ Раевскаго направленъ къ Смоленску; туда-же пошли: другой корпусъ 2-й арміи и вся 1-я армія. Но, конечно, подойти къ Смоленску скоро и сразу всѣ эти войска не могли, вслѣдствіе значительнаго удаленія и массы ихъ; подходъ ихъ могъ совершаться лишь частями въ продолженіе 3, 4 и 5 августа.

Городъ Смоленскъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Днѣпра (см. карту № 3). Онъ окруженъ крѣпостною стѣною, построенною въ концѣ XVI вѣка (Борисомъ Годуновымъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича). Каменная крѣпостная стѣна значительной высоты и толщины, съ нѣсколькими башнями; съ внутренней стороны присыпанъ широкій земляной валъ; стѣна имѣетъ нѣсколько входовъ (воротъ). Противъ днѣпровскихъ воротъ черезъ р. Днѣпръ имѣлся деревянный мостъ (на сваяхъ). На правомъ берегу, за мостомъ, расположено Петербургское предмѣстье, отъ котораго отходятъ дороги: къ сѣверу на Петербургъ и къ востоку на Москву.

Раевскій со своимъ корпусомъ спѣшилъ къ Смоленску, чтобы предупредить здѣсь непріятеля (у насъ носились слухи, что дивизія Невѣровскаго уничтожена). Подойдя къ Смоленску, онъ перевелъ свой корпусъ черезъ Днѣпръ, прошелъ по городу и устремился на дорогу въ Красное для поддержки Невѣровскаго. Въ 2 часа дня 3 августа онъ соединился съ Невѣровскимъ, отступилъ къ Смоленску и расположился на позиціи впереди него. Вскорѣ показались непріятельскія войска; они подходили густыми колоннами и располагались въ виду нашихъ войскъ.

Въ ночь на 4 августа Раевскій отвелъ свои войска и занялъ ими предмѣстья города, расположенныя впереди крѣпостной стѣны. Утромъ 4-го прибылъ Наполеонъ. Непріятель превосходными въ числѣ силами атаковалъ нашъ отрядъ, но успѣха не имѣлъ: наши войска удержались на своихъ позиціяхъ. На помощь къ нимъ спѣшилъ Багратіонъ съ остальными войсками своей арміи. Съ пути онъ прислалъ Раевскому слѣдующую записку: „Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ!“ Но подойти ему удалось лишь къ вечеру этого дня. Въ ночь на 5 августа стали подходить и части 1-й арміи. Всѣ эти войска располагались на правой сторонѣ Днѣпра. Въ то же время на противоположной сторонѣ, окружая Смоленскъ, стояла 140.000 непріятельская армія подъ начальствомъ самого Наполеона.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Группа офицеровъ: уланъ (въ лодкѣ), кирасиры армейскихъ полковъ и два инженерныхъ штабъ-офицера (на правой сторонѣ картины).
Изъ Музея 1812 года.

Наполеонъ разсчитывалъ, что Русскіе не отдадутъ ему Смоленска безъ боя всѣми своими силами; а такого боя онъ хотѣлъ, увѣренный въ рѣшительной побѣдѣ.

Смоленскъ коренной русскій городъ. Отдать его непріятелю было тяжело. Правда, мы уже впустили непріятеля въ Вильну, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ и во многіе другіе наши города, но всѣ тѣ города еще не такъ приросли тогда къ русскому тѣлу: они отошли къ намъ послѣ недавнихъ раздѣловъ Польши (въ 1773, 1793 и 1795 годахъ). Смоленскъ — коренное русское достояніе. Какъ отдать его! Какъ нанести эту рану русскому сердцу, какъ поступиться настроеніемъ нашихъ войскъ, готовыхъ лечь костьми на защиту его! Но твердый Барклай, дальновидный стратегъ, рѣшилъ пожертвовать и Смоленскомъ, считая, что время для генеральнаго боя съ Наполеономъ еще не настало. Онъ рѣшилъ отступать далѣе по дорогѣ на Москву; для прикрытія-же этого отступленія, удерживать Смоленскъ частью силъ до тѣхъ поръ, пока наши арміи не вытянутся по Московской дорогѣ.

Въ ночь на 5 августа войска Раевскаго, занимавшія Смоленскъ, были смѣнены корпусомъ Дохтурова, усиленнаго нѣкоторыми другими частями 1-й арміи. Раевскій отступилъ на правый берегъ Днѣпра на соединеніе съ прочими войсками 2-й арміи, которая должна была первою вытягиваться по Московской дорогѣ.

5 августа былъ второй день Смоленскаго боя. Обороною Смоленска руководилъ Дохтуровъ (командиръ 6 пѣхотнаго корпуса). У него было около 20.000 войскъ. До 12 часовъ дня непріятель ограничивался слабою артиллерійскою стрѣльбою. Наполеонъ ожидалъ, что наша армія выйдетъ изъ Смоленска и приметъ сраженіе. Но получивъ донесеніе объ отступленіи нашихъ войскъ по Московской дорогѣ, онъ рѣшилъ овладѣть Смоленскомъ и приказалъ обстрѣлять его сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. 150 орудій засыпали городъ снарядами. Въ 5 ч. начался яростный штурмъ; непріятель едва не ворвался въ крѣпость (черезъ Малаховскія ворота); но наши войска геройски сражались. Въ это время къ нимъ подошли подкрѣпленія, высланныя Барклаемъ, и нападеніе непріятеля было отбито. Снова загремѣли непріятельскія пушки и началась подготовка новаго штурма, а затѣмъ и самый штурмъ. Защитники Смоленска, имѣя передъ собою превосходнаго въ числѣ противника, а позади пылающій городъ, мужественно отбили и второй штурмъ. У Дохтурова, съ прибывшими подкрѣпленіями, было около 30.000 войскъ; противникъ ввелъ въ бой до 45.000,

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Группа штабъ- и оберъ-офицеровъ полковъ Л.-Гвардіи: Казачьяго, Кирасирскаго, Драгунскаго, Гусарскаго, Уланскаго. Здѣсь-же священникъ и (впереди него) докторъ.
Изъ Музея 1812 года.

Бой прекратился около 9 час. вечера. Смоленскъ остался за нами. Мы потеряли около 7.000 человѣкъ, непріятель — около 12.000.

Въ ночь на 6 августа наши войска вышли изъ Смоленска, по тремъ мостамъ черезъ Днѣпръ *) перешли на другую сторону его, зажгли постоянный и развели оба понтонные мосты. Городъ горѣлъ, зажженный непріятельскою артиллеріею. Большая часть жителей бѣжала. (*См. картины №№ 6 и 8* и объясненіе къ нимъ).

Монограмма на Польскихъ пушкахъ.

6 августа нашъ арьергардъ держался въ Петербургскомъ предмѣстьѣ; непріятель сдѣлалъ попытку переправиться въ бродъ черезъ Днѣпръ и атаковать защитниковъ этого предмѣстья, но былъ отбитъ. Предмѣстье было зажжено непріятельскою артиллеріею и къ вечеру объято пламенемъ. Наши войска принуждены были его очистить. Непріятель занялъ въ немъ старое мостовое укрѣпленіе (построенное еще Петромъ Великимъ) и въ ночь на 7 августа исправилъ полуразрушенный мостъ черезъ Днѣпръ, навелъ здѣсь-же еще два моста на судахъ и началъ переправляться на правую сторону Днѣпра.

Въ теченіе 6 августа наша 2-я армія, отступая по Московской дорогѣ, исполняла уже второй переходъ въ этомъ направленіи. За нею должна была вытягиваться 1-я армія, расположенная къ сѣверу отъ Смоленска, по обѣимъ сторонамъ Петербургской дороги. Это передвиженіе, которое являлось фланговымъ въ отношеніи противника, занимавшаго Смоленскъ, могло быть начато только въ ночь съ 6 на 7 августа; его пришлось совершать кружными дорогами (что всегда неизбѣжно при фланговыхъ маршахъ), очень плохими и пролегавшими черезъ большой лѣсъ. Передвиженіе это началось вечеромъ 6 августа, двумя колоннами: правая колонна (дальняя) начала его въ 7 часовъ, а лѣвая (ближняя) въ 9 часовъ вечера. Впереди лѣвой колонны шелъ авангардъ подъ командою генерала Тучкова 3-го. Онъ выступилъ въ 8 часовъ вечера и ему пришлось идти по такимъ дурнымъ дорогамъ, что на переходъ въ 20 верстъ онъ употребилъ 12 часовъ времени и вышелъ на Московскую дорогу лишь въ 8 ч. утра 7 августа. А слѣдовавшая за нимъ лѣвая колонна нашей 1-й арміи сбилась съ дороги, разорвалась, и нѣкоторыя части ея, проблуждавъ всю ночь въ лѣсу, вышли утромъ 7 августа на опушку лѣса у с. Гедеонова—всего въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья, занятаго непріятелемъ.

Между тѣмъ непріятельскія войска утромъ 7 августа переправлялись уже черезъ Днѣпръ выше Смоленска (у Прудищева), гдѣ кавалерія Мюрата перешла рѣку въ бродъ, а за нею по мостамъ, наведеннымъ здѣсь ночью, пошла и пѣхота съ артиллеріей (корпусъ Жюно). Отсюда непріятельскія войска пошли къ Московской дорогѣ. Для нашихъ армій создалось критическое положеніе: имъ угрожало разъединеніе, если-бы непріятель утвердился на Московской дорогѣ. Но изъ этого кризиса онѣ были выведены искусствомъ и доблестью нашихъ военачальниковъ и войскъ.

Части войскъ нашей лѣвой колонны, сбившіяся съ дороги и вышедшія утромъ 7 августа на опушку лѣса у Гедеонова, были атакованы войсками корпуса Нея, уже переведеннаго на правую сторону Днѣпра по мостамъ у Смоленска. При нашихъ войскахъ былъ самъ главнокомандующій 1-ю арміею, Барклай-де-Толли, благодаря хладнокровію и распорядительности котораго, войска наши были приведены въ порядокъ; они спокойно (подъ командою принца Евгенія Виртембергскаго) отразили непріятельское нападеніе и въ порядкѣ отступили на дорогу, по которой имъ надлежало идти по диспозиціи марша. Непріятель не преслѣдовалъ, т. к. корпусъ Нея, по приказанію Наполеона, повернулъ на Московскую дорогу и направился по ней. Если бы не образцовая рѣшительность Тучкова 3-го, то этимъ движеніемъ Ней могъ бы отрѣзать нашу 1-ю армію отъ 2-й.

Мы видѣли, что Тучковъ 3-й утромъ 7 августа съ большимъ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, опозданіемъ вышелъ на Московскую дорогу. По диспозиціи онъ долженъ былъ, выйдя на эту дорогу, слѣдовать за 2-ю арміею. Но т. к. главныя силы лѣвой колонны 1-й арміи задержались на лѣсныхъ дорогахъ, а 2-я армія въ то-же время далеко ушла впередъ, не оставивъ достаточно сильнаго отряда для прикрытія Московской дороги со стороны Смоленска, то Тучковъ рѣшилъ отступить отъ данной ему диспозиціи и, вмѣсто того, чтобы идти за 2-ю арміею, повернулъ къ Смоленску и въ полупереходѣ отъ него расположился на позиціи впереди дер. Лубина, чѣмъ и прикрылъ фланговое движеніе 1-й арміи отъ непріятельскихъ войскъ, шедшихъ уже сюда изъ Смоленска. Занятіе этой позиціи Тучковымъ привело къ бою у Лубина (онъ-же у Валутиной горы).

Памятникъ Отечественной войны въ г. Смоленскѣ.

Сначала у Тучкова было всего 3.200 человѣкъ. Въ 12 ч. дня онъ былъ атакованъ съ фронта войсками Нея въ превосходномъ числѣ. Вскорѣ однако къ нему стали подходить подкрѣпленія изъ главныхъ силъ нашей лѣвой колонны; высылкою ихъ руководилъ Ермоловъ, начальникъ штаба арміи. Благодаря усиленію своего отряда на

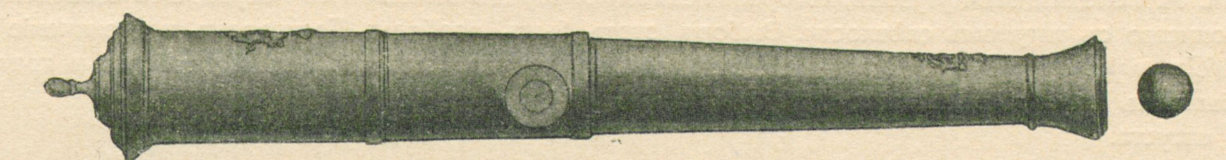
*) Кромѣ постояннаго моста черезъ Днѣпръ, нашими войсками было здѣсь наведено еще два понтонныхъ.

2.000 человѣкъ, Тучковъ могъ удержаться на первоначально занятой позиціи до 3-хъ часовъ дня и затѣмъ медленно отступилъ на другую, находившуюся въ нѣсколькихъ верстахъ позади. Здѣсь къ нему стали присоединяться значительныя подкрѣпленія, доведшія численность сражавшихся русскихъ до 22.000 человѣкъ. Общее руководство боемъ перешло къ Ермолову, а по прибытіи Барклая — къ нему самому. На этой второй позиціи разыгрался упорный бой. Непріятель былъ въ числѣ до 32.000 (не считая корпуса Жюно, стоявшаго въ виду поля сраженія). Имъ ведено было четыре атаки съ фронта войсками корпусовъ Нея и Даву, а съ лѣваго фланга атаковала кавалерія Мюрата, за которою стоялъ корпусъ Жюно. Всѣ атаки были отбиты нашими войсками, которыя сами производили штыковыя контръ-атаки. Во главѣ одной изъ нихъ шелъ Тучковъ 3-й; израненый непріятельскими штыками, онъ попалъ въ плѣнъ.

Бой у Лубина прекратился послѣ 9 ч. вечера. Подъ прикрытіемъ его, наша лѣвая колонна вышла на Московскую дорогу. Цѣль боя была нами достигнута, но дорогою цѣною: мы потеряли около 6.000 человѣкъ, однако непріятель потерялъ еще больше—около 9.000. (*См. картину № 7* и объясненіе къ ней).

Бои 2 — 7 августа вписали славныя страницы въ исторію нашей арміи: они полны смѣлости, почина (инициативы), духа взаимной поддержки, храбрости войскъ, упорства въ бою.

Вся эта операція ведена нами такъ, что и здѣсь, какъ раньше, мы не подчинились волѣ противника, не дѣлали того, что онъ хотѣлъ (онъ добивался генеральнаго сраженія и скорой развязки), а дѣлали то, что было выгодно для насъ.

Французская 12 фунт. пушка. Лежитъ у Московскаго арсенала.

III

Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина?"
. . . .
. . . .
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ...
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

(Изъ стихотворенія М. Ю. Лермонтова „Бородино").

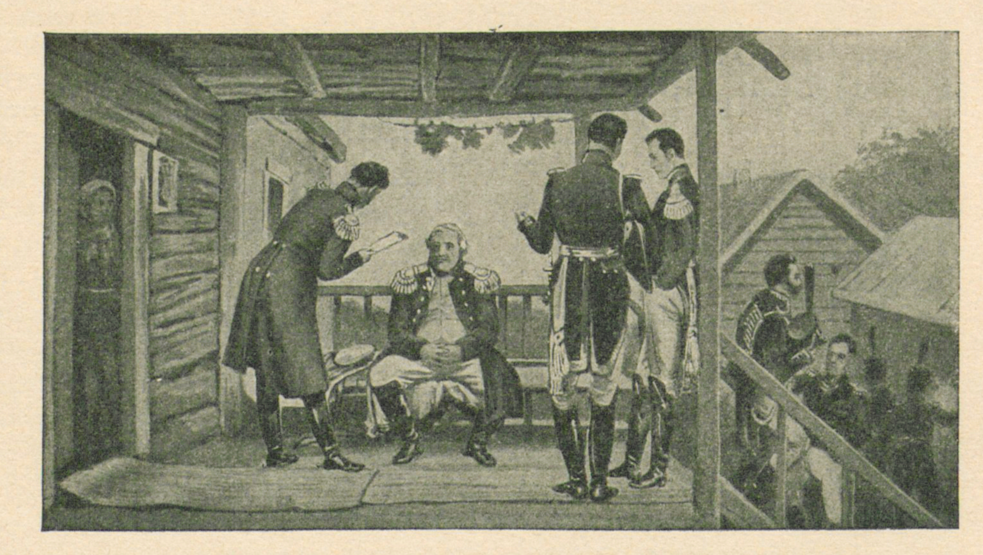

Монограмма на Саксонскихъ орудіяхъ.

Послѣ боевъ подъ Смоленскомъ наши войска начали отступать по дорогѣ на Москву. Отъ Смоленска до Москвы 400 верстъ. Предполагалось отступать до ближайшей хорошей позиціи, на которой намъ было-бы выгодно принять бой съ арміею Наполеона. Для выбора такой позиціи впередъ высылались офицеры генеральнаго штаба. Первая позиція на пути нашего отступленія, которая показалась подходящею, была за р. Ужею (Ужа—лѣвый притокъ Днѣпра) у с. Усвятья (см. карту № 4). Но при болѣе подробномъ ея осмотрѣ она оказалась неудобною. Такая-же участь постигла позицію, выбранную у Дорогобужа. Затѣмъ предполагалось выбрать позицію у Вязьмы и оттуда перейти даже въ наступленіе, но подходящей позиціи и тамъ не оказалось. Наконецъ найдена была позиція у с. Царево-Займище (нѣсколько впереди Гжатска). Но въ то время, когда наши войска подошли сюда, прибылъ вновь назначенный общій главнокомандующій надъ всѣми нашими арміями — генералъ-отъ-инфантеріи, свѣтлѣйшій князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

До этого времени у насъ не было общаго главнокомандующаго; каждая изъ трехъ нашихъ армій имѣла своего независимаго главнокомандующаго. Это лишало ихъ единства управленія и затрудняло согласованіе ихъ дѣйствій. А потому въ началѣ августа Государь рѣшилъ назначить общаго надъ всѣми нашими арміями главнокомандующаго и избраніе его поручилъ особому комитету изъ нѣсколькихъ лицъ. Комитетъ остановилъ свой выборъ на М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ, который незадолго передъ этимъ былъ Государемъ возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости. Выборъ этотъ былъ одобренъ Государемъ и назначеніе Кутузова состоялось. *(См. картину № 47).* Вслѣдъ за симъ онъ немедленно выѣхалъ изъ Петербурга и кратчайшимъ путемъ прибылъ къ арміямъ въ Царево-Займище 17 августа.

Войска наши горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ; продолжительное отступленіе и уклоненіе отъ боя ихъ тяготило. Того-же желало и ожидало русское общество. Кутузовъ пріѣхалъ подъ этимъ настроеніемъ, а потому первыя его распоряженія имѣли цѣлью вселить въ войскахъ убѣжденіе, что отступленію насталъ конецъ и у Царева-Займища они непремѣнно сразятся съ врагомъ и остановятъ дальнѣйшее его наступленіе къ сердцу Россіи — Москвѣ. Увѣренность эта подкрѣплялась состоявшимся къ тому времени подходомъ значительнаго усиленія нашихъ войскъ: генералъ Милорадовичъ привелъ въ Гжатскъ 16.000 человѣкъ, недавно набранныхъ во внутреннихъ губерніяхъ.

КУТУЗОВЪ ВЪ ЦАРЕВѢ-ЗАЙМИЩѢ.

Съ картины П. Ковалевскаго.

Князь М. И. Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ, 17 августа прибылъ къ арміи, находившейся у с. Царево-Займище. Картина воспроизводитъ сцену романа Л. Толстого „Война и миръ", когда Кутузовъ послѣ объѣзда войскъ пріѣхалъ въ отведенный ему домъ священника. Въ открытую дверь видна жена священника, ожидающая, когда она можетъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью. Кутузовъ, задержанный докладами, сѣлъ на лавочку, поставленную на крыльцѣ. Съ крыльца спускается гусаръ В. Денисовъ (подъ этимъ именемъ Толстой выводитъ нашего извѣстнаго партизана Отечественной войны Дениса Васильевича Давыдова, къ сожалѣнію невѣрно, карикатурно) послѣ доклада своего Кутузову о проектѣ партизанскихъ дѣйствій. Передъ Кутузовымъ съ бумагою въ рукѣ стоитъ докладывающій ему дежурный генералъ.

Однако подробный осмотръ позиціи у Царева-Займища обнаружилъ ея непригодность, и Кутузовъ отдалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ отступленіи. Оно было впрочемъ непродолжительно: недоходя Можайска, была выбрана по-

I. LAPINA. PARIS

зиція у с. Бородина, на которой Кутузовъ рѣшилъ принять генеральный бой съ арміей Наполеона. Къ Бородину наши арміи подошли 22 августа.

Отъ Смоленска до Бородина 300 верстъ; это разстояніе пройдено нашими арміями (считая за начало движенія 7 августа) въ 16 дней—скорость очень большая для стотысячной массы войскъ. Несмотря на это, наши арміи пришли на Бородинскую позицію вполнѣ сохранившимися и численно, и морально. Общая численность ихъ была 103.000, а съ казаками 110.000. Кромѣ того къ Бородину подошло 10.000 ополченцевъ (Смоленской и Московской губерній), впрочемъ совсѣмъ военному дѣлу необученныхъ и вооруженныхъ пиками. Заслуга сохраненія нашихъ армій къ рѣшительной битвѣ всецѣло принадлежитъ Барклаю, съумѣвшему сберечь ее отъ преждевременнаго столкновенія съ сильно превосходившею ее численностью арміею Наполеона. Духъ нашей арміи былъ превосходенъ—она горѣла желаніемъ сразиться съ врагомъ.

Армія Наполеона подошла къ Бородину значительно ослабленною труднымъ походомъ, большими потерями въ предыдущихъ бояхъ, отряженіемъ войскъ для охраны длиннаго тыла и, главнымъ образомъ, продовольственными лишеніями—она жила впроголодь: ни соли, ни хлѣба люди уже давно не получали, а лошади страдали отъ недостатка фуража, болѣли и истощались. Къ Бородину Наполеону удалось подвести не болѣе 130.000.

Такому ослабленію непріятельской арміи въ значительной степени содѣйствовалъ патріотическій подъемъ русскаго народа. Вступленіе непріятельскихъ войскъ въ Бѣлорусскія губерніи сопровождалось уже бѣгствомъ населенія, которое, за исключеніемъ поляковъ, уходило съ русскими войсками или-же пряталось въ лѣсахъ чѣмъ создавались большія затрудненія для продовольствія непріятельскихъ армій. Еще выше былъ подъемъ народнаго патріотизма въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ—сначала Смоленской, а потомъ Московской. Здѣсь было общее бѣгство населенія, которое сознательно лишало непріятеля средствъ существованія; народъ уничтожалъ свое достояніе, котораго не могъ увезти, чтобы оно не досталось врагу.

По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, изъ покидаемыхъ ими городовъ уходила и наша гражданская администрація; непріятелю приходилось учреждать свои органы управленія. Это несомнѣнно вліяло на бѣгство населенія; видя, что уходятъ наши войска, а съ ними и наши гражданскія власти, народъ чувствовалъ, что и ему оставаться нельзя.

A. N.

Liberté-Egalité

Монограмма Національнаго Собранія и девизъ Конвента на французскихъ пушкахъ.

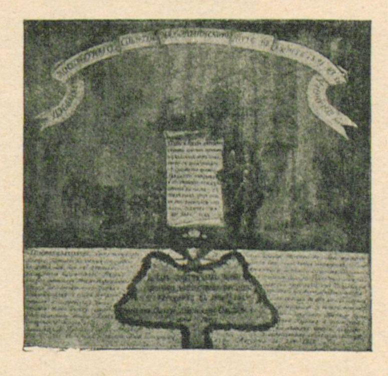
Назрѣлъ часъ рѣшительной битвы. Собственно говоря, позиція у Бородина не отличалась никакими особенными достоинствами. Но до Москвы оставалось только 100 верстъ, числомъ мы уже немногимъ уступали непріятелю, наши войска рвались въ бой — и Кутузовъ рѣшилъ принять его. И закипѣлъ бой, Бородинскій бой. Здѣсь бились съ одной стороны представители почти всей Западной Европы; это были отборные воины (все слабое успѣло отпасть до Бородина), закаленные въ многочисленныхъ битвахъ и походахъ, гордые военною славою своего вождя — генія войны. Съ другой стороны русскіе богатыри бились „За Вѣру, Царя и Отечество".

Настоящихъ воиновъ у насъ подъ Бородинымъ было не болѣе 94.000 (въ томъ числѣ казаки), т. к. 16.000, присоединившихся въ Гжатскѣ, были новобранцы, никогда не бывшіе въ бояхъ и не знавшіе войны; а 10.000 ополченцевъ были вооружены только пиками и совершенно не обучены военному дѣлу. Но не числомъ были сильны Русскіе, а духомъ своимъ, преданностью вѣрѣ царю и отечеству. Неудивительно, что Бородинскій бой по своей кровопролитности и упорству одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ въ исторіи боевъ. Его называютъ „битвою гигантовъ".

Бородинскій бой происходилъ 26 августа. Но ему предшествовалъ, тѣсно связанный съ нимъ, бой 24 августа у с. Шевардина, находящагося впереди Бородинской позиціи. Здѣсь у насъ стояло около 11.000 войска подъ начальствомъ князя Горчакова и было построено укрѣпленіе (редутъ).

24 августа, въ 2 часа дня, непріятель въ числѣ 35.000 атаковалъ наши войска, расположенныя у Шевардина. Завязался кровопролитный и упорный бой, главные эпизоды котораго разыгрались уже въ темнотѣ. Непріятель подавилъ наши войска своей численностью и мы, потерявъ больше половины своего состава (убито и ранено около 6.000), принуждены были отдать ему Шевардинскій редутъ и отступить на свои главныя силы, расположенныя на Бородинской позиціи. Наполеонъ былъ непріятно пораженъ упорствомъ, съ которымъ русскіе вели здѣсь бой, и тѣмъ, что они умираютъ, но не сдаются.

Весь слѣдующій день непріятель насъ не атаковалъ. 25 августа прошло безъ боя. Обѣ стороны готовились къ рѣшительному сраженію: рыли укрѣпленія, разставляли войска, собирались съ силами... А въ нашей арміи еще и молились; Кутузовъ приказалъ обнести по войскамъ съ совершеніемъ молебствій чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, сопутствовавшую нашимъ войскамъ отъ Смо-

Аллегорическое изображеніе молебствія передъ Бородинскимъ сраженіемъ.

Съ картины ген.-м. Семена Вистицкаго, находящейся въ Музеѣ 1812 года.

ленска, гдѣ икона эта была передана арміи при оставленіи города населеніемъ. И горячо молилось передъ ней русское воинство, готовясь къ смертному бою. Земно поклонился ей и самъ свѣтлѣйшій.

КАНУНЪ БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ НА БИВАКАХЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

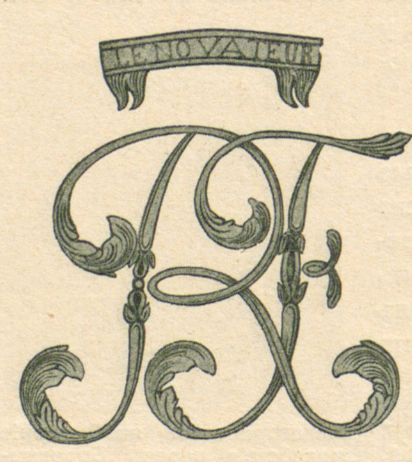
Съ картины П. Ковалевскаго.

25 августа, въ канунъ Бородинской битвы, Кутузовъ приказалъ обнести по линіямъ расположенія нашей арміи икону Смоленской Божіей Матери, сопутствовавшей арміи отъ Смоленска, откуда она была вынесена при оставленіи этого города нашими войсками и населеніемъ. Въ день 25 августа икона торжественно обносилась по всему лагерю войскъ, въ сопровожденіи духовенства, совершавшаго молебствія. Горячо молились русскіе воины, падая на колѣни и усердно творя крестное знаменіе. Кутузовъ, окруженный свитою, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Картина изображаетъ именно этотъ моментъ. Кутузовъ земно кланяется. Въ свитѣ въ числѣ другихъ стоятъ: непосредственно за Кутузовымъ — Барклай де Толли (правая рука заложена за бортъ мундира), далѣе — Бенигсенъ (сѣдая голова, шляпа обхвачена лѣвою рукою). Принимаемъ этихъ лицъ за названныхъ генераловъ по нѣкоторому, хотя и отдаленному, сходству съ извѣстными портретами ихъ. Гусаръ, стоящій за Барклаемъ, можетъ быть принятъ за Сеславина, тогда адъютанта Барклая (впослѣдствіи знаменитый партизанъ).

Наполеонъ 25 августа отдалъ слѣдующій приказъ, который и читался во всѣхъ частяхъ его арміи:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ давно желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ необходима—она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ! Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ про каждаго изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!“

Наши войска въ подобномъ приказѣ не нуждались, и Кутузовъ никакого подбадривающаго приказа не отдавалъ.

Монограмма республики на Французскихъ пушкахъ.

26 августа былъ Бородинскій бой. Онъ начался въ 6 ч. утра сильною артиллерійскою стрѣльбою по нашимъ войскамъ и велся до поздняго вечера. Съ обѣихъ сторонъ проявлены львиная храбрость, упорство атакъ и отчаянная оборона. Сначала атаковалъ непріятель. Самъ Наполеонъ руководилъ боемъ (хотя, какъ говорятъ нѣкоторые историки, съ меньшею нежели обычно присущею ему энергіею — онъ былъ не совсѣмъ здоровъ въ этотъ день). — *(См. картину № 9)*.— Наши упорно оборонялись и сами переходили въ атаки. Важнѣйшіе пункты нашей позиціи неоднократно переходили во власть непріятеля и снова нами отбирались.

Особенно упорная борьба велась на двухъ пунктахъ: за Багратіоновы (онѣ-же Семеновскія) флеши (укрѣпленія) и за батарею Раевскаго (нѣкоторые историки называютъ этотъ пунктъ центральною батареею, большимъ редутомъ). Флеши находились впереди с. Семеновскаго; здѣсь боемъ руководилъ главнокомандующій 2-й арміи — Багратіонъ, почему историки называютъ Семеновскія флеши его именемъ. Батарея Раевскаго — это центральный пунктъ всей нашей позиціи; боемъ здѣсь одно время руководилъ командиръ 7 корпуса Раевскій.

I. LAPINA · PARIS

У Багратіоновыхъ флешей шелъ смертный бой. Здѣсь проявлены чудеса храбрости и полегло много удальцовъ съ обѣихъ сторонъ. Атаки пѣхоты смѣнялись атаками кавалеріи, которая даже врывалась въ укрѣпленія. Генералы сражались на ряду съ солдатами, много ихъ ранено и нѣсколько убито. Въ первой непріятельской атакѣ на флеши тяжело ранены (одинъ смертельно) три французскихъ начальника дивизіи, послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другого (Компанъ, Дюпеленъ и Раппъ); контуженъ и упалъ съ лошади маршалъ Даву. Маршалъ Ней самъ идетъ во главѣ атакующихъ. Король Неаполитанскій Мюратъ окруженъ нашей пѣхотой, но соскакиваетъ съ лошади и спасается за свою пѣхоту.

Съ нашей стороны раненъ штыками начальникъ дивизіи Воронцовъ, при чемъ вся его дивизія почти уничтожена; ранены генералы Невѣровскій и князь Горчаковъ. Когда въ 10 ч. утра Ней вторично овладѣлъ Багратіоновыми флешами, на помощь нашимъ защитникамъ спѣшитъ изъ резерва Коновницынъ со своею 3-ю пѣхотною дивизіею и, при содѣйствіи кавалеріи, снова отнимаетъ эти флеши у непріятеля. Но непріятель ведетъ новую яростную атаку. У насъ раненъ герцогъ Карлъ Мекленбургскій (начальникъ дивизіи), убитъ генералъ Тучковъ 4-й (командиръ бригады). Въ одиннадцатомъ часу получилъ тяжелую рану самъ Багратіонъ (отъ которой онъ затѣмъ скоро умеръ); одновременно контуженъ его начальникъ штаба (С. При или С. Пріестъ). Багратіона на этомъ пунктѣ смѣнилъ сначала Коновницынъ, а затѣмъ Дохтуровъ — *(см. картины 10 и 11)* — и упорный бой за обладаніе флешами продолжался еще болѣе часа, но къ полудню онѣ окончательно перешли въ руки непріятеля; наши войска подались здѣсь назадъ, но отошли лишь за позади лежащій Семеновскій оврагъ, на противоположной сторонѣ котораго упорно держались до самаго конца боя.

Такой-же упорный бой велся вокругъ батареи Раевскаго. Здѣсь дѣйствовалъ корпусъ вице-короля Итальянскаго. Въ 11 ч. дня непріятель овладѣлъ батареей. Но на помощь явился Ермоловъ, благодаря почину и рѣшительности котораго мы снова овладѣли ею. Въ моментъ безпорядочнаго отступленія нашихъ защитниковъ батареи Раевскаго, Ермоловъ позади нея проводилъ двѣ конныя батареи съ праваго на лѣвый флангъ нашей позиціи для усиленія войскъ Багратіона (это дѣлалось по приказанію Кутузова). Увидя наши отступающія войска, Ермоловъ останавливаетъ конныя батареи и велитъ имъ открыть огонь по занятому непріятелемъ укрѣпленію нашему; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ схватываетъ сохранившійся въ порядкѣ батальонъ (Уфимскаго полка), велитъ ему развернуться и ведетъ его на встрѣчу нашимъ отступающимъ войскамъ; этимъ онъ ихъ останавливаетъ, поворачиваетъ назадъ, ведетъ въ атаку на непріятеля, занявшаго наше укрѣпленіе, и штыками выбиваетъ его (при этомъ захваченъ въ плѣнъ израненый штыками французскій генералъ Бонами).

Вскорѣ сюда прибылъ Барклай и принялъ на себя общее руководство боемъ. Презирая опасность, онъ спокойно и въ то-же время дѣятельно распоряжался. Онъ, говорятъ, искалъ смерти. Разстроенныя войска Раевскаго были смѣнены свѣжими войсками дивизіи Лихачева и отведены назадъ.

Къ полудню мы удержали за собою всѣ наши позиціи, за исключеніемъ Багратіоновыхъ флешей. Наполеонъ готовился снова атаковать нашъ центръ, куда и сталъ стягивать войска. Но въ это время наша кавалерія (1-й кавалерійскій корпусъ Уварова) неожиданно появилась у него на лѣвомъ флангѣ и произвела тамъ переполохъ, а казаки Платова заскакали ему даже въ тылъ. *(См. картину № 12).* Произошла пріостановка атакъ на нашъ центръ часа на два, что и дало намъ возможность привести здѣсь наши войска въ порядокъ и усилить ихъ подкрѣпленіями изъ резерва.

Въ 2 часа непріятель повелъ новую атаку на нашъ центръ. Несмотря на упорное сопротивленіе (Лихачевъ, израненый штыками, взятъ въ плѣнъ *), вице-король овладѣлъ нашей центральной батареей. Войска наши отступили, но не болѣе какъ на разстояніе ½—1 версты.

Бой тянулся еще по всей позиціи до поздняго вечера, когда наконецъ затихъ; мы остались на занятыхъ нами мѣстахъ.

Потери въ Бородинскомъ бою, особенно-же у насъ, были огромны: у насъ около 45.000 (изъ 97.000 **), у непріятеля около 40.000 (изъ 130.000). Убито и ранено много генераловъ и офицеровъ. У насъ, кромѣ названныхъ уже, убиты: генералъ Тучковъ 1-й (командиръ корпуса) и генералъ Кутайсовъ (начальникъ артиллеріи 1-й арміи). Въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Ермоловъ. Всего у насъ: убито 3 и ранено 12 генераловъ; у непріятеля: убито 12 и ранено 37 генераловъ. *(См. картину № 13).*

Бородинское сраженіе окончилось въ ничью; обѣ арміи, понеся огромныя потери, остались на мѣстѣ: ни отступленія съ поля сраженія подъ натискомъ противника, ни преслѣдованія отступающаго не было. По окончаніи боя Наполеонъ отвелъ свои войска назадъ. Самъ онъ говорилъ объ этомъ сраженіи такъ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное — это то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми".

Непосредственно послѣ Бородинскаго сраженія, въ тотъ-же день вечеромъ, Кутузовъ намѣревался продолжать бой завтра на томъ-же полѣ сраженія, о чемъ и отдалъ уже распоряженія. „Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской", — объявилъ онъ. Но убѣдясь затѣмъ въ огромныхъ потеряхъ, понесенныхъ нашими войсками въ этомъ бою, Кутузовъ въ ночь на 27 августа приказалъ отступать на Можайскъ.

---

*) Отправленный плѣннымъ во Францію, онъ умеръ на пути—въ Кенигсбергѣ.

**) До Шевардинскаго боя у насъ было 103.000, въ немъ мы потеряли 6.000; значитъ къ Бородинскому бою было 97.000 (не считая казаковъ и ополченцевъ, почти не принимавшихъ участія въ бою).

I. LAPINA · PAR

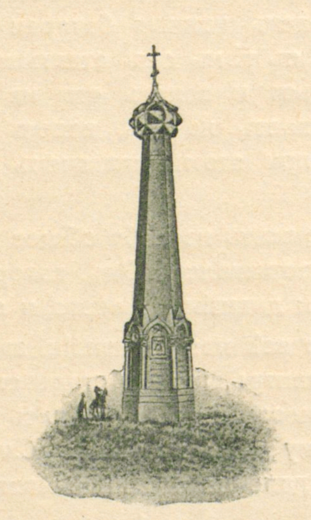
По полученіи донесенія о Бородинскомъ боѣ, Государь произвелъ Кутузова въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100.000 рублей. Барклаю пожалованъ орденъ св. Георгія 2-й степени; Багратіону — 50.000 рублей. Многіе генералы пожалованы орденомъ св. Георгія 3-й степени и оружіемъ „за храбрость". Много наградъ получено штабъ- и оберъ-офицерами. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи, пожаловано по пяти рублей.

Монограмма Людовика X на Вестфальск. пушкахъ.

На полѣ Бородинскаго сраженія, по повелѣнію Императора Николая I, поставленъ чугунный памятникъ, отлитый изъ непріятельскихъ пушекъ. Онъ стоитъ на мѣстѣ батареи Раевскаго. У памятника положенъ прахъ Багратіона и надъ нимъ чугунная плита, отлитая изъ непріятельскихъ орудій. Памятникъ открытъ въ 1839 году въ присутствіи Императора Николая Павловича и 150.000 войскъ, стянутыхъ на Бородинское поле.

На мѣстѣ Багратіоновыхъ флешей теперь находится женскій Спасо-Бородинскій монастырь, основанный вдовою убитаго здѣсь въ бою 26 августа 1812 года генерала Тучкова 4-го. (*См. картину № 14*).

Памятникъ Отечественной войны на полѣ Бородинскаго сраженія.

IV.

Москва.

Москва... какъ много въ этомъ
звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинннной головою!...
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

(Изъ „Евгенія Онѣгина" А. С. Пушкина, писаннаго въ 1822—1831 годахъ).

Гербъ на Австрійскихъ орудіяхъ.

Въ виду огромныхъ потерь, понесенныхъ нашею арміею въ Бородинскомъ сраженіи, Кутузовъ въ ночь на 27 августа приказалъ отступать на Можайскъ.

Москва была въ 100 съ небольшимъ верстахъ позади; это наша первопрестольная столица, сердце Россіи; два столѣтія сплошь она не знала ига вражьей власти (со смутнаго времени 1610—1613 г.г., когда одно время она находилась въ рукахъ поляковъ). Неужели отдать теперь Москву Наполеону, какъ мы уже отдали ему Смоленскъ! Нѣтъ, надо преградить ему путь къ Москвѣ, надо еще съ нимъ биться! А если наша армія, страшно уже ослабленная Бородинскимъ боемъ (теперь она была всего въ 50.000 съ небольшимъ, не считая казаковъ и ополченцевъ), не выдержитъ удара превосходнаго числомъ противника (около 90.000), если она понесетъ пораженіе! Какими ужасными послѣдствіями это грозитъ не только Москвѣ, но всему государству Россійскому. Вотъ, что долженъ былъ передумать и перечувствовать Кутузовъ, отводя армію отъ Бородина.

Шесть дней отступала она, слабо преслѣдуемая противникомъ *). Впередъ высылались офицеры генеральнаго штаба, которые подыскивали подходящую позицію. Но такой позиціи не находилось. 1 сентября наша армія подошла къ окрестностямъ Москвы. Здѣсь, почти непосредственно впереди города, Бенигсенъ (начальникъ штаба главнокомандующаго) избралъ позицію отъ д. Фили къ Воробьевымъ горамъ (тутъ черезъ Дорогомиловскую заставу входитъ въ Москву Смоленская дорога). Но она была крайне невыгодна, бой на ней могъ-бы имѣть весьма тягостныя послѣдствія. Кутузовъ сознавалъ это; умомъ и сердцемъ рѣшилъ онъ пожертвовать Москвою, но сохранить армію—отдать непріятелю Москву безъ боя и отвести армію за Москву. Однако прямо отдать приказъ объ этомъ, не подготовивъ къ сему старшихъ начальниковъ въ арміи, онъ не хотѣлъ. И Кутузовъ собралъ ихъ 1 сентября, въ 5 ч. дня, въ д. Фили на военный совѣтъ.

Въ совѣтѣ этомъ приняли участіе: самъ главнокомандующій—Кутузовъ, начальникъ его штаба—Бенигсенъ, главнокомандующій 1-й арміи — Барклай, начальникъ его штаба — Ермоловъ, временно-командующій 2-й арміи—Дохтуровъ, командиры корпусовъ: Раевскій, Коновницынъ, Остерманъ-Толстой и Уваровъ, а также состоявшіе при Кутузовѣ—Толь (въ должности для порученій, но въ качествѣ генералъ-квартирмейстера) и Кайсаровъ (бывшій адъютантъ Кутузова **). На совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ: „ожидать-ли нападенія въ невыгодной позиціи или уступить непріятелю Москву". Выслушавъ разнорѣчивыя мнѣнія, Кутузовъ заключилъ пренія слѣдующими словами: „Я вижу, что мнѣ придется принять всю отвѣтственность на себя, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать". (*См. картину № 15* и объясненіе къ ней).

Шифръ Наполеона на Французскихъ пушкахъ.

Отступленіе нашей арміи началось въ 3 час. утра 2 сентября. Она должна была пройти черезъ Москву и выйти на Рязанскую дорогу. (См. карту № 4)

Къ этому времени Москва уже значительно опустѣла. Хотя главнокомандующій Москвы, графъ Ростопчинъ, въ своихъ объявленіяхъ населенію (назывались афишами), написанныхъ особою манерою, какъ бы для простонародья, старался поддержать увѣренность, что непріятель не будетъ допущенъ въ Москву, но послѣ Бородинскаго сраженія жители начали усиленно выѣзжать. Да и самъ Ростопчинъ распорядился вывозомъ правительственныхъ учрежденій и раненыхъ. Однако до 1 сентября все-же не было вполнѣ ясно, что Москва вдругъ окажется во власти непріятеля.

*) Только 29 августа, у с. Крымскаго, было довольно крупное дѣло нашего арьергарда, которымъ командовалъ Милорадовичъ, съ авангардомъ непріятельской арміи подъ начальствомъ Мюрата (въ этомъ дѣлѣ у насъ выбыло изъ строя около 2.000 ч.).

**) Милорадовичъ, начальникъ арьергарда арміи, не могъ прибыть въ совѣтъ, т. к. принужденъ былъ оставаться въ виду непріятеля.

Только въ ночь съ 1 на 2 сентября вопросъ сталъ совершенно яснымъ, когда Ростопчинъ получилъ письменное увѣдомленіе отъ Кутузова, что наша армія оставляетъ Москву и переходитъ на Рязанскую дорогу. До этого времени нельзя было ни вывозить изъ города, ни тѣмъ болѣе истреблять запасы и разныя средства, т. к. они были бы полезны для нашей арміи; а потому вывозилось лишь наиболѣе цѣнное казенное имущество и важнѣйшія дѣла правительственныхъ учрежденій. Съ полученіемъ-же увѣдомленія объ оставленіи Москвы непріятелю, Ростопчинъ принялъ энергичныя мѣры къ скорѣйшему вывозу и уничтоженію того, чѣмъ могъ бы воспользоваться непріятель, а также къ вывозу больныхъ и раненыхъ. Пожарныя команды съ огнегасительнымъ снарядомъ были отосланы во Владиміръ. Полиція получила приказаніе разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, жечь на Москвѣ-рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и разные интендантскіе запасы. Съ утра 2 сентября стали выѣзжать и уходить оставшіеся въ Москвѣ жители; улицы загромоздились повозками, экипажами и пѣшеходами.

Вступленіе французовъ въ Москву 2 (14) сентября 1812 года.
Съ французской гравюры Музея 1812 года.

Въ то-же время войска наши двигались черезъ Москву для выхода на Рязанскую дорогу. Прикрывать наше отступленіе и возможно долѣе удерживать непріятеля передъ Москвою, чтобы дать уйти жителямъ, увезти больныхъ и раненыхъ и провести нашу армію въ порядкѣ черезъ городъ — возложено было на арьергардъ Милорадовича. Задачу эту онъ исполнилъ съ большимъ мастерствомъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Мюратомъ, начальникомъ непріятельскаго авангарда, и убѣдилъ его дать нашимъ войскамъ время выйти изъ города, угрожая, что въ противномъ случаѣ наши войска будутъ драться до послѣдняго человѣка и оставятъ непріятелю однѣ лишь развалины. Мюратъ согласился не тѣснить нашихъ войскъ съ условіемъ, чтобы Москва была однако сегодня-же занята французами. Черезъ нѣкоторое время Милорадовичъ просилъ отсрочить вступленіе французскихъ войскъ въ городъ до 7 ч. слѣдующаго утра. Мюратъ согласился.

Но это послѣднее обѣщаніе не было исполнено, т. к. Наполеонъ въ четвертомъ часу дня (2 сентября) приказалъ своимъ войскамъ вступать въ Москву. Онъ подъѣхалъ къ ней около 2 ч. дня и остановился на Поклонной горѣ, откуда любовался ею, разсматривалъ планъ ея, слѣдилъ за расположеніемъ своихъ войскъ и затѣмъ подалъ сигналъ къ продолженію наступленія. Когда войска двинулись, онъ переѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ остановился и ожидалъ, что къ нему выйдетъ депутація отъ дворянства и города. Но никакая депутація не являлась. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Наполеонъ въ Дорогомиловскомъ предмѣстьѣ остановился на ночлегъ. — (*См. картину № 16* и поясненіе къ ней).—

Французскія войска вступили въ Москву и расположились въ ея окрестностяхъ. Русскія войска успѣли выйти безъ столкновенія съ непріятелемъ и стали по обѣимъ сторонамъ Рязанской дороги. Только у Кремля произошла маленькая стычка. Нѣсколько сотъ нашихъ отсталыхъ солдатъ и вооружившихся жителей открыли ружейную стрѣльбу по непріятельскимъ войскамъ, подходившимъ къ Кремлю. Они были разсѣяны непріятельскою картечью.

Вступленіе французовъ въ Москву 2 сентября 1812 года.
Съ гравюры Музея 1812 года.

Такимъ образомъ, мы отдали Москву непріятелю. Отъ занятія этого города Наполеонъ ожидалъ очень выгодныхъ для себя послѣдствій. Онъ разсчитывалъ, что съ потерею Москвы Государь пойдетъ на мирныя предложенія. Войска его надѣялись

I. LAPINA-PARIS

найти въ ней отдыхъ, обильную пищу, возможность хорошо обуться, починиться, обзавестись новымъ бѣльемъ, пріятно провести время, словомъ воспользоваться всѣми удобствами богатаго многолюднаго города. Но разсчеты эти и надежды не оправдались.

Москва была пуста. Жители и мѣстная администрація покинули ее; остались дворники, дворецкіе богатыхъ людей, небольшое число купцовъ, мѣщанъ, мастеровыхъ и бездомниковъ; среди нихъ оказались немногіе изъ другихъ слоевъ населенія, неуспѣвшіе выѣхать за неожиданностью оставленія Москвы нашею арміею. — (*См. картину № 17* и объясненіе къ ней).

Пожаръ Москвы 1812 года.
Съ англійской гравюры изъ Музея 1812 года.

Москва горѣла. Вмѣстѣ съ этимъ уничтожались и тѣ жизненныя средства, на которыя разсчитывалъ непріятель. Пожары начались съ перваго дня вступленія войскъ Наполеона въ Москву, 2 сентября. Въ ночь съ 3 на 4 они охватили большую часть города. Поднявшійся вѣтеръ разносилъ огонь и способствовалъ страшному распространенію пожаровъ на всю Москву. Они продолжались нѣсколько дней подъ рядъ и уничтожили значительную часть города; сгорѣло три четверти всего числа домовъ; девять десятыхъ всей площади Москвы съ ея предмѣстьями были охвачены огнемъ.

Москва, какъ думаютъ, загорѣлась отъ поджоговъ. Нѣкоторые жители, покидая свои дома и имущество, поджигали ихъ, чтобы не доставались врагу. Возможно, что въ суматохѣ поспѣшнаго бѣгства, ночью, происходили неумышленные пожары отъ непогашеннаго огня въ печи, отъ свѣчки . . . . . Кромѣ того, распоряженіемъ Ростопчина, 2 сентября поджигались барки, стоявшія на Москвѣ-рѣкѣ съ разнымъ имуществомъ, казеннымъ и частнымъ. Можетъ быть по его-же распоряженію, были подожжены нѣкоторые склады и дома. Тушеніе пожаровъ затруднялось отсутствіемъ пожарныхъ инструментовъ и командъ, отправленныхъ 2 сентября по его-же распоряженію въ г. Владиміръ. Вступившія въ Москву непріятельскія войска сами способствовали пожарамъ, безпечно раскладывая костры на улицахъ, для приготовленія пищи и обогрѣванія. Отсутствіе дисциплины, коимъ страдала въ это время армія Наполеона, было причиною небрежнаго обращенія солдатъ ея съ огнемъ и вообще того безпорядка, которымъ сопровождалось пребываніе ихъ въ Москвѣ. При обиліи деревянныхъ построекъ и вѣтрѣ, распространеніе отдѣльныхъ пожаровъ на всю почти Москву было неизбѣжно. — (*См. картины №№ 18, 19, 20, 21 и 22* и объясненія къ нимъ).

Планъ погорѣвшей Москвы.
Темные участки — погорѣвшія части; свѣтлые — уцѣлѣвшія.
Съ гравюры Музея 1812 года.

По водвореніи непріятельскихъ войскъ въ Москвѣ, тамъ начались грабежи, насилія, святотатственное обращеніе съ храмами, священными иконами, церковною утварью и священническими облаченіями. Современники оставили въ своихъ запискахъ описаніе многихъ фактовъ этого рода. Имѣются на это указанія и въ офиціальныхъ документахъ. Разноплеменная армія Наполеона начала насильничать, грабить и святотатствовать еще далеко до Москвы. Войска ея проявили возмутительное неуваженіе къ религіозному чувству русскаго народа. Еще въ самомъ началѣ войны, послѣ дѣла 27 іюля у Молева Болота (къ сѣверо-западу отъ Смоленска), атаманъ Платовъ доносилъ главнокомандующему 1-й арміи:

„Долгомъ поставляю довести необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличный только варварамъ *). Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей и насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, бьютъ, вяжутъ ихъ и вывыпываютъ отъ нихъ деньги, но и самыя православныя церкви не избѣгаютъ отъ неистовства французовъ. Святые сосуды и утварь подвергаются грабежу. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ, французы мыли и развѣшивали исподнее платье".

*) Надо имѣть въ виду, что „большая армія Наполеона" была далеко не чисто французскою; это была армія „двадесяти языкъ". Слѣдовательно, упрекъ Платова не относится къ французскому народу.

А вотъ, что по описанію нашего историка (М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны) происходило въ Москвѣ по занятіи ея непріятелемъ:

„Невозможно представить ужасной картины страданій, начертанной слезами и кровью жителей на московскомъ пожарищѣ. Непріятели, движимые звѣрскими побужденіями, забыли и чувство жалости къ людямъ, и страхъ Божій. Не было уваженія ни къ святынѣ алтарей, ни къ званію священнослужителей. Многія церкви были обращены въ казармы, магазины и конюшни. Солдаты христіанскихъ націй, гордящихся своимъ просвѣщеніемъ, обдирали оклады съ святыхъ иконъ, рубили, жгли ихъ, стрѣляли въ мишени, сложенныя изъ образовъ, и ругались надъ всѣми предметами богослуженія. Казалось, снова настало на Руси время нашествія татаръ невѣрныхъ!“—*(См. картины №№ 23 и 24)*.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Оберъ-офицеръ Кавалергардскаго полка.
Изъ Музея 1812 года.

Непріятельскія войска, какъ въ Москвѣ такъ и въ окрестностяхъ ея, чувствовали большой недостатокъ въ продовольствіи. Продовольственныя средства Москвы были частью уничтожены пожарами, частью разграблены. Подвоза не было, т. к. опустѣла не только Москва, но и тѣ ея окрестности, которыя были заняты непріятельскими войсками; населеніе ихъ также ушло. Особенно былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ котораго конскій составъ арміи Наполеона къ началу октября пришелъ въ совершенное изнуреніе.

Нашъ историкъ Отечественной войны рисуетъ слѣдующую картину (М. Богдановичъ):

„У костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы образовъ святыхъ, кипѣли котлы, въ которыхъ, за недостаткомъ говядины или другого мяса, обычно служащаго въ пищу, варилась конина; подъ открытомъ небомъ, безъ всякаго присмотра, валялись головы сахару, мѣшки съ кофе и другими тропическими произведеніями, а хлѣба почти ни у кого не было. На каждомъ шагу виднѣлись слѣды грабежа непріятельскихъ мародеровъ“.

Въ довершеніе того тяжелаго положенія, въ которомъ очутилась въ сердцѣ Россіи армія Наполеона, возгорѣлась народная война. Армія его оказалась окруженною сѣтью партизанскихъ отрядовъ, которые при содѣйствіи населенія дерзко нападали на транспорты и парки, разбивали отряды, ихъ прикрывавшіе, захватывали повозки и цѣлые транспорты, брали въ плѣнъ сильныя прикрытія. Тылъ арміи, ея сообщенія съ базою были подъ постоянною угрозою нашихъ партизановъ, что еще болѣе ухудшало положеніе непріятельскихъ войскъ. Не находя на мѣстѣ необходимыхъ жизненныхъ средствъ, съ огромнымъ трудомъ получая незначительные подвозы, непріятельскія войска и фуражировать за предѣлами своего расположенія могли лишь съ большимъ трудомъ, не иначе какъ подъ прикрытіемъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Все это сильно изнуряло армію Наполеона и грозило еще худшимъ впереди.

Наполеонъ сознавалъ свое критическое положеніе и неоднократно пытался завязать сношенія съ Государемъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Уже въ первыхъ числахъ августа, послѣ взятія Смоленска, онъ дѣлалъ подобную попытку черезъ взятаго въ плѣнъ раненаго генерала Тучкова 3-го, но тогда онъ не получилъ никакого отвѣта на свое предложеніе. (См. объясненіе къ картинѣ № 7). Съ занятіемъ Москвы онъ разсчитывалъ на бо̀льшую уступчивость Государя. Онъ полагалъ, что потеря первопрестольной русской столицы откроетъ ему путь къ мирнымъ переговорамъ, въ которыхъ онъ здѣсь еще болѣе нуждался, чѣмъ въ Смоленскѣ мѣсяцъ назадъ.

6 сентября онъ убѣждаетъ директора Московскаго воспитательнаго дома, вмѣстѣ съ донесеніемъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о томъ, что заведеніе это уцѣлѣло, довести до свѣдѣнія Государя о мирныхъ намѣреніяхъ Наполеона. 9 сентября онъ самъ пишетъ письмо Государю и посылаетъ его черезъ помѣщика Яковлева, который обратился къ Наполеону за содѣйствіемъ къ выѣзду изъ Москвы, будучи ограбленъ буквально до послѣдней нитки, когда онъ выѣзжалъ съ семействомъ изъ нея. Но обѣ эти попытки не имѣли никакого успѣха. Государь не отвѣчалъ и даже не хотѣлъ видѣть Яковлева, чтобы не подать повода къ разговорамъ о какихъ либо сношеніяхъ съ Наполеономъ.

23 сентября Наполеонъ посылаетъ къ Кутузову своего генералъ-адъютанта Лористона съ дипломатическимъ порученіемъ: исходатайствовать согласіе Государя на пріѣздъ Лористона въ Петербургъ для переговоровъ о мирѣ. *(См. картину № 25)*. — Кутузовъ принялъ Лористона и хотя наотрѣзъ отказался говорить о мирѣ, но обѣщалъ донести Государю о желаніи Наполеона, что и исполнилъ. Въ отвѣтъ на это Государь, въ рескриптѣ Кутузову, выразилъ ему свое неудовольствіе за то, что онъ принялъ посланца Наполеона.

Монограмма Фердинанда Тосканскаго на Итальянской пушкѣ.

Выйдя изъ Москвы на Рязанскую дорогу, наша армія 2 сентября ночевала по обѣимъ сторонамъ этой дороги въ виду Москвы. Здѣсь она оставалась и весь слѣдующій день, чтобы прикрыть уходъ московскаго населенія и самой привести себя въ полный порядокъ.

Выходя на Рязанскую дорогу, Кутузовъ имѣлъ въ виду скрытно отъ непріятеля перейти отсюда на Калужскую дорогу и, расположившись на ней, прикрыть своею арміею нетронутыя войной богатыя губерніи нашего юга, а также Тульскій оружейный заводъ и Брянскій арсеналъ. Кромѣ того расположеніемъ своей арміи на Калужской дорогѣ онъ занималъ угрожающее положеніе (фланговое) относительно сообщеній арміи Наполеона съ базой и Франціей. (См. карту № 5).

Операція эта была исполнена чрезвычайно искусно. Наша армія по Рязанской дорогѣ отошла сначала за рѣку Пахру (притокъ р. Москвы), прикрываясь которой и совершила свое фланговое движеніе. Идя вдоль р. Пахры, она у с. Красная Пахра дошла къ старой Калужской дорогѣ, здѣсь свернула на эту дорогу въ направленіи къ Калугѣ и прошла къ с. Тарутину, гдѣ для нея была выбрана позиція за р. Нарою.

Непріятель, поглощенный занятіемъ Москвы и отвлекаемый ея пожарами, сначала упустилъ нашу армію изъ вида, а затѣмъ введенный въ заблужденіе искусными дѣйствіями нашей кавалеріи, въ теченіе 12 дней не могъ выяснить истиннаго направленія нашей арміи. При поворотѣ нашей арміи у Боровскаго моста съ Рязанской дороги на западъ, нашъ арьергардный казачій отрядъ Ефремова пошелъ не за арміей, а продолжалъ движеніе по Рязанской дорогѣ за Бронницы; этимъ онъ увлекъ за собою непріятельскій авангардъ и направилъ его на ложный путь. Пока непріятель успѣлъ выяснить себѣ, что онъ обманутъ и что за отрядомъ Ефремова уже нѣтъ болѣе нашей арміи, она успѣла достигнуть каширской дороги. Здѣсь по дорогѣ въ Каширу былъ высланъ кавалерійскій отрядъ Харитонова, который снова замелъ слѣдъ нашей арміи. Наконецъ то-же было продѣлано по достиженіи дороги изъ Москвы въ Серпуховъ, по которой въ направленіи Серпухова былъ высланъ конный отрядъ Лачинова.

Выйдя 9 сентября на старую Калужскую дорогу (у с. Красная Пахра), наша армія оставалась здѣсь 6 дней, а затѣмъ отошла къ Тарутину, куда прибыла 20 сентября. Сюда 23 сентября Наполеонъ и присылалъ Лористона къ Кутузову.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году".

Оберъ-офицеръ Дворянскаго эскадрона (Дворянскаго полка).

Изъ Музея 1812 года.

Монограмма Людовика XVI на Французскихъ гаубицахъ.

V.

Партизаны.

Монограмма Короля Георга III на Ганноверскихъ пушкахъ.

Въ Отечественную войну у насъ возникъ особый способъ вспомогательныхъ военныхъ дѣйствій, совершенно тогда новый, который, получивъ широкое примѣненіе, оказалъ отечеству огромныя услуги. Этотъ способъ получилъ названіе партизанской войны. Онъ заключается въ томъ, что въ тылъ непріятеля, на его сообщенія, высылаются легкіе конные отряды для самостоятельныхъ совершенно дѣйствій, съ временною потерею всякой связи со своею арміею. Такіе отряды, дѣйствуя скрытно и быстро, налетаютъ неожиданно на транспорты, парки и небольшія военныя команды, двигающіеся въ тылу непріятельской арміи, а также на слабо защищенные этапы его. Они частью захватываютъ, частью уничтожаютъ непріятельскіе транспорты и парки, отбиваютъ лошадей, захватываютъ плѣнныхъ и вообще порождаютъ тревогу и безпокойство въ тылу непріятельской арміи, а также затрудняютъ подходъ къ ней подкрѣпленій. Для подобнаго рода дѣйствій нужны очень энергичные, смѣлые люди, т. к., отрываясь отъ своей арміи, они рискуютъ многимъ. Россія можетъ гордиться цѣлою плеядою смѣлыхъ партизановъ Двѣнадцатаго года, стяжавшихъ своими дѣйствіями славную память и благодарность отечества.

Починъ примѣненія въ Двѣнадцатомъ году партизанскихъ дѣйствій принадлежитъ Денису Васильевичу Давыдову, тогда подполковнику гусарскаго Ахтырскаго полка. Свое предложеніе онъ, черезъ Багратіона, у котораго ранѣе былъ долго адъютантомъ, представилъ Кутузову вскорѣ послѣ его прибытія къ арміямъ (во второй половинѣ августа). Кутузовъ хотя и отнесся съ недовѣріемъ къ успѣшности предложеннаго способа, все-же предоставилъ Давыдову („почти на вѣрную гибель", какъ онъ выразился) 50 гусаръ и 150 казаковъ. Не одинъ Кутузовъ отнесся недовѣрчиво къ затѣѣ Давыдова; такъ-же смотрѣли на это дѣло и многіе старшіе генералы нашей арміи. — „Кланяйся Павлу Тучкову" *), говорили ему; „пусть онъ уговоритъ тебя не партизанить". — Но уже черезъ нѣсколько дней Давыдовъ съ успѣхомъ сдѣлалъ свой первый налетъ въ тылъ непріятельской арміи.

Послѣ Бородинскаго боя, въ которомъ Давыдовъ принималъ участіе, онъ съ 50 гусарами и 80 казаками отдѣлился отъ нашей арміи и пошелъ на юго-западъ—въ Медынскій уѣздъ. Здѣсь, узнавъ о слѣдованіи по Смоленской дорогѣ непріятельскихъ обозовъ, онъ бросился къ Цареву-Займищу (см. карту № 4), гдѣ напалъ на транспортъ изъ 30 повозокъ, съ прикрытіемъ въ 215 человѣкъ, захватилъ въ плѣнъ около 100 чел., истребилъ всѣхъ остальныхъ и затѣмъ взялъ другой обозъ, брошенный своимъ прикрытіемъ.

Этотъ первый успѣхъ нашего перваго партизанскаго отряда послужилъ основаніемъ къ формированію другихъ подобныхъ ему, что началось послѣ оставленія нашею арміею Москвы и занятія ея непріятелемъ.

Когда армія Кутузова, отходя отъ Москвы, 9 сентября подошла къ Красной Пахрѣ, отсюда былъ выдѣленъ конный отрядъ въ 2.000 человѣкъ съ двумя орудіями, подъ командою генералъ-маіора Дорохова, и высланъ по направленію къ Смоленской дорогѣ, по которой шли подвозы къ арміи Наполеона. 10 сентября Дороховъ произвелъ первый свой поискъ къ с. Перхушкову (см. карты №№ 4 и 5), при чемъ уничтожилъ два маршевыхъ эскадрона, истребилъ 86 зарядныхъ фуръ артиллерійскаго парка, взялъ въ плѣнъ 11 офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ, захватилъ около 200 лошадей, перехватилъ трехъ курьеровъ съ важными депешами и отнялъ шесть пудовъ церковнаго серебра, уже награбленнаго непріятелемъ и слѣдовавшаго въ Смоленскъ. Послѣ этого Дороховъ продолжалъ свои набѣги и въ теченіе недѣли истребилъ нѣсколько отрядовъ и транспортовъ и захватилъ до 1500 чел. въ плѣнъ.

Съ расположеніемъ нашей арміи у Тарутина дѣятельность нашихъ партизановъ широко развилась. Отряды ихъ, можно сказать, окружили армію Наполеона. Кромѣ отрядовъ Давыдова и Дорохова, дѣйствовало еще много другихъ: Сеславина, Фигнера, князя Вадбольскаго, князя Кудашева, Ефремова и другіе. Каждый изъ этихъ отрядовъ получилъ опредѣленный раіонъ. Всѣ они партизанили весьма успѣшно, благодаря собственной лихости и содѣйствію населенія.

Наши партизаны дѣйствовали не только налетомъ своихъ отрядовъ на тылъ и сообщенія непріятельской арміи, но и въ одиночку: переодѣваясь, проникали они въ самое расположеніе ея и собирали тамъ свѣдѣнія, которыя выясняли намъ положеніе непріятеля; свѣдѣнія эти, всегда цѣнныя, были въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо неоцѣненны. Легендарную извѣстность въ дѣйствіяхъ этого рода пріобрѣлъ Фигнеръ. А Сеславину, какъ увидимъ далѣе, мы обязаны своевременнымъ полученіемъ вѣрныхъ свѣдѣній о направленіи арміи Наполеона послѣ выхода ея изъ Москвы.

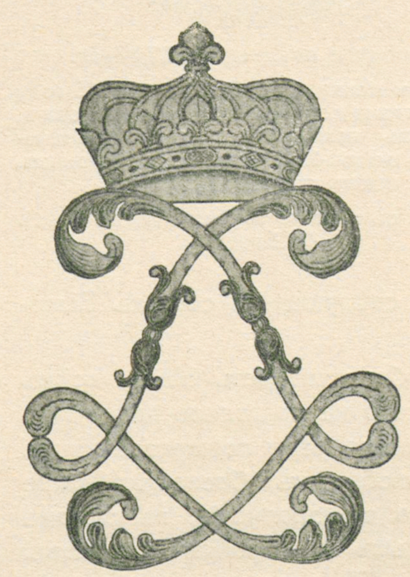
---

*) Это генералъ Тучковъ 3-й, находившійся тогда въ плѣну. Израненый штыками въ бою 7 августа, онъ взятъ былъ въ плѣнъ.

VI.

Народный подъемъ.

(Народная война. Ополченія и денежныя пожертвованія).

Монограмма Людовика XVI на Французскихъ пушкахъ.

Въ связи съ дѣятельностью нашихъ партизановъ находится народная война, т. е. участіе въ войнѣ самого населенія. Оно не только помогало партизанамъ, но и само прибѣгало къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ небольшихъ непріятельскихъ партій, мародеровъ, дезертировъ и отсталыхъ непріятельской арміи.

Первымъ поднялось населеніе Смоленской губерніи. По занятіи непріятельскими войсками Смоленска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей этой губерніи, населеніе стало покидать свои жилища и уходить въ лѣса, увозя съ собою все, что можно было забрать, а остальное прятало и уничтожало, нерѣдко поджигая покидаемые дома. Города, незанятые непріятелемъ (Бѣлый, Сычевка, Юхновъ и Рославль), сдѣлались центрами народнаго возстанія. Независимо отъ ополченія, которое стало формироваться еще раньше и поступало на усиленіе нашихъ войскъ, теперь образовались, для самостоятельныхъ дѣйствій на мѣстѣ, партіи вооруженныхъ горожанъ и поселянъ, подъ командою отставныхъ военныхъ, дворянъ, чиновниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и крестьянъ. Партіи эти оказывали сопротивленіе непріятельскимъ фуражирамъ, мародерамъ и дезертирамъ, а иногда и сами нападали на нихъ, захватывая въ плѣнъ и частью убивая ихъ. Сперва оружіемъ у нихъ были косы, топоры и самодѣльныя пики, а впослѣдствіи онѣ вооружились ружьями, отнятыми у непріятельскихъ партій и отдѣльныхъ солдатъ непріятельской арміи.

Разумѣется, и возставшіе платились жизнью. Помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ были разстрѣляны у Смоленской крѣпостной стѣны, будучи приговорены къ смерти непріятельскимъ военнымъ судомъ. Подъ направленными на него дулами ружей Энгельгардтъ снялъ повязку съ глазъ и такъ былъ разстрѣлянъ. Впослѣдствіи, по повелѣнію Императора Николая I, ему на мѣстѣ смерти поставленъ памятникъ взамѣнъ прежняго, сооруженнаго вдовою Энгельгардта и къ тому времени пришедшаго въ разрушеніе.

Исторія записала имена и другихъ Смоленскихъ помѣщиковъ, руководившихъ народною войною, а именно: Богуславскаго, Нахимова, Храповницкаго, Семичева, Адамовича, князя Тенишева и другихъ.

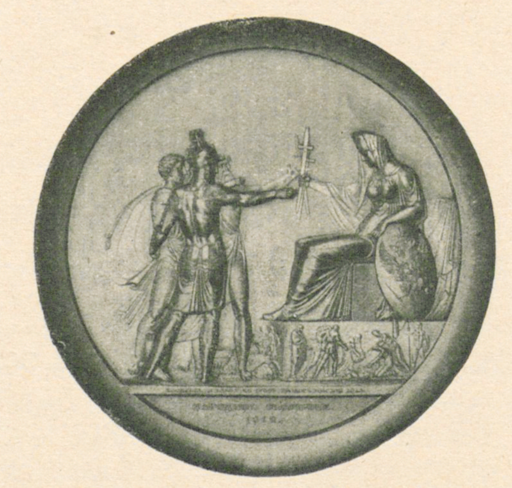
Подобно Смолянамъ, поднялись Москвичи, а также жители сосѣднихъ уѣздовъ Калужской, Тверской и другихъ смежныхъ губерній, когда непріятель, занявъ Москву, высылалъ своихъ фуражировъ въ разныя стороны и когда тамъ стали появляться его дезертиры и мародеры. Въ народной памяти сохранились имена многихъ героевъ народной войны, отличавшихся удивительною смѣлостью и причинившихъ не мало вреда непріятелю; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Вохненской волости Богородскаго уѣзда крестьянинъ Герасимъ Куринъ, крестьяне Вельяминовской волости Звенигородскаго уѣзда Иванъ Андреевъ и Павелъ Ивановъ, священникъ с. Дубровы Верейскаго уѣзда Іоаннъ Скобѣевъ, старостиха Василиса... Михайловскій-Данилевскій, въ своемъ описаніи „Отечественной войны", говоритъ: „Вездѣ въ коренной Россіи находилъ Наполеонъ пепелъ и опустѣніе; куда ни обращалъ онъ взоръ, всюду видѣлъ огненные столпы, восходившіе къ небу; всюду сверкали за пожарами топоры, рогатины, вилы ополченнаго народа, ковались копья, острились на пораженіе враговъ серпы и косы".

Подвигъ Смоленскаго помѣщика, отставного подполковника П. И. Энгельгардта.
Съ старинной гравюры.

Приговоренный французскими властями къ смерти за участіе въ народномъ возстаніи, П. И. Энгельгардтъ былъ разстрѣлянъ у Смоленской крѣпостной стѣны; поставленный къ разстрѣлу, онъ снялъ повязку съ глазъ и встрѣтилъ смерть героемъ.

Призывъ Государя къ своему народу (въ іюлѣ мѣсяцѣ 1812 года) о выставленіи ополченій и о денежныхъ пожертвованіяхъ (см. выше, стр. 5) вызвалъ горячій откликъ. Государь нашелъ однако достаточнымъ выставленіе земскихъ ополченій ограничить 16-ю губерніями: Смоленской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской, Петербургской, Новгородской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Симбирской и Пензенской; этими губерніями въ общей совокупности было выставлено 220.000 ополченцевъ. Кромѣ того, прочія губерніи и области всетаки выставили 100.000 человѣкъ. Такъ что всего въ Отечественную войну было выставлено 320.000 ополченцевъ. Пожертвованій на войну было сдѣлано на 100 мильоновъ рублей.

„Народное ополченіе 1812 года".

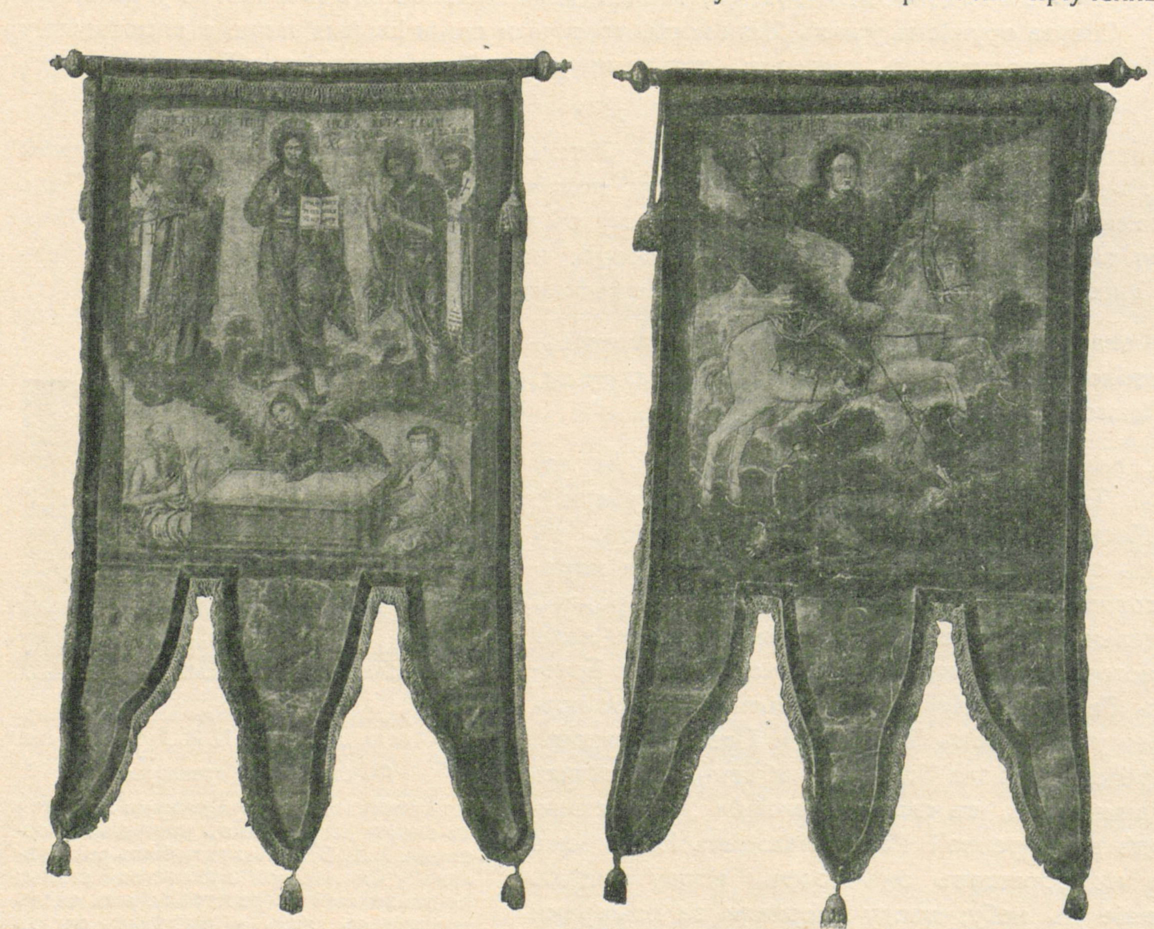
Изъ серіи медалей, выбитыхъ въ 1815 году по композиціи графа Ѳеодора Толстого, въ память важнѣйшихъ событій Отечественной войны 1812 года и послѣдующихъ войнъ съ Наполеономъ.

Снимокъ съ медали, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

Ополченія получали военную организацію, нѣкоторыя имѣли однообразную форму или во всякомъ случаѣ опредѣленный отличительный знакъ на головномъ уборѣ. Ранѣе другихъ были сформированы и употреблены въ дѣло Смоленское и Московское ополченія. Небольшая часть перваго принимала уже участіе въ сраженіи подъ Краснымъ 2 августа (см. выше, стр. 6), а въ Бородинскомъ сраженіи 26 августа Смоленское и Московское ополченія входили въ составъ арміи. Особенно прочную организацію и военную подготовку получили ополченцы Петербургской и Новгородской губерній *); они были вооружены ружьями и принимали видное участіе въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ въ составѣ корпуса Витгенштейна; особенно отличились они въ сраженіи подъ Полоцкомъ 7 октября (объ этомъ будетъ подробнѣе сказано далѣе) и въ дѣлѣ у Чашниковъ 19 октября.

Ярко очерченъ подъемъ народный въ Отечественную войну 1812 года въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго манифеста отъ 3 ноября 1812 года:

„Торжественно отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность Нашу всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько передъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли Мы, что во многихъ губерніяхъ, а особенно въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали

Ополченское знамя с. Вепрей Алексинскаго уѣзда Тульской губ. (изображенія на обѣихъ сторонахъ).
Снято со знамени, хранящагося въ Музеѣ 1812 года.

*) Они были организованы и обучены М. И. Кутузовымъ, котораго Петербургское и Новгородское дворянства, еще до назначенія его главнокомандующимъ, избрали въ начальники своихъ ополченій.

всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ Нашимъ и помогали дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами вооружась и поклявшись передъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнію обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его Мы вмѣстѣ съ православною Церковію и Св. Синодомъ и духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ Нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ Нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность Нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому".

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году".

Оберъ-офицеръ Л. Гв. Казачьяго полка.

Изъ Музея 1812 года.

I. LAPINA · PARIS

VII.

Отступленіе Наполеона изъ Москвы.

„Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье,
Тамъ стѣны ... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ намъ мщенье“.

(Изъ стихотворенія В. А. Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“). Стихи эти написаны во время Отечественной войны, вскорѣ послѣ отдачи непріятелю Москвы, въ Тарутинскомъ лагерѣ (до Тарутинскаго боя), гдѣ В. А. Жуковскій находился, въ званіи офицера Московскаго ополченія, въ штабѣ Кутузова.

„Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ“.

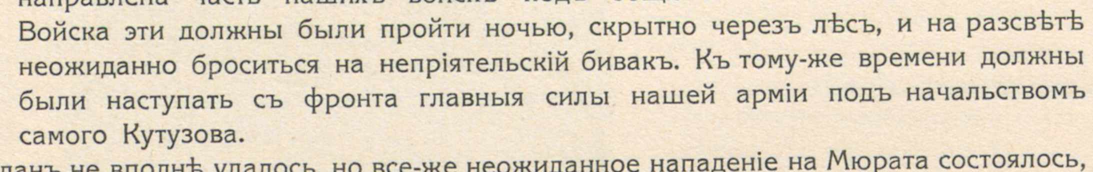
(Изъ стихотворенія А. С. Пушкина „Наполеонъ“. Написано въ 1821 году на смерть Наполеона).

Тарутино.

Армія Кутузова до 6 октября оставалась у Тарутина. Войска Наполеона занимали Москву и ея окрестности; авангардъ подъ начальствомъ Мюрата стоялъ противъ Тарутина. Крупныхъ боевъ до 6 октября не было; но партизаны наши работали дѣятельно.

6 октября разыгрался Тарутинскій бой, начавшійся неожиданнымъ нападеніемъ нашихъ войскъ на авангардъ арміи Наполеона. Авангардъ этотъ подъ начальствомъ Мюрата, силою въ 20.000 челов., былъ выдвинутъ на 60 верстъ отъ Москвы и находился въ 10 верстахъ отъ Тарутина, за рѣчкою Чернишною (см. карту № 5). Онъ стоялъ безъ необходимой осторожности, примыкая лѣвымъ флангомъ къ большому лѣсу. Этими обстоятельствами рѣшено было у насъ воспользоваться.

Съ вечера 5 октября, черезъ лѣсъ, нѣсколькими колоннами, была направлена часть нашихъ войскъ подъ общимъ начальствомъ Бенигсена. Войска эти должны были пройти ночью, скрытно черезъ лѣсъ, и на разсвѣтѣ неожиданно броситься на непріятельскій бивакъ. Къ тому-же времени должны были наступать съ фронта главныя силы нашей арміи подъ начальствомъ самого Кутузова.

Гербъ на Виртембергскихъ орудіяхъ.

Хотя выполнить этотъ планъ не вполнѣ удалось, но все-же неожиданное нападеніе на Мюрата состоялось, однако не всѣми колоннами Бенигсена, направленными черезъ лѣсъ; движеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ замедлилось и онѣ вышли изъ лѣса очень поздно.

Колонна, состоявшая преимущественно изъ кавалеріи (10 казачьихъ полковъ), подъ командою графа Орлова-Денисова, въ 7 ч. утра выйдя изъ лѣсу, неожиданно атаковала передовыя войска Мюрата, которыя безпечно стояли на бивакѣ; это была французская кирасирская дивизія. Казаки съ крикомъ бросились на нее и, опрокинувъ три полка, захватили 38 орудій. Нападеніе было такъ неожиданно, что непріятель оставилъ на бивачныхъ огняхъ кофейники съ горячимъ кофе и котлы съ кониной; здѣсь-же стояли сложенные изъ большихъ иконъ столы и скамейки. Однако непріятель скоро оправился и отошелъ назадъ; завязался бой. Къ тому времени начали выходить изъ лѣса другія наши колонны и нѣкоторыя изъ нихъ приняли участіе въ бою. Но непріятель долго не держался, онъ отступалъ. Поэтому въ бою успѣла принять участіе лишь часть войскъ Бенигсена, а главныя силы подъ начальствомъ Кутузова въ бой не вводились. Непріятель отступилъ на полперехода, потерявъ болѣе 500 чел. убитыми и ранеными, 1500 плѣнными, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и одно знамя. Нашъ уронъ простирался до 1200 человѣкъ, при чемъ убитъ генералъ Багговутъ, командиръ 2-го пѣх. корпуса. — *(См. картину № 28).*

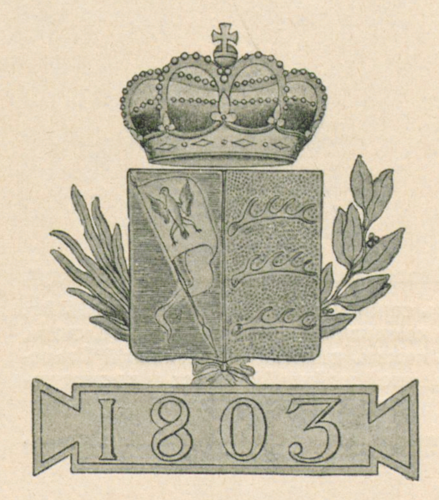
Сраженіе при Тарутинѣ 6 октября 1812 года.
Рисунокъ перомъ П. Гесса.
Это эскизъ картины того-же художника, написанной для Зимняго дворца (см. картину № 28 нашего изданія). Эскизъ находится въ Музеѣ 1812 года.

Тарутинскій бой былъ на главномъ театрѣ войны первымъ нашимъ крупнымъ наступательнымъ боемъ съ такимъ осязательнымъ результатомъ, а потому побѣда эта праздновалась въ Тарутинскомъ лагерѣ, при чемъ прежде всего въ

торжественномъ молебствіи было вознесено благодареніе Господу Богу. Государь былъ обрадованъ и прислалъ Кутузову золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, при слѣдующемъ собственноручномъ рескриптѣ *):

„Побѣда, одержанная Вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы".

Выходъ непріятеля изъ Москвы.

Гербъ на Виртембергскихъ орудіяхъ.

Тарутинскій бой вынудилъ Наполеона оставить Москву. Видя безуспѣшность попытокъ своихъ къ мирнымъ переговорамъ, онъ еще до этого боя готовился къ выступленію изъ Москвы со всею арміею. Усмотрѣвъ въ Тарутинскомъ боѣ переходъ нашей арміи въ наступленіе, онъ ускорилъ свой выходъ и началъ его тотчасъ по полученіи извѣстія о Тарутинскомъ боѣ т. е. съ вечера 6 октября; самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы утромъ 7-го. Армія его направлялась къ Калугѣ.

Армія Наполеона при выступленіи изъ Москвы сопровождалась огромными обозами, нагруженными награбленнымъ имуществомъ; зарядные ящики и артиллерійскія орудія, не говоря о разныхъ повозкахъ обоза, были завалены разнообразными предметами; пѣхотинцы и кавалеристы навалили на себя всякую добычу; армію сопровождали иностранцы, остававшіеся въ Москвѣ при Наполеонѣ, съ женщинами и дѣтьми; везлись раненые и больные; вели́сь наши плѣнные; везлись „трофеи",— такъ названы были турецкія и персидскія знамена, взятыя непріятелемъ изъ Московскихъ церквей...

Въ Москвѣ былъ оставленъ маршалъ Мортье съ отрядомъ войскъ. Ему было приказано выступить 10 или 11 октября, но предварительно зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія (кромѣ Воспитательнаго дома, который Наполеонъ еще при вступленіи своемъ въ Москву взялъ подъ свое покровительство), а также оба дома графа Ростопчина и домъ графа Разумовскаго, и заблаговременно заложивъ мины подъ Кремлевскія стѣны, взорвать ихъ. До выступленія онъ долженъ былъ изрубить лафеты и колеса зарядныхъ ящиковъ и изломать ружья, которыхъ нельзя было взять съ собой.

10 октября, когда Мортье находился еще въ Москвѣ, въ нее подъ парламентерскимъ флагомъ вошелъ нашъ генералъ Винцингероде. Корпусъ его, со времени занятія непріятелемъ Москвы, стоялъ къ сѣверу отъ нея, на дорогѣ въ С.-Петербургъ, съ цѣлью его прикрытія. Получивъ, отъ захваченныхъ казаками плѣнныхъ, свѣдѣніе о выходѣ Наполеона изъ Москвы и объ оставленіи въ ней маршала Мортье съ приказаніемъ взорвать Кремль, Винцингероде намѣревался вступить съ непріятелемъ въ переговоры, одни говорятъ—съ цѣлью предупредить взрывъ Кремля, другіе—для того чтобы переговорами оттянуть время выступленія оставшихся въ Москвѣ непріятельскихъ войскъ, дать своимъ войскамъ обойти Москву и, ставъ на пути отступленія непріятеля, преградить ему выходъ. Мортье, вопреки общепризнанной неприкосновенности парламентеровъ, арестовалъ генерала Винцингероде вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его ротмистромъ Нарышкинымъ и отправилъ ихъ къ Наполеону **).

Казаки Иловайскаго 4-го вступаютъ въ Москву 12 октября 1812 г. и прогоняютъ непріятеля.
Съ гравюры изъ собранія А. В. Морозова въ Москвѣ.

Въ 6 ч. вечера 11 октября Мортье съ своими войсками выступилъ изъ Москвы. Когда они отошли уже на значительное разстояніе, въ полночь запылалъ Кремлевскій арсеналъ и другія подожженныя непріятелемъ зданія, раздался рядъ послѣдовательныхъ взрывовъ... Нѣкоторыя изъ башенъ и часть стѣнъ Кремля были взорваны и загорѣлся дворецъ; въ ближайшихъ домахъ были выбиты окна и двери, поломана мебель. Пожаръ распространился и на частныя дома. Начался безпорядокъ — непріятельскіе мародеры грабили немногочисленныхъ остававшихся еще въ Москвѣ жителей и насильничали.— *(См. картину № 26)*.

Безпорядокъ этотъ былъ прекращенъ лишь по вступленіи въ Москву

*) Бенигсену были пожалованы: алмазные знаки къ ордену Св. Андрея Первозваннаго и 100.000 рублей.

**) Наполеонъ, раздраженный дурнымъ для себя оборотомъ дѣлъ вообще и въ частности назойливыми поисками казаковъ Винцингероде во время расположенія арміи Наполеона въ Москвѣ, чуть его не разстрѣлялъ подъ предлогомъ, что онъ, будучи подданнымъ Наполеона (чего въ дѣйствительности не было), поступилъ на русскую военную службу.

I. LAPINA-PAR

русскихъ войскъ. Утромъ 12 октября въ Москву вошло нѣсколько казачьихъ и кавалерійскихъ полковъ подъ командою Иловайскаго 4-го (изъ корпуса генерала Винцингероде).

Москва представляла печальное зрѣлище. Остатки обгорѣлыхъ домовъ, трупы людей и лошадей, обломки мебели, груды хлама и сора. Кремль сильно пострадалъ; были разрушены: дворецъ, грановитая палата, пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго, арсеналъ, Алексѣевская башня; повреждены: Никольская башня и Кремлевскія стѣны во многихъ мѣстахъ. Соборы въ Кремлѣ уцѣлѣли. Храмы были ограблены и осквернены. Въ Успенскомъ соборѣ мощи св. Митрополита Іоны были выброшены изъ раки на помостъ и шея святителя изрублена; возлѣ лежала сабля. Надгробіе надъ могилою патріарха Гермогена изрублено. Въ алтарѣ Казанскаго собора, на мѣстѣ выброшеннаго престола, лежала палая лошадь. Вездѣ валялись иконы безъ ризъ, которыя были отодраны и похищены. Въ Архангельскомъ соборѣ было разлито вино изъ разбитыхъ бочекъ и разбросаны вещи, награбленныя во дворцахъ и въ оружейной палатѣ.

„Освобожденіе Москвы въ 1812 году".

Изъ серіи медалей, выбитыхъ въ 1815 г. по композиціи графа Ѳеодора Толстого, въ память важнѣйшихъ событій Отечественной войны 1812 года и послѣдующихъ войнъ съ Наполеономъ.

Снимокъ съ медали, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

Мало-Ярославецъ.

У Наполеона, при оставленіи имъ Москвы, было почти 100.000 человѣкъ (этой цифры армія его достигла отъ прибывшихъ въ Москву подкрѣпленій)—армія грозная въ рукахъ такого полководца, какъ Наполеонъ. Слабою ея стороной былъ конскій составъ; онъ сильно сократился, а наличный былъ крайне истощенъ безкормицей. Такимъ образомъ она оказалась очень слабою въ кавалеріи; почти четвертая часть конницы Наполеона лишилась лошадей и была переформирована въ пѣшую бригаду; больше половины кавалеристовъ сидѣло на совершенно истощенныхъ лошадяхъ; только въ гвардейской кавалеріи лошади были въ порядкѣ. Артиллерійскія лошади были также истощены. Кромѣ того, армія Наполеона была страшно обременена обозами. По всѣмъ этимъ причинамъ она была неспособна къ быстрымъ передвиженіямъ.

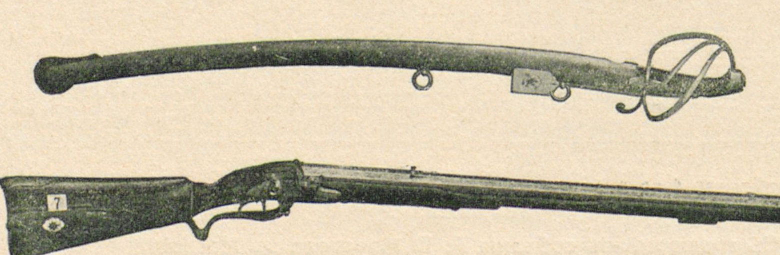

Снимокъ съ табакерки, поднесенной генералу Д. С. Дохтурову.

Изъ Музея 1812 года.

По выходѣ изъ Москвы, армія Наполеона пошла сначала по старой Калужской дорогѣ, затѣмъ свернула на новую Калужскую и 10 октября подошла къ с. Фоминскому (см. карту № 5). Наполеонъ намѣревался обойти слѣва нашу армію, стоявшую у Тарутина, дойти до Калуги и отсюда, нетронутымъ еще войною путемъ (черезъ города Ельню и Юхновъ), отойти къ Смоленску. Но эта операція ему не удалась.

Еще 7 октября наши передовыя части (генералъ Дороховъ) донесли Кутузову о появленіи у Фоминскаго одной непріятельской дивизіи. 10 октября Кутузовъ выслалъ по направленію къ Фоминскому отрядъ (изъ одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго корпусовъ съ казаками) подъ командою Дохтурова и при немъ начальника штаба арміи Ермолова. На полпути отъ Фоминскаго къ Дохтурову прискакалъ партизанъ Сеславинъ съ важнымъ извѣстіемъ, что вся армія Наполеона идетъ отъ Фоминскаго къ Мало-Ярославцу. Сеславинъ самъ видѣлъ Наполеона, окруженнаго всей его свитой, а захваченные имъ плѣнные сообщили, что армія идетъ на Мало-Ярославецъ. Дохтуровъ немедленно послалъ объ этомъ донесеніе Кутузову. Но ожидать полученія отъ него новыхъ распоряженій, сообразно измѣнившейся обстановкѣ, было некогда, а потому Ермоловъ предложилъ, не ожидая ихъ, сейчасъ-же повернуть

Снимки съ предметовъ, имѣющихся въ Музеѣ 1812 года:

Строевая сабля генерала И. С. Дорохова, съ которой онъ не разставался въ бояхъ.

Ружье французскаго генерала (охотничье изъ Могилевской губерніи), найденное въ отбитомъ обозѣ арміи Наполеона.

Памятникъ С. И. Бѣляеву въ г. Мало-Ярославцѣ.

Поставленъ въ 1891 году на всероссійскія пожертвованія.

Со снимка, имѣющагося въ Музеѣ 1812 года.

Въ день сраженія при Мало-Ярославцѣ, 12 октября 1812 года, житель этого города С. И. Бѣляевъ разрушилъ плотину и затопилъ мѣстность передъ городомъ, чѣмъ затруднилъ дѣйствія непріятельскихъ войскъ. На памятникѣ надпись: „Саввѣ Ивановичу Бѣляеву благодарная Россія".

и идти къ Мало-Ярославцу, чтобы тамъ преградить Наполеону путь къ Калугѣ. Дохтуровъ вполнѣ съ этимъ согласился и повелъ свой отрядъ къ Мало-Ярославцу.

12 октября разыгралось сраженіе у Мало-Ярославца. Съ нашей стороны въ немъ участвовалъ весь отрядъ Дохтурова, а вечеромъ, прямымъ путемъ изъ Тарутина, пришелъ и Кутузовъ со всею арміей. Съ непріятельской стороны дѣйствовалъ итальянскій корпусъ вице-короля и часть корпуса Даву; въ виду поля сраженія находился и Наполеонъ. Бой былъ крайне упоренъ. Онъ тянулся 18 часовъ. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ одной въ руки другой стороны и въ концѣ концовъ остался за непріятелемъ. Съ каждой стороны было введено въ бой по 24.000 человѣкъ; убито и ранено съ каждой стороны по 6.000 чел. Наша армія хотя и уступила непріятелю городъ, но осталась позади него въ грозной готовности принять новый жестокій бой, если бы непріятель продолжалъ пробиваться къ Калугѣ. *(См. картину № 30).*

Отступленіе по старому пути.

Весь слѣдующій день, 13 октября, обѣ арміи простояли другъ противъ друга (наша армія стояла въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ Мало-Ярославца). Этотъ день Наполеонъ находился въ большой нерѣшительности, что предпринять дальше. Сначала онъ хотѣлъ атаковать русскую армію и пробиться къ Калугѣ, но въ концѣ концовъ рѣшилъ отступать на Можайскъ, здѣсь выйти на Смоленскую дорогу и по ней идти къ Смоленску. *(См. картину № 31).*

Съ своей стороны, и Кутузовъ 14 октября двинулся по дорогѣ на Калугу. Такимъ образомъ, въ этотъ день обѣ арміи пошли одна отъ другой: непріятельская на сѣверъ, наша на югъ. Кутузовъ предпринялъ это движеніе потому, что по нѣкоторымъ донесеніямъ опасался, чтобы Наполеонъ черезъ Медынь не обошелъ его къ Калугѣ. Но когда черезъ нѣсколько дней вполнѣ выяснилось отступленіе Наполеона на Смоленскую дорогу, Кутузовъ направилъ свою армію черезъ Медынь къ Вязьмѣ кратчайшимъ путемъ. Началось, такъ называемое, параллельное преслѣдованіе: тогда какъ Наполеонъ отступалъ по прежнему своему пути наступленія, наша армія преслѣдовала его по параллельнымъ путямъ и, постоянною угрозою преградить ему дорогу изъ Россіи, принуждала его къ форсированнымъ маршамъ и боямъ, въ концѣ концовъ доканавшимъ его армію (см. карту № 6).

Плѣненіе польскаго генерала Тышкевича.
Съ картины Коссака.

Эпизодъ этотъ произошелъ 13 октября, на другой день послѣ сраженія при Мало-Ярославцѣ, во время поиска казаковъ подъ общимъ начальствомъ Платова на правый флангъ и тылъ расположенія арміи Наполеона, когда казаки едва не захватили въ плѣнъ самого Наполеона у Городни. Отрядъ Иловайскаго 9-го, въ числѣ трехъ казачьихъ полковъ, былъ высланъ къ г. Медыни, куда шелъ 5-й корпусъ (Понятовскаго) арміи Наполеона. Иловайскій устроилъ засаду и, неожиданно напавъ на авангардъ этого корпуса, обратилъ его въ бѣгство, захватилъ пять орудій и много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и генералъ Тышкевичъ.

Мы видѣли, что по состоянію, въ какомъ находилась армія Наполеона по выходѣ изъ Москвы, она была неспособна къ совершенію быстрыхъ маршей. А потому, принужденная къ нимъ нашимъ параллельнымъ наступленіемъ, она разрушалась и таяла. Кромѣ того начались холода, морозы, снѣгъ; люди не имѣли теплой одежды и были непривычны къ холоду. Отступать пришлось по опустошенной дорогѣ, на которой не находилось ни продовольствія, ни теплыхъ ночлеговъ; приходилось бивакировать прямо на снѣгу и голодать. А тутъ еще постоянные налеты нашихъ казаковъ и партизановъ, неотступно слѣдовавшихъ по сторонамъ и позади войскъ Наполеона и назойливо нападавшихъ на транспорты, обозы, партіи отсталыхъ или отошедшихъ въ стороны.

Домъ въ г. Боровскѣ, въ которомъ останавливался Наполеонъ 15 октября 1812 г. на пути отъ Мало-Ярославца къ Можайску.

Со снимка Музея 1812 года.

Домъ существуетъ нынѣ и принадлежитъ г-жѣ Писаревой. Въ немъ показываютъ комнату Наполеона и печь, современную 1812 году, около которой яко-бы грѣлся Наполеонъ. Снимокъ сдѣланъ въ 1909 году.

I. LAPINA. PAR.

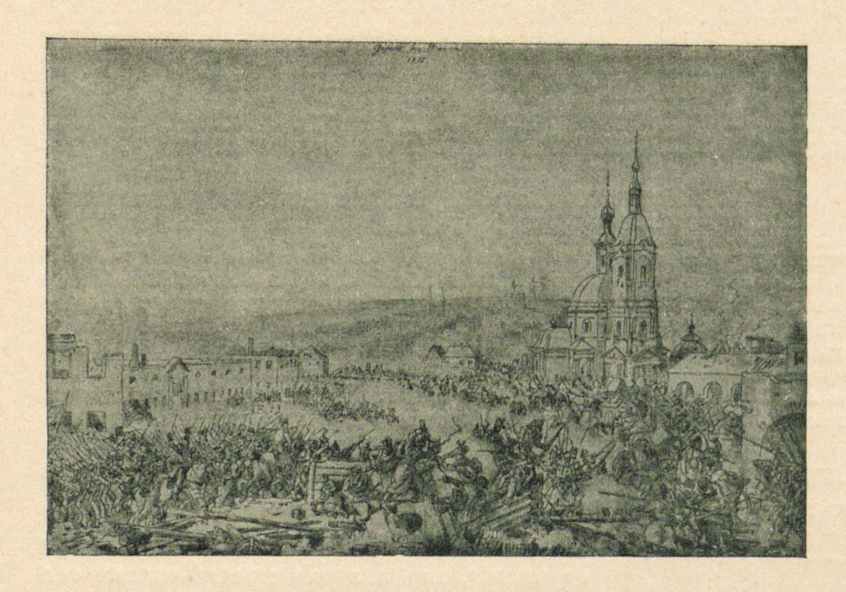
Армія Наполеона шла до Дорогобужа по одной дорогѣ и потому страшно растянулась. Въ арьергардѣ слѣдовалъ Даву и предавалъ огню всѣ оставляемые французскою арміею населенные пункты. Она шла почти безъ отдыха. „Непріятель бѣжитъ такъ, какъ никогда не бѣжала никакая армія“, писалъ Платовъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Казаки тревожили ее безпрестанно и вынуждали бросать орудія и повозки. Непосредственно за Даву шла одна пѣхотная дивизія нашего авангарда, а самый авангардъ подъ командою Милорадовича наступалъ лѣвѣе большой дороги.

Еще не доходя Вязьмы, непріятельская армія потеряла около половины людей, частью въ бояхъ подъ Мало-Ярославцемъ, но главнымъ образомъ отъ множества отсталыхъ, побросавшихъ оружіе, слѣдовавшихъ въ разбродъ и отходившихъ въ стороны въ поискахъ продовольствія; дезертирство и мародерство болѣе и болѣе распространялись и дисциплина падала. *(См. картину № 32).*

Съ арміей Наполеона слѣдовали наши немногочисленные плѣнные. Положеніе ихъ было ужасно. Изнуренные голодомъ и больные, нѣкоторые не могли идти. Тогда ихъ пристрѣливали *).

Вязьма и Дорогобужъ.

22 октября разыгралось сраженіе подъ Вязьмою. Въ этотъ день часть корпусовъ арміи Наполеона прошла уже за Вязьму (и онъ съ ними); корпусъ Понятовскаго втягивался въ Вязьму, за нимъ корпусъ вице-короля подходилъ къ ней, а еще далѣе, въ арьергардѣ, слѣдовалъ корпусъ Даву, тѣснимый казаками Платова и пѣхотною дивизіею Паскевича. Милорадовичъ, идя въ разрѣзъ корпусу Даву, задался цѣлью отрѣзать его. Но когда онъ развернулся и началъ бой, корпуса вице-короля и Понятовскаго повернули назадъ и пошли на помощь къ Даву. Послѣднему удалось пройти въ Вязьму и зажечь ее. Наши бросились штурмовать пылающій городъ, вытѣснили оттуда непріятеля и овладѣли Вязьмою (въ 6 ч. вечера). Непріятель потерялъ 4.000 убитыхъ и раненыхъ и 3.000 плѣнныхъ. У насъ выбыло 1800 человѣкъ. — *(См. картину № 33).*

Сраженіе при Вязьмѣ 22 октября 1812 года.

Рисунокъ перомъ П. Гесса.

Это эскизъ картины того-же художника, написанной для Зимняго дворца (см. картину № 33 нашего изданія). Эскизъ находится въ Музеѣ 1812 года.

Выйдя изъ Вязьмы и пройдя нѣсколько верстъ, непріятельскіе корпуса остановились въ большомъ лѣсу, но въ часъ ночи снялись и продолжали отступленіе. Пришлось идти въ темнотѣ. Люди и лошади едва передвигали ноги; какъ только лошадь падала, ближайшіе солдаты кидались къ ней, дѣлили между собою конину, служившею уже нѣсколько дней единственною ихъ пищею, и наскоро жарили ее. Холодъ и сырость пронизывали плохо одѣтыхъ и обутыхъ, голодныхъ людей; при всякой возможности они разводили костры, ложились у нихъ и предпочитали плѣнъ и даже смерть дальнѣйшему походу.

Такъ продолжала отступать непріятельская армія къ Смоленску. 23 октября пошелъ снѣгъ и продолжался въ слѣдующіе дни. Морозъ постепенно увеличивался и дошелъ до 12 градусовъ. Началась гололедица. Лошади, не имѣя подковъ съ острыми шипами (о которыхъ въ непріятельской арміи и понятія не имѣли), падали, что повело къ гибели и безъ того уже немногочисленнаго конскаго состава; пришлось бросить много повозокъ и нѣсколько орудій.

За Вязьмою корпусъ Даву былъ въ арьергардѣ смѣненъ корпусомъ Нея. Платовъ и Милорадовичъ неотступно преслѣдовали непріятеля. 26 октября Ней, чтобы дать время арміи Наполеона уйти за Днѣпръ (черезъ Соловьеву переправу), рѣшился держаться у Дорогобужа. Милорадовичъ атаковалъ его и принудилъ къ отступленію. Непріятель, уходя, зажегъ городъ. Но густой снѣгъ помѣшалъ значительному распространенію пожара, который и былъ скоро потушенъ нашими войсками. Освобожденіе города отъ вражьей власти вызвало восторгъ у жителей и благодарность къ своимъ освободителямъ; престарѣлый священникъ со слезами бросился къ ногамъ Милорадовича. — *(См. картину № 34).*

*) Въ „Войнѣ и миръ“ есть одно эпизодически дѣйствующее лицо — нашъ плѣнный солдатъ Каратаевъ. Онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Москвѣ, когда ее занялъ непріятель, и такимъ образомъ оказался плѣннымъ. На пути отступленія арміи Наполеона изъ Москвы, онъ за слабостью не могъ идти и на одномъ изъ приваловъ былъ пристрѣленъ. Каратаевъ—плодъ художественнаго творчества нашего великаго романиста, но фактъ его разстрѣла имѣетъ историческую основу.

Смоленскъ.

Моногр. Карла IV на Испанскихъ пушкахъ.

Армія Наполеона, изнемогая отъ голода, стужи и усталости (люди замерзали на бивакахъ), стремилась къ Смоленску, какъ къ обѣтованной землѣ, разсчитывая найти тамъ обильные запасы продовольствія, отдыхъ и тепло. Но надежды эти не оправдались.

28 октября Наполеонъ прибылъ въ Смоленскъ. Войскамъ было приказано остановиться, не входя въ городъ, и ожидать доставки провіанта изъ Смоленскихъ магазиновъ. Однако порядокъ этотъ не могъ быть соблюденъ; безпорядочныя толпы голодныхъ безоружныхъ солдатъ ворвались въ городъ и набросились на все, что могло утолить ихъ голодъ. Въ продолженіе одной ночи, съ 28 на 29 октября, солдаты зарѣзали 215 лошадей изъ транспортовъ; они накидывались на запасы, которые выдавались изъ магазиновъ, отнимали у тѣхъ, кто ихъ ранѣе получилъ, и доходили до убійствъ. Вообще надежды на большіе запасы продовольствія въ Смоленскѣ не оправдались; ихъ далеко не хватило на всю армію.

Наполеонъ оставался въ Смоленскѣ четыре дня. Онъ приказалъ заложить мины подъ крѣпостную стѣну, чтобы взорвать ее по оставленіи Смоленска. Вслѣдствіе недостатка въ упряжныхъ лошадяхъ, было приказано бросить часть артиллеріи, сжечь лафеты, зарядные ящики, экипажи и много предметовъ роскоши, награбленныхъ въ Москвѣ.

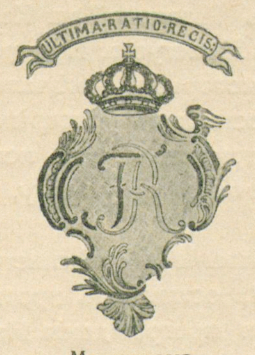
28 октября часть войскъ арміи Наполеона потерпѣла крупныя пораженія въ двухъ пунктахъ на главномъ театрѣ войны, недалеко отъ Смоленска. Дѣла эти заключаются въ слѣдующемъ.

У Ляхова наши партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера, съ помощью кавалеріи графа Орлова-Денисова, принудили непріятельскій отрядъ генерала Ожеро въ 1650 человѣкъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ.

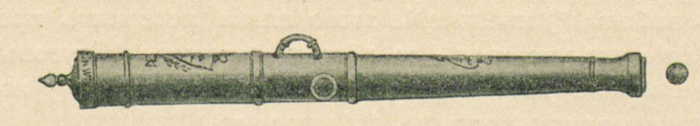
Другое дѣло происходило на р. Вопь, по дорогѣ изъ Дорогобужа въ Духовщину. Корпусъ вице-короля былъ 26 октября въ Дорогобужѣ отдѣленъ отъ арміи, продолжавшей идти къ Смоленску, и направленъ на Духовщину для слѣдованія въ Витебскъ на помощь французскому гарнизону этого города, которому угрожали войска нашего отдѣльнаго корпуса Витгенштейна. Вице-короля неотступно преслѣдовалъ Платовъ и на переправѣ черезъ р. Вопь, 28 октября, нанесъ ему большое пораженіе. Вице-король потерялъ здѣсь почти всю свою артиллерію, обозы и большое число людей. Съ остатками своего корпуса онъ все-же продолжалъ движеніе къ Духовщинѣ, но когда подходилъ къ этому городу, онъ былъ неожиданно остановленъ казачьими полками генерала Иловайскаго 12-го. Это былъ авангардъ отряда генералъ-адъютанта Кутузова *) (бывшій отрядъ Винцингероде); отрядъ этотъ выступилъ 22 октября изъ Москвы и шелъ сѣвернѣе большой Смоленской дороги. Вице-король всетаки пробился къ Духовщинѣ, но здѣсь получилъ извѣстіе о состоявшемся уже взятіи Витебска нашими войсками **), а потому отсюда онъ повернулъ прямо къ Смоленску.

Извѣщая войска о нашихъ побѣдахъ, въ приказѣ отъ 29 октября, фельдмаршалъ Кутузовъ говоритъ такъ:

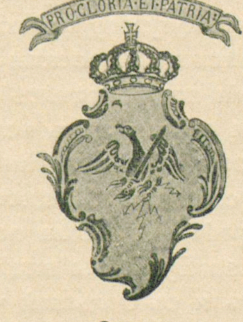
„Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда можетъ быть земля русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. И такъ — мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаетъ зима, вьюги и морозы: вамъ-ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погоды, ни злобы враговъ; она есть надежная стѣна Отечества, о которую все сокрушится. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ поучалъ сносить и голодъ, и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ; предъ нами разбитый непріятель; да будетъ за нами тишина и спокойствіе!"

Монограма Короля Фридриха на Прусскихъ пушкахъ.

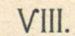
Прусская 3-фунтовая пушка. Лежитъ у Московскаго арсенала.

Орелъ на Прусскихъ пушкахъ.

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ фельдмаршаломъ княземъ Кутузовымъ.

**) Витебскъ отобранъ нами у непріятеля 26 октября отрядомъ, высланнымъ отъ отдѣльнаго корпуса Витгенштейна, о чемъ будетъ разсказано далѣе.

VIII.

Березина.

Планъ Государя.

Послѣ Бородинскаго сраженія Государь нашелъ своевременнымъ развить дѣйствія нашихъ войскъ на боковыхъ театрахъ войны, для чего усилить ихъ, перейти ими въ наступленіе и тѣснить непріятеля. Для уясненія этого плана, надо сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ на боковыхъ театрахъ войны.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Оберъ-офицеръ Л. Гв. Уланскаго полка.
Музей 1812 года.

Къ сѣверу отъ главнаго театра, на средней части Западной Двины (участокъ Дрисса—Динабургъ), у насъ находился отдѣльный корпусъ графа Витгенштейна; его назначеніе заключалось въ прикрытіи путей отъ средней части Двины къ С.-Петербургу. Противъ него дѣйствовалъ непріятельскій корпусъ маршала Удино. Здѣсь въ іюлѣ происходили крупные бои. Въ двухдневномъ бою при Клястицахъ (18 и 19 іюля) мы одержали серьезный успѣхъ (см. картину № 4 и объясненіе къ ней); но затѣмъ авангардъ нашъ, увлекшись преслѣдованіемъ и уйдя далеко впередъ, потерпѣлъ 20 іюля пораженіе у Боярщины, при чемъ убитъ отважный начальникъ авангарда, генералъ Кульневъ. На слѣдующій день непріятель преслѣдовалъ нашъ отступившій авангардъ, но былъ въ свою очередь разбитъ у Головчицъ (см. карту № 1). Послѣ этого непріятельскія войска отступили къ Полоцку. Здѣсь корпусъ Удино былъ усиленъ подошедшимъ къ нему корпусомъ С.-Сира. Несмотря на значительное превосходство непріятеля въ числѣ (у Витгенштейна не болѣе 20.000, въ соединенныхъ непріятельскихъ корпусахъ болѣе 35.000), Витгенштейнъ атаковалъ его; разыгрался двухдневный бой у Полоцка (5 и 6 августа), въ результатѣ котораго наши войска были принуждены отступить на одинъ переходъ — въ Клястицы и расположиться за р. Дриссою. Въ такомъ положеніи обѣ стороны оставались весь августъ и сентябрь.

Къ югу отъ главнаго театра войны — на Волыни (у Луцка) находилась наша 3-я (резервная) армія подъ начальствомъ Тормасова. Противъ нея дѣйствовали непріятельскія войска подъ начальствомъ Шварценберга. Въ іюлѣ Тормасовъ перешелъ въ наступленіе и сначала разбилъ часть непріятельскихъ силъ (15 іюля у Кобрина), но затѣмъ, будучи атакованъ превосходными силами (31 іюля у Городечны), принужденъ былъ возвратиться къ Луцку въ ожиданіи подхода Дунайской арміи.

Дунайская армія, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, передъ Отечественною войною находилась въ Дунайскихъ Княжествахъ въ ожиданіи заключенія мира съ Турціей. По заключеніи этого мира, она во второй половинѣ іюля 1812 года была направлена на Волынь, куда и подошла въ началѣ сентября и соединилась 9 числа съ войсками Тормасова у Луцка. Обѣ арміи, 3-я и Дунайская, имѣли вмѣстѣ болѣе 60.000. По соединеніи, онѣ перешли въ наступленіе и оттѣснили непріятеля за р. Западный Бугъ.

9 сентября, у Красной Пахры (когда наши 1-я и 2-я арміи переходили съ Рязанской на Калужскую дорогу), къ Кутузову пріѣхалъ флигель-адъютантъ отъ Государя съ рескриптомъ отъ 31 августа. При рескриптѣ были приложены проекты предписаній Чичагову, Тормасову и Витгенштейну, въ которыхъ намѣчался планъ наступленія подчиненныхъ имъ войскъ; *) исполненіе этого плана рескриптъ предоставлялъ усмотрѣнію Кутузова, если онъ найдетъ исполненіе его удобнымъ по обстоятельствамъ. Кутузовъ принялъ его къ исполненію и планъ этотъ былъ затѣмъ выполненъ, хотя и не вполнѣ привелъ къ тому конечному результату, который отъ него ожидался. Сущность плана заключалась въ слѣдующемъ.

Армія Тормасова подчиняется Чичагову. **) Чичаговъ переходитъ въ наступленіе и оттѣсняетъ Шварценберга за Бугъ (мы видѣли, что это было уже исполнено до полученія плана), оставляетъ противъ него часть силъ и съ большей частью устремляется черезъ Минскъ къ р. Березинѣ для прегражденія Наполеону путей отступленія. Въ то-же время Витгенштейнъ, которому уже высланы были значительныя подкрѣпленія (новыхъ формированій изъ С.-Петербурга около 19.000 и корпусъ Штейнгеля изъ Финляндіи въ 14.000), переходитъ въ наступленіе противъ С.-Сира и Удино, оттѣсняетъ ихъ за Двину и далѣе на западъ, оставляетъ противъ нихъ часть силъ и съ большею частью устремляется на соединеніе съ Чичаговымъ для совмѣстнаго съ нимъ прегражденія путей отступленія Наполеону.

---

*) Изъ приведенной даты рескрипта видно, что планъ этотъ составленъ еще до отдачи непріятелю Москвы.

**) Самъ Тормасовъ отзывается въ главную армію Кутузова.

I. LAPINA · PARIS

Постепенное окруженіе Наполеона.

По полученіи предписаній съ планомъ Государя, Чичаговъ и Витгенштейнъ не замедлили приступить къ его исполненію (см. карту № 7).

Чичаговъ, оттѣснивъ Шварценберга за р. Бугъ, оставилъ противъ него часть силъ (подъ начальствомъ генерала Сакена) и съ большею частью ихъ направился къ Минску, которымъ и овладѣлъ 4 ноября; небольшой непріятельскій гарнизонъ этого города, вмѣстѣ съ губернаторомъ (генералъ Брониковскій) отступилъ къ Борисову на р. Березинѣ, гдѣ французы располагали укрѣпленною переправою.

Витгенштейнъ, усиленный прибывшими къ нему подкрѣпленіями до 40.000, перешелъ въ первыхъ числахъ октября въ наступленіе противъ Удино и С.-Сира и, послѣ двухдневнаго боя у Полоцка (6 и 7 октября), принудилъ ихъ отступить за Двину. Непріятель отступилъ къ Нов. Лепелю *), куда изъ Смоленска къ Удино **) шелъ на помощь корпусъ Виктора *(см. картину № 29)*. Витгенштейнъ, преслѣдуя Удино, 19 октября у Чашниковъ вступилъ въ бой съ соединенными силами его и Виктора. Послѣ этого боя оба непріятельскіе корпуса отступили къ Сѣнно, а 23 перешли къ Череѣ. Витгенштейнъ остановился у Чашниковъ. Отсюда для овладѣнія Витебскомъ, который находился во власти непріятеля, онъ выслалъ отрядъ генерала Гарпе, который и овладѣлъ этимъ городомъ съ боя 26 октября, взявъ въ плѣнъ губернатора — генерала Пуже, 10 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ съ двумя орудіями.

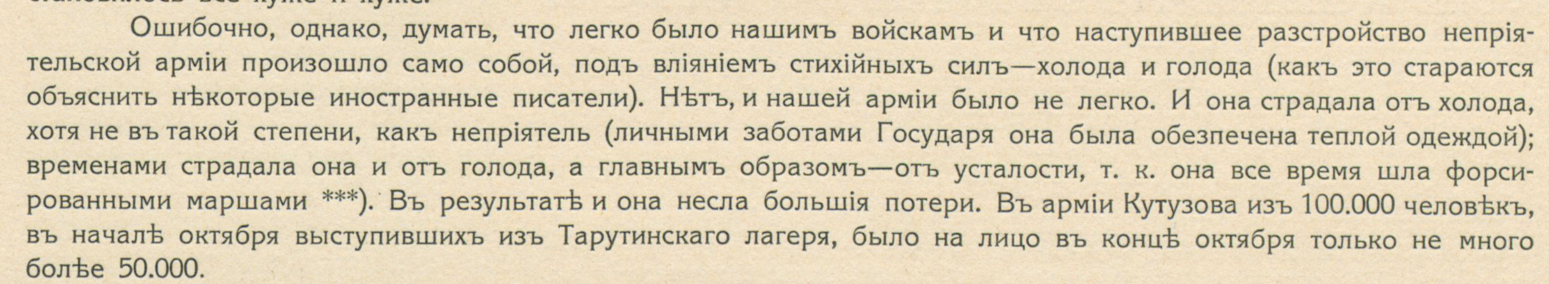
Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году".

Группа офицеровъ квартирмейстерской части (по нынѣшнему генеральнаго штаба) и адъютантовъ главной квартиры.

Изъ Музея 1812 года.

Витгенштейнъ оставался у Чашниковъ до 2 ноября, когда былъ атакованъ, перешедшими въ наступленіе отъ Череи, корпусами Виктора и Удино (бой у Смолянцы близъ Чашниковъ). Непріятель былъ разбитъ и возвратился къ Череѣ. Витгенштейнъ остался въ прежнемъ своемъ расположеніи у Чашниковъ.

Положеніе арміи Наполеона, окружаемой и энергично тѣснимой со всѣхъ сторонъ, страдавшей отъ холода, голода и усталости, терявшей почти всѣхъ своихъ лошадей, бросавшей орудія и повозки, терявшей множество людей, которые падали въ изнеможеніи, отдавались въ плѣнъ, покидали ряды и разбредались по сторонамъ — становилось все хуже и хуже.

Ошибочно, однако, думать, что легко было нашимъ войскамъ и что наступившее разстройство непріятельской арміи произошло само собой, подъ вліяніемъ стихійныхъ силъ—холода и голода (какъ это стараются объяснить нѣкоторые иностранные писатели). Нѣтъ, и нашей арміи было не легко. И она страдала отъ холода, хотя не въ такой степени, какъ непріятель (личными заботами Государя она была обезпечена теплой одеждой); временами страдала она и отъ голода, а главнымъ образомъ—отъ усталости, т. к. она все время шла форсированными маршами ***). Въ результатѣ и она несла большія потери. Въ арміи Кутузова изъ 100.000 человѣкъ, въ началѣ октября выступившихъ изъ Тарутинскаго лагеря, было на лицо въ концѣ октября только не много болѣе 50.000.

Наша армія, для приведенія непріятельской въ указанное разстройство, должна была развить необычайную энергію, огромную жизнедѣятельность. Исполненіе плана окруженія Наполеона требовало не мало искусства, энергіи и самодѣятельности со стороны начальниковъ нашихъ армій и отдѣльныхъ отрядовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ. Для того, чтобы установить связь арміи Чичагова съ отрядомъ Витгенштейна, въ концѣ октября изъ Слонима былъ высланъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ съ однимъ казачьимъ полкомъ. Въ пять дней онъ проскочилъ 350 верстъ по дурнымъ дорогамъ, въ распутицу, по краю, занятому непріятелемъ, гдѣ значительная часть жителей держала его сторону, и прибылъ къ Витгенштейну ****).

Бои подъ Краснымъ.

Съ 31 октября армія Наполеона, эшелонами по корпусамъ, начала выступать изъ Смоленска, направляясь къ Оршѣ, черезъ Красный. Численность ея достигала 50.000, но она была очень слаба кавалеріею и артиллеріею; да и наличныя орудія были запряжены совершенно истощенными лошадьми.

Армія Наполеона на пути отъ Смоленска къ Красному была по частямъ атакована нашими войсками. Разыгралось нѣсколько боевъ, которые въ общемъ называются боями подъ Краснымъ (3 — 6 ноября). Наиболѣе крупные бои были 4, 5 и 6 ноября.

4 ноября часть корпусовъ арміи Наполеона прошла уже черезъ г. Красный и онъ съ ними. Подходилъ корпусъ вице-короля, за нимъ въ полупереходѣ шелъ корпусъ Даву, а корпусъ Нея былъ еще въ Смоленскѣ.

---

*) Часть его войскъ направилась на западъ, въ направленіи къ Вильнѣ.

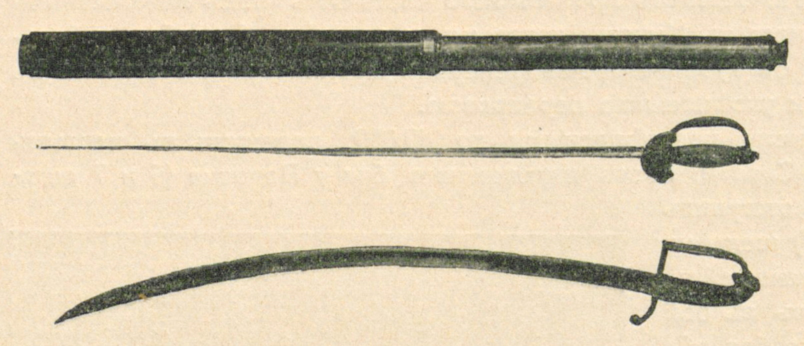
**) С.-Сиръ послѣ раны въ бою подъ Полоцкомъ выбылъ изъ строя.

***) Армія Чичагова отъ Слонима шла также форсированнымъ маршемъ: 200-верстное разстояніе отъ этого города до Минска она прошла всего въ 9 дней.

****) Во время этого пробѣга, при пересѣченіи имъ этапной дороги непріятеля изъ Минска въ Вильну, онъ захватилъ четырехъ непріятельскихъ курьеровъ и освободилъ изъ плѣна генералъ-адъютанта Винцингероде.

Нашъ авангардъ, подъ начальствомъ Милорадовича, сталъ на пути вице-короля и вступилъ съ нимъ въ бой; съ большими потерями вице-королю удалось однако пробиться въ Красный.

5 ноября мы атаковали корпусъ Даву при подходѣ его къ Красному, откуда на помощь ему Наполеонъ выслалъ свою гвардію, находясь самъ при ней. Для того чтобы дать корпусу Даву пробиться въ Красный, Наполеонъ своею гвардіею самъ атаковалъ наши войска. Подъ прикрытіемъ этой атаки, Даву отошелъ въ Красный. Наши войска энергично его преслѣдовали и нанесли ему большой уронъ. Одна изъ его колоннъ, не успѣвшая пройти черезъ городъ, была отрѣзана нашею кирасирскою бригадою (полки Военнаго Ордена и Екатеринославскій) и понесла большія потери. Въ этомъ бою потери непріятеля были вообще велики. Онъ потерялъ болѣе 6.000 чел. (по нѣкоторымъ показаніямъ даже болѣе 9.000), 45 орудій (по нѣкоторымъ показаніямъ 70) и многочисленный обозъ въ которомъ взятъ жезлъ маршала Даву*) и часть канцеляріи Наполеона. *(См. картину № 35).*

Снимки съ предметовъ, имѣющихся въ Музеѣ 1812 года:
Подзорная труба маршала Нея, захваченная въ Вильнѣ въ декабрѣ 1812 года.
Шпага генерала И. С. Дорохова.
Сабля французскаго офицера 1812 года.

Корпусъ Нея оставался въ Смоленскѣ до ночи на 5 ноября; въ 2 ч. ночи онъ выступилъ. Когда арьергардъ его отошелъ версты на двѣ отъ города, начались взрывы, силою которыхъ были разрушены зданія, обращенныя непріятелемъ въ госпитали, а также 8 башенъ крѣпостной стѣны. Безцѣльное разрушеніе, совершенно не вызывавшееся здравыми военными требованіями! Въ разрушенныхъ зданіяхъ оставались больные и раненые французской арміи, которые при этомъ погибли.

Послѣ боя 5 ноября арьергардный корпусъ Нея былъ арміею Наполеона предоставленъ собственной участи. 6 ноября Милорадовичъ разбилъ его и нанесъ ему страшный уронъ, не доходя Краснаго, на р. Лосминѣ. Потерявъ большую часть своего корпуса, Ней съ остатками его пробрался ночью вдоль рѣчки Лосмины до Днѣпра, въ который эта рѣчка впадаетъ. Здѣсь по тонкому льду, съ большими трудностями и опасностью, онъ переправился на правую сторону Днѣпра и затѣмъ правымъ берегомъ Днѣпра пошелъ къ Оршѣ на соединеніе съ остальными частями арміи Наполеона. На пути слѣдованія его къ Оршѣ онъ былъ настигнутъ Платовымъ, который его нѣсколько разъ атаковалъ; при этомъ Ней потерялъ большую часть своего отряда и 8 ноября привелъ въ Оршу не болѣе 900 человѣкъ. *(См. картины за №№ 36, 37, 38, 39, 40 и 41).*

Въ бояхъ подъ Краснымъ армія Наполеона потеряла болѣе 26.000 плѣнныхъ (въ томъ числѣ 7 генераловъ и 300 офицеровъ), до 6.000 убитыхъ и раненыхъ, нѣсколько орловъ (знаменъ) и 116 орудій (не считая 12 постепенно брошенныхъ по дорогѣ изъ Смоленска). Въ нашей арміи убитыхъ и раненыхъ было около 2.000 человѣкъ.

За побѣды подъ Краснымъ и вообще въ Смоленской губерніи Государь пожаловалъ Кутузову титулъ „Смоленскаго“, а Платовъ возведенъ въ графское достоинство; Милорадовичъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Штабъ-офицеръ Кавалергардскаго полка.
Изъ Музея 1812 года.

Послѣ боевъ у Краснаго численность арміи Наполеона не превышала 25.000, почти безъ кавалеріи и артиллеріи. Вся почти кавалерія потеряла своихъ лошадей и безлошадные кавалеристы шли пѣшкомъ вмѣстѣ съ другими неспособными къ бою людьми. Почти всѣ орудія были потеряны (главнымъ образомъ подъ Краснымъ); большая часть ихъ потеряна въ бояхъ, часть брошена на дорогахъ и часть зарыта въ погребахъ.

Березинская переправа.

Гербъ Фридриха II на Виртембергскихъ орудіяхъ.

Армія Чичагова, послѣ занятія Минска (4 ноября), приближалась къ р. Березинѣ, гдѣ въ Борисовѣ у Наполеона имѣлась укрѣпленная переправа съ гарнизономъ для ея обороны. Авангардъ арміи Чичагова, подъ начальствомъ смѣлаго графа Ламберта, атаковалъ 9 ноября Борисовскія укрѣпленія, выбилъ изъ нихъ непріятельскій гарнизонъ, овладѣлъ переправою, перешелъ черезъ р. Березину по мосту и расположился впереди занятой переправы. Графъ Ламбертъ былъ въ этомъ бою тяжело раненъ; начальствованіе авангардомъ перешло къ графу Палену (Павелъ Петровичъ, генералъ-маіоръ).

Отъ Краснаго армія Наполеона продолжала идти къ Оршѣ, чтобы тамъ перейти за Днѣпръ и идти къ Минску (о занятіи его 4 ноября Чичаговымъ Наполеонъ не имѣлъ еще

*) Этотъ жезлъ находится въ Казанскомъ соборѣ (въ С.-Петербургѣ), гдѣ онъ укрѣпленъ на одной изъ колоннъ храма.

свѣдѣній). Въ Оршу онъ прибылъ 7 ноября, куда подходили и остатки его корпусовъ, разстроенныхъ подъ Краснымъ, но успѣвшихъ все-таки пройти прямо къ Оршѣ; сюда-же подошелъ Ней, шедшій кружнымъ путемъ по правому берегу Днѣпра и приведшій въ Оршу всего лишь около 900 человѣкъ.

Изъ Орши Наполеонъ продолжалъ движеніе къ Борисову, разсчитывая на свою тамъ укрѣпленную переправу. Мостъ черезъ Днѣпръ у Орши и самый городъ были зажжены арьергардомъ арміи Наполеона. Большіе морозы смѣнились оттепелью, шель дождь; войска, принужденныя располагаться на бивакахъ, страдали отъ холодной слякоти.

Армія Кутузова нѣсколько ослабила свое преслѣдованіе, вслѣдствіе затрудненій въ переправѣ черезъ Днѣпръ. Только казаки Платова, шедшіе отъ самаго Смоленска по правому берегу Днѣпра, да партизанскіе отряды Давыдова и Сеславина тревожили его сзади и съ фланговъ. Сформированный подъ Краснымъ отрядъ Ермолова, долженствовавшій идти въ авангардѣ арміи Кутузова, съ большимъ трудомъ переправился черезъ р. Днѣпръ, не доходя Орши (у Дубровны), и уже кружнымъ путемъ вышелъ къ этому городу и отсюда на путь отступленія Наполеона. Милорадовичъ былъ направленъ къ Копысу (на Днѣпрѣ, ниже Орши), гдѣ долженъ былъ устроить переправу для всей арміи Кутузова; за нимъ слѣдовала и армія.

Подойдя 10 ноября къ Бобру (въ двухъ переходахъ отъ Борисова), Наполеонъ получилъ тяжелую вѣсть о занятіи Чичаговымъ Борисовской переправы черезъ Березину. Но здѣсь-же къ его арміи присоединился корпусъ Удино, который по его приказанію подошелъ сюда съ сѣвера— изъ Череи.

Положеніе Наполеона становилось критическимъ. Сзади и съ фланговъ насѣдали казаки и партизаны, за которыми уступомъ слѣва шла армія фельдмаршала Кутузова (о значительномъ удаленіи ея въ это время Наполеонъ не зналъ). Съ сѣвера угрожалъ отрядъ Витгенштейна, который въ это время состоялъ уже изъ нѣсколькихъ корпусовъ и къ которому съ востока подходилъ конный отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова. Съ запада подошла армія Чичагова и стала на р. Березинѣ. Такимъ образомъ, Наполеону угрожало полное окруженіе при подходѣ къ переправамъ черезъ Березину, при чемъ самая надежная, постоянная и укрѣпленная переправа черезъ эту рѣку на пути его отступленія находилась уже въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ подвижныя средства для устройства новой переправы (понтонные парки), которыми армія Наполеона была богато обезпечена въ первый періодъ кампаніи, были уже уничтожены: понтоны были сожжены — частью еще при оставленіи Москвы, а остальные при выступленіи изъ Орши.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году“.
Оберъ-офицеръ Гродненскаго гусарскаго полка.
Изъ Музея 1812 года.

По полученіи извѣстія о занятіи нашими войсками Борисовской переправы, Наполеонъ 11 ноября приказалъ принести къ себѣ орлы (знамена) всѣхъ полковъ и сжечь ихъ. *(См. картину № 42).* Резервная кавалерія „Большой арміи“, въ которой оставалось всего 150 человѣкъ, была усилена вновь сформированнымъ „священнымъ эскадрономъ“; его составили изъ 150 кавалерійскихъ офицеровъ, у которыхъ еще сохранились лошади; бригадные генералы командовали въ немъ взводами. Корпусъ Даву еще въ Оршѣ былъ переформированъ въ три батальона, корпусъ вице-короля въ два батальона, а корпусъ Жюно по прибытіи въ Бобръ былъ сведенъ въ одинъ батальонъ.

Ужасный видъ представляла тогда армія Наполеона. Едва прикрытые обрывками разнообразной одежды, дамскихъ салоповъ, священническихъ ризъ, ковровъ и рогожъ, съ усиліемъ тащили солдаты свои ноги, обернутыя кожей, полотномъ и войлокомъ. Блѣдныя исхудалыя лица обросли бородою, волосы на головѣ давно не стрижены и сбились въ войлокъ. Многіе офицеры и даже генералы шли на ряду съ безоружными солдатами, не обращавшими на нихъ никакого вниманія; дисциплина исчезла. Только войска корпусовъ Удино и Виктора, не участвовавшія въ бѣдственномъ отступленіи отъ Москвы, представляли контрастъ этому жалкому виду. Это были настоящія войска (съ артиллеріей и кавалеріей).

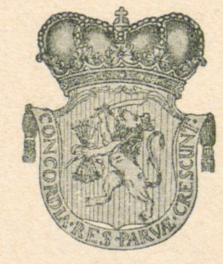
Несмотря на критическое положеніе, въ которомъ находился Наполеонъ, подходя къ Березинѣ, судьбѣ угодно было предотвратить полную катастрофу, которая ему здѣсь готовилась.

9 ноября, какъ уже было сказано, авангардъ арміи Чичагова овладѣлъ Борисовскою переправою. На слѣдующій день главныя силы Чичагова подошли къ ней, перешли Березину и расположились впереди нея. Авангардъ арміи, подъ начальствомъ Палена, выдвинулся на переходъ впередъ къ Лошницѣ, гдѣ 11 ноября встрѣтился съ превосходными въ числѣ непріятельскими силами; это былъ авангардъ корпуса Удино, высланный имъ въ направленіи Борисова. Нашъ авангардъ былъ опрокинутъ и въ разстройствѣ отступилъ къ Борисову. Войска наши, стоявшія впереди этого города, были поспѣшно подняты и въ суматохѣ переведены назадъ за р. Березину (нѣкоторыя части не успѣли переправиться по мосту и принуждены были искать бродовъ; найдя ихъ выше Борисова, они перешли рѣку въ бродъ). Борисовскій мостъ мы сожгли, при отступленіи за Березину.

Это дѣло очень благопріятствовало Наполеону и нѣсколько подняло совершенно упавшій духъ его войскъ. Онъ приказалъ Удино отыскать наиболѣе удобное мѣсто для переправы черезъ Березину. Оно было

выбрано у с. Студянки (или Студенки), въ 16 верстахъ выше Борисова; здѣсь скрытно стали строить два моста на козлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ принятъ рядъ искусныхъ мѣръ, чтобы скрыть отъ насъ устройство переправы у Студянки и ввести насъ въ заблужденіе, будто бы армія Наполеона готовится перейти Березину ниже Борисова. Уловки эти удались: и Чичаговъ, и Витгенштейнъ были введены въ заблужденіе и дали своимъ войскамъ ложное направленіе, чѣмъ и воспользовался непріятель.

Въ то время, какъ армія Наполеона 13 ноября потянулась отъ Борисова вверхъ по Березинѣ къ Студянкѣ (см. карту-схему № 8), армія Чичагова пошла отъ Борисова внизъ по Березинѣ. Такимъ образомъ Наполеону открывались двери изъ ловушки, которая для него готовилась. Въ довершеніе этой удачи, кольцо, которымъ стремились охватить Наполеона, въ критическіе для него дни 12—17 ноября не особенно сжималось. Съ одной стороны, фельдмаршалъ задержался на переправѣ черезъ Днѣпръ и былъ далеко отъ Березины; съ другой, Витгенштейнъ пошелъ за Викторомъ, что удалило его отъ Студянки въ нужный для Наполеона моментъ. Словомъ, фортуна снова улыбнулась Наполеону. И ему-ли не съумѣть воспользоваться благопріятнымъ моментомъ! Онъ проскочилъ къ Студянкѣ и въ теченіе трехъ дней (14—16 ноября) переправилъ здѣсь остатки своей арміи за Березину. Правда, какъ увидимъ далѣе, отъ Березины ушла лишь горсточка людей бывшей „Большой арміи“ Наполеона, но въ составѣ ея были: самъ Наполеонъ, всѣ его маршалы, много генераловъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, словомъ тотъ кадръ, который далъ геніальному полководцу возможность черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (весною 1813 года) выставить въ Германіи новую армію и вести войны 1813 и 1814 годовъ съ арміями европейской коалиціи.

Гербъ на Голландскихъ пушкахъ.

Переправою арміи черезъ Березину у Студянки руководилъ самъ Наполеонъ.

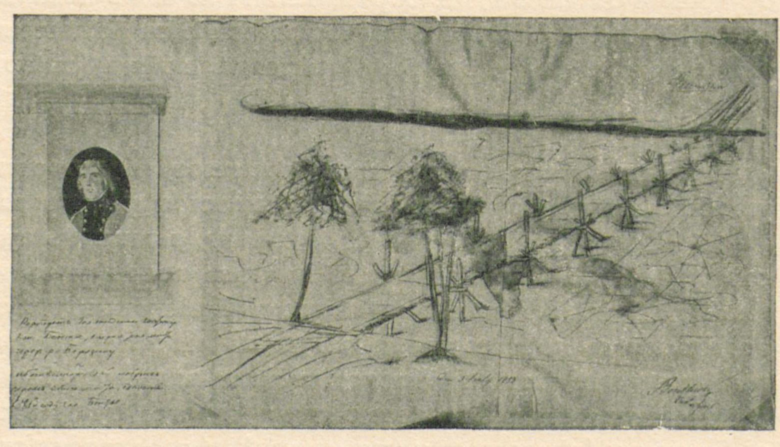
Было устроено два моста, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, изъ подручнаго матеріала. Устройство переправы облегчалось наступившими морозами (доходили до 20 градусовъ); въ теплое время переправа здѣсь была-бы очень затруднена болотистымъ характеромъ береговъ р. Березины, но морозъ сковалъ болотистую почву и сдѣлалъ ее проходимою для войскъ. Однако сильная стужа, замерзаніе рѣки и ледоходъ по ней затрудняли постройку мостовъ; понтонерамъ приходилось работать по поясъ въ водѣ, что при указанныхъ условіяхъ погоды было ужасно; но присутствіе Наполеона подбодривало людей и подвигало ихъ на самопожертвованіе. Мосты вышли однако узкими и недостаточно прочными; они нѣсколько разъ ломались.

Въ первый день переправы, 14 ноября, у насъ на правомъ берегу Березины противъ Студянки былъ очень слабый отрядъ, скорѣе наблюдательнаго, нежели оборонительнаго значенія, т. к. здѣсь переправа арміи Наполеона не ожидалась и Чичаговъ ушелъ внизъ отъ Борисова; на лѣвомъ-же берегу Березины отъ Борисова до Студянки у насъ не было никакихъ войскъ (Витгенштейнъ былъ далеко). По занятіи Студянки и устройствѣ здѣсь мостовъ, безпрепятственно со стороны нашихъ войскъ, армія Наполеона начала переправу 14 ноября. Первымъ перешелъ корпусъ Удино и, повернувъ налѣво, оттѣснилъ нашъ слабый отрядъ къ югу — въ направленіи Борисова.

Мы ударили на переправлявшіяся войска лишь на второй день переправы, 15 ноября, и то только на одномъ берегу Березины — лѣвомъ. Витгенштейнъ, выйдя къ Борисову, окружилъ и атаковалъ арьергардную дивизію корпуса Виктора, а именно дивизію Партуно, и принудилъ ее положить оружіе и сдаться (сдалось около 5.000 человѣкъ, съ 5 генералами и 240 офицерами). Чичаговъ только въ этотъ день (15 ноября) къ вечеру успѣлъ возвратиться изъ предпринятаго имъ движенія внизъ по Березинѣ и подойти къ мѣсту, гдѣ переправлялась непріятельская армія; но въ этотъ день онъ не атаковалъ. У Борисова, по его приказанію, былъ наведенъ понтонный мостъ для переправы на правый берегъ Березины подходившаго Платова и слѣдовавшаго за нимъ Ермолова. Кутузовъ 15 ноября находился съ главными силами еще въ 100 верстахъ отъ Студянки, но Милорадовича онъ выслалъ вслѣдъ за Ермоловымъ.

Между тѣмъ Наполеонъ въ теченіе 14 и 15 ноября успѣлъ переправить на правую сторону Березины большую часть своей арміи. 16 утромъ на лѣвомъ ея берегу у Студянки оставались главнымъ образомъ многочисленныя толпы вышедшихъ изъ строя безоружныхъ, а также значительные обозы. Для прикрытія этого хвоста и, главнымъ образомъ, для принятія ожидавшейся отъ Борисова дивизіи Партуно (Наполеонъ еще не зналъ о сдачѣ ея Витгенштейну), у Студянки оставался корпусъ Виктора (одну изъ дивизій этого корпуса, которая была уже переведена на правый берегъ Березины, онъ въ ночь на 16 возвратилъ обратно въ Студянку).

16 ноября (третій день переправы) мы атаковали непріятеля на обоихъ берегахъ Березины.

Одинъ изъ мостовъ черезъ р. Березину, по которому переправлялась армія Наполеона 15—16 ноября 1812 года.

Съ гравюры Музея 1812 года.

Набросокъ голландскаго инженера, строившаго мостъ; тутъ-же его портретъ.

На правомъ берегу атаковали войска Чичагова; здѣсь-же находился и Платовъ съ своими казаками; сюда-же подошелъ Ермоловъ. Непріятель развернулъ значительныя силы (до 17.000), при которыхъ находился самъ Наполеонъ. Бой шелъ съ утра до 11 часовъ ночи и не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Непріятель потерялъ около 5.000, мы около 2.000.

На лѣвомъ берегу войска Витгенштейна атаковали Виктора, боевыя силы котораго были около 7.000 человѣкъ. Огонь нашей артиллеріи, направленный на многочисленный обозъ, прикрывавшійся войсками Виктора, произвелъ въ немъ страшный переполохъ; все бросилось къ мостамъ и началась ужаснѣйшая суматоха; при этомъ многіе оказались задавленными, сброшенными въ воду и потонувшими. Бой тянулся до поздняго вечера и причинилъ обѣимъ сторонамъ значительныя потери, но и здѣсь не привелъ къ рѣшительнымъ результатамъ.—*(См. картину № 43)*.

Изъ серіи акварелей генерала Крузе „Русскія войска въ 1812 году".

Оберъ-офицеръ Л.-Гв. Драгунскаго полка.

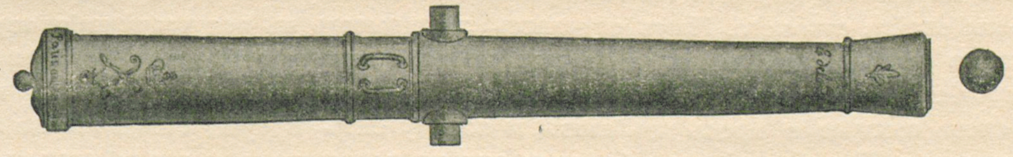
Изъ Музея 1812 года.

Недостаточная активность нашихъ дѣйствій въ бояхъ на Березинѣ продолжалась и послѣ 16 ноября. Когда бои этого дня сами собою замерли, Чичаговъ и Витгенштейнъ рѣшили оставаться и на слѣдующій день въ занятомъ ими положеніи.

Въ ночь на 17 ноября Викторъ переправилъ свои войска на правый берегъ Березины и приказалъ зажечь мосты. Они были зажжены въ 7 час. утра. На лѣвомъ берегу остались многочисленные обозы непріятеля, много голодныхъ, оборванныхъ людей.

Вскорѣ подошли сюда наши войска (передовыя части Витгенштейна) и имъ представилась слѣдующая картина. Пространство болѣе квадратной версты было сплошь заставлено всевозможными повозками, фургонами и экипажами, преимущественно съ награбленной въ Москвѣ добычей. Въ толпѣ, окружавшей эти обозы, раздавался общій вопль отчаянія. Одни пытались спастись черезъ пылающіе мосты; другіе бросились на ледъ, скопившійся между мостами, но онъ не выдержалъ тяжести и раздался подъ ихъ ногами; наконецъ нѣкоторые пробовали перебраться вплавь. Но лишь немногимъ удалось спастись—большинство погибло или было взято въ плѣнъ.

17 ноября съ ранняго утра остатки арміи Наполеона съ береговъ Березины потянулись къ Вильнѣ. Остатки эти не превышали 9.000 человѣкъ. Такъ какъ къ Березинѣ подошло около 35.000 (считая съ прибывшими отъ Череи корпусами Удино и Виктора), то во время переправы черезъ эту рѣку Наполеонъ потерялъ около 25.000, частью плѣнными, частью убитыми и ранеными, частью погибшими въ рѣкѣ. Въ числѣ 9.000, ушедшихъ далѣе, были: самъ Наполеонъ, всѣ его маршалы, много генераловъ и офицеровъ (въ общемъ около 2.500 чел. офицерскаго состава).

Австрійская 6-ти фунтовая пушка. Лежитъ у Московскаго арсенала.

IX.

Конецъ войны.

(Отъ Березины до Нѣмана).

„И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить.
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли-же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья —
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ-бы живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги“.

(Изъ стихотворенія Дельвига „Отставной солдатъ“. Это разсказываетъ солдатъ, участникъ Отечественной войны, раненый на пути преслѣдованія непріятеля къ Вильнѣ и переданный затѣмъ въ Виленскій госпиталь на леченіе. Теперь, весною 1814 года, онъ возвращается изъ Вильны на родину въ Курскую губернію и на пути, въ полѣ у костра пастуховъ, ведетъ свой разсказъ).

Остатки переправившейся черезъ Березину арміи Наполеона съ утра 17 ноября пошли кратчайшимъ путемъ на Вильну (см. карту № 9). Вслѣдъ по той-же дорогѣ двинулся авангардъ арміи Чичагова, подъ командою Чаплица; за нимъ на слѣдующій день тронулась и вся эта армія. Витгенштейнъ пошелъ правѣе этого пути; Платовъ лѣвѣе; за нимъ въ нѣсколькихъ переходахъ Милорадовичъ. Партизаны Сеславинъ и Давыдовъ направлены въ стороны для овладѣнія краемъ и захвата непріятельскихъ складовъ. Кутузовъ съ главными силами шелъ позади и лѣвѣе Милорадовича.

Были большіе морозы (до 27 градусовъ). Остатки арміи Наполеона не шли, а бѣжали. Съ перваго же дня начали они терять людей, лошадей, орудія и знамена отъ безпрестанныхъ налетовъ нашей конницы, отъ голода, холода и истощенія. Исчезла разница между войсками, прибывшими изъ Москвы и корпусами Удино и Виктора; почти никто не оставался въ рядахъ, никто не отдавалъ приказаній; всѣ роды оружія, всѣ части войскъ смѣшались въ безпорядочную толпу. Люди, тащившіеся пѣшкомъ, подвергались опасности быть раздавленными колесами орудій и повозокъ; ѣздовые и обозные думали лишь объ одномъ — уйти поскорѣе, а потому не обращали никакого вниманія на шедшихъ пѣшкомъ раненыхъ и истощенныхъ людей — сбивали ихъ съ ногъ и переѣзжали. Много людей и повозокъ, толпившихся на узкихъ мостахъ и гатяхъ дороги, пролегавшей черезъ болота, сбрасывались во рвы и болота, гдѣ и тонули въ грязи, еще недостаточно скованной морозомъ. Люди и лошади падали, ружья и патроны бросались. Въ шедшей толпѣ нельзя было узнать войска; тысячи нищихъ, окутанныхъ грязными рубищами, едва тащили ноги, обернутые шерстяными одѣялами или мѣхомъ, обвязанные бичевой или лыкомъ; у каждаго были отморожены либо уши, либо руки, либо ноги.

Михайловскій-Данилевскій въ своемъ „Описаніи Отечественной войны“ разсказываетъ, какъ очевидецъ, слѣдующее: „Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ дома, клѣти, хлѣва, заборы, для того только, чтобы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Намъ случалось заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: посерединѣ обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились; прочіе въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ выступала кровь изъ глазъ, и потому безъ преувеличенія можно сказать, что враги проливали кровавыя слезы. Подобно тѣнямъ, бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на деревья или сучья, шатались они на ногахъ; лишенные всякихъ пособій къ облегченію страданій, въ тщетной борьбѣ съ смертью, падали безъ чувствъ, на безлюдныхъ снѣжныхъ поляхъ. Съ отмороженными по колѣни ногами, окутанные въ отвратительныя вѣтошки, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, дикими глазами, иные не могли ходить и ползали на рукахъ. Многіе приходили въ безчувственность, лишались слуха, языка и ума; какъ шальные, выпуча глаза, смотрѣли на наши войска и ничего не понимали. Въ безпамятствѣ ложились на горячіе угли и погибали въ огнѣ, грызя себѣ руки, пожирая стерво *) и человѣческое мясо“.

Не легко было и нашимъ войскамъ: и они голодали временами, и ихъ донимали морозы и утомляли безостановочные переходы, хотя конечно они находились въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ, нежели непріятель. Однако, вотъ въ какомъ состояніи находились войска авангарда Чаплица, молодецки неотступно преслѣдовавшаго непріятеля: „артиллерійскія лошади едва передвигали ноги; онѣ похожи были на англизированныхъ, потому что отъ голода отъѣдали одна у другой хвосты; подъ пушками оставалось по двѣ лошади, подъ зарядными ящиками по одной“ **).

---

*) Падаль.
**) Михайловскій-Данилевскій, „Описаніе Отечественной войны“.

23 ноября, находясь въ Сморгони, Наполеонъ покинулъ свою армію и черезъ Вильну и Варшаву направился въ Парижъ. До русской границы онъ ѣхалъ во всю прыть лошадей и 26-го ноября рано утромъ (день нашего Георгіевскаго праздника) у Ковны выѣхалъ за предѣлы Россіи. Командованіе арміей онъ передалъ Мюрату.

НАПОЛЕОНЪ ПОКИДАЕТЪ АРМІЮ.

Съ картины І. Розена.

23 ноября въ Сморгони (за 100 верстъ до Вильны) Наполеонъ покинулъ армію и уѣхалъ въ Парижъ. Онъ сѣлъ въ карету съ Коленкуромъ (бывшій посолъ въ Россіи, находившійся при Наполеонѣ въ кампанію 1812 года); на козлы сѣли капитанъ польскихъ гвардейскихъ уланъ Вонсовичъ и мамелюкъ Рустанъ; въ саняхъ за каретою ѣхали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ-адъютантъ Мутонъ (графъ Лобау). Наполеона конвоировала отъ станціи до станціи кавалерія, небольшими отрядами разставленная по пути къ Вильнѣ. О своемъ отъѣздѣ изъ арміи онъ приказалъ объявить не прежде какъ черезъ 5 или 6 дней. На картинѣ виденъ Наполеонъ, прощающійся съ своими маршалами и собирающійся сѣсть въ карету.

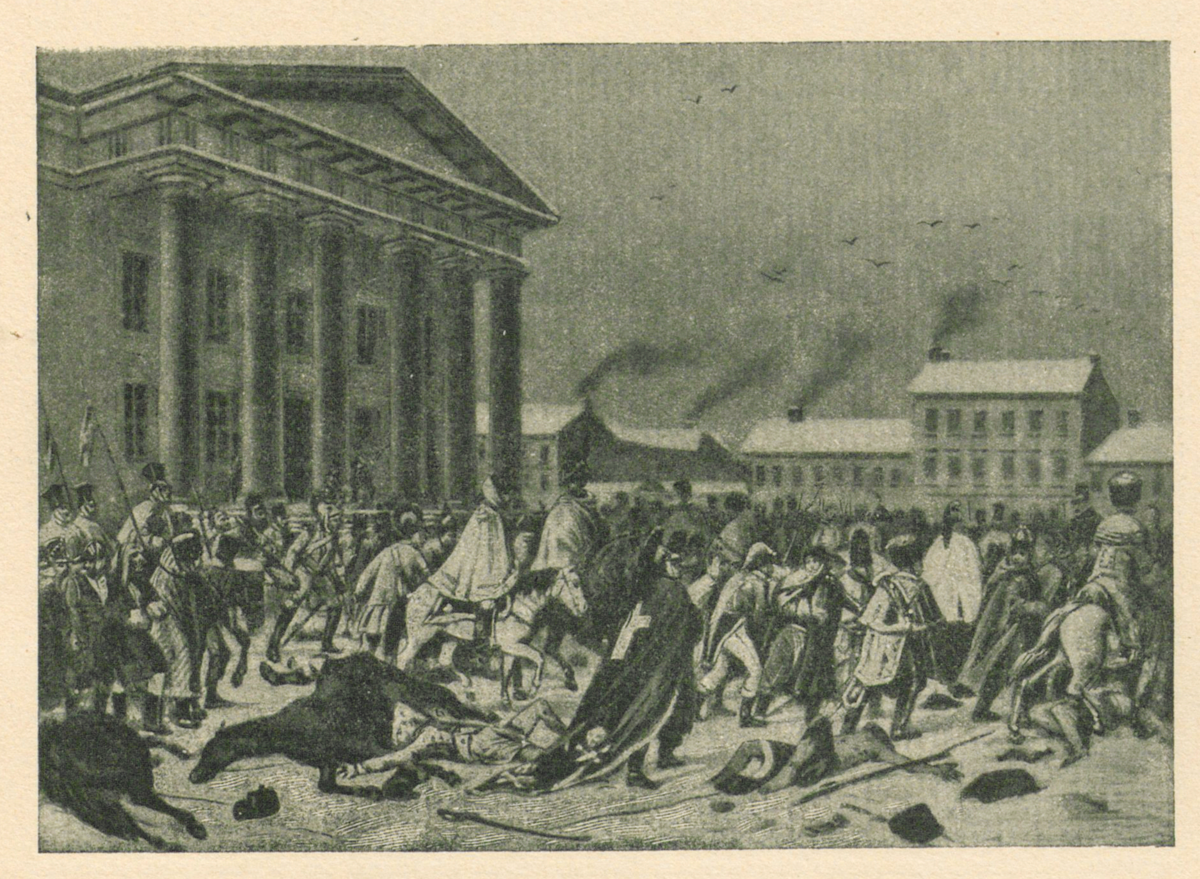
БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗЪ РОССІИ ВЪ 1812 ГОДУ.

Съ картины Я. Хмельницкаго.

Покинувъ свою армію 23 ноября въ Сморгони, Наполеонъ прибылъ на слѣдующій день въ Вильну, но въ нее не въѣзжалъ, а объѣхалъ ее кругомъ и во всю прыть понесся къ Ковнѣ. Сюда онъ прибылъ утромъ 26 ноября и въ этотъ день нашего Георгіевскаго праздника переѣхалъ обратно русскую границу. За Ковною, а именно въ Вильковишкахъ (теперь этотъ пунктъ принадлежитъ Россіи и находится недалеко отъ Вержболова) онъ пересѣлъ въ сани. Картина изображаетъ Наполеона, ѣдущаго въ саняхъ вмѣстѣ съ Коленкуромъ.

27 ноября жалкіе остатки арміи Наполеона, всего лишь 4.300 человѣкъ, достигли Вильны (отъ Березины до Вильны около 200 верстъ; это разстояніе пройдено въ 11 дней). На слѣдующій день сюда подошли и русскія войска, оттѣснили непріятеля и заняли городъ. Непріятель направился къ Ковнѣ, но и отсюда 3 дека-

бря былъ вытѣсненъ Платовымъ и прогнанъ за предѣлы нашего отечества. Непріятель покинулъ здѣсь русскую землю всего лишь въ числѣ 1000 вооруженныхъ солдатъ (400 человѣкъ старой гвардіи и 600 ч. гвардейской кавалеріи) съ 9 орудіями и около 20.000 ч. безоружныхъ. Вотъ, что осталось отъ „Большой арміи" Наполеона, въ іюнѣ мѣсяцѣ вторгнувшейся здѣсь-же въ государство Россійское въ числѣ около 380.000 человѣкъ и болѣе 800 орудій (не считая корпусовъ на боковыхъ театрахъ, а также подкрѣпленій, прибывшихъ во время войны). Въ настоящее время въ Московскомъ Кремлѣ, у стѣнъ арсенала, лежитъ 875 орудій, принадлежавшихъ этой арміи и потерянныхъ ею въ Россіи, частью въ бояхъ, частью брошенныхъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ похода. *(См. картину № 44).*

Отступленіе остатковъ арміи Наполеона черезъ г. Вильну въ 1812 году.
Съ старинной гравюры.

11 декабря изъ С.-Петербурга въ Вильну прибылъ Государь. Кутузову былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 1 степени.

Съ уходомъ за границу, у Ковны, остатковъ главной части „Большой арміи" Наполеона, дѣйствовавшей на главномъ театрѣ войны, оставалось на боковыхъ театрахъ еще нѣсколько корпусовъ, а именно: у Бреста Литовскаго австрійскій и саксонскій подъ начальствомъ Шварценберга и у Риги прусско-французскій корпусъ подъ начальствомъ Макдональда. Всѣ они отступили за границу, и въ половинѣ декабря 1812 года ни одного вооруженнаго воина не оставалось болѣе въ Русскомъ Государствѣ.

25 декабря 1812 года, въ день Рождества Христова, Высочайшимъ манифестомъ было возвѣщено о благополучномъ окончаніи Отечественной войны. Въ этомъ манифестѣ сказано: „Объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? — мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки".

„Бѣгство Наполеона за Нѣманъ въ 1812 году".
Изъ серіи медалей, выбитыхъ въ 1815 г по композиціи графа Ѳеодора Толстого, въ память важнѣйшихъ событій Отечественной войны 1812 года и послѣдующихъ войнъ съ Наполеономъ.
Снимокъ съ медали, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

Обѣтъ Государя, данный имъ въ день вторженія грозныхъ полчищъ Наполеона въ Россію, исполненъ и Отечественная война закончилась. *(См. картины за №№ 45 и 46).*

Закончимъ и мы нашъ краткій „Очеркъ войны“ слѣдующимъ звучнымъ стихомъ о двухъ великанахъ, помѣрившихся силою въ 1812 году:

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

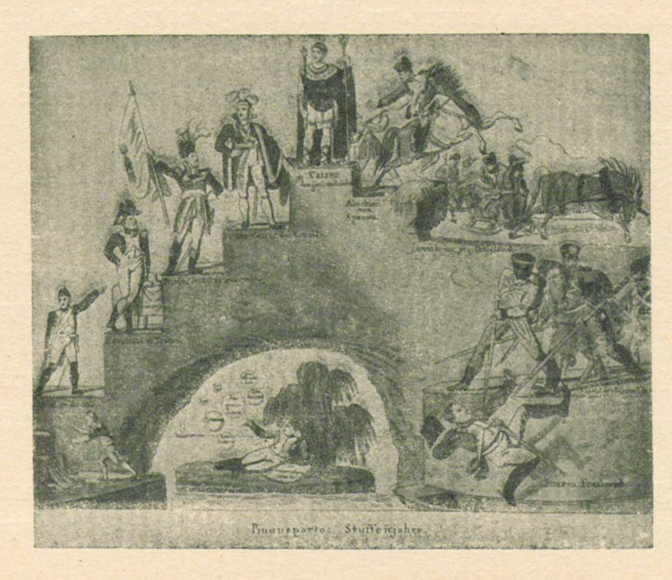
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

(Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова „Два великана“: Александръ I и Наполеонъ).

Нѣмецкая карикатура, современная эпохѣ низложенія Наполеона, изданія 1816 года.

Снимокъ съ экземпляра, имѣющагося въ Музеѣ 1812 г.

Карикатура эта, въ переводѣ нѣмецкихъ подписей на русскій языкъ, изображаетъ „Карьеру Бонапарта“. На лѣвой сторонѣ подъемъ по слѣдующимъ ступенямъ: 1) ученикъ въ Бріеннѣ, 2) поручикъ въ Тулонѣ, 3) гражданинъ-генералъ у Арколе, 4) первый консулъ республики и 5) императоръ великой монархіи. На правой сторонѣ по ступенькамъ внизъ: 1) отъѣздъ изъ Испаніи, 2) возвращеніе изъ Россіи, 3) бѣгство изъ Германіи и 4) низверженіе во Франціи. Въ концѣ концовъ — островъ св. Елены съ латинскимъ изреченіемъ „Sic transit gloria mundi“ (такъ проходитъ слава міра сего).

Скажемъ еще два слова о трофеяхъ Отечественной войны.

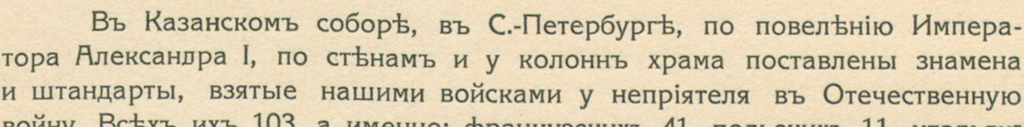

„Первый шагъ Александра I за предѣлы Россіи въ 1813 году“.

Изъ серіи медалей, выбитыхъ въ 1815 г. по композиціи графа Ѳеодора Толстого, въ память важнѣйшихъ событій Отечественной войны 1812 года и послѣдующихъ войнъ съ Наполеономъ.

Снимокъ съ медали, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

Въ Казанскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ, по повелѣнію Императора Александра I, по стѣнамъ и у колоннъ храма поставлены знамена и штандарты, взятые нашими войсками у непріятеля въ Отечественную

войну. Всѣхъ ихъ 103, а именно: французскихъ 41, польскихъ 11, итальянскихъ 4 и нѣмецкихъ 47 (въ числѣ ихъ прусскія, баварскія, саксонскія, вестфальскія).

Тамъ-же, на одной изъ колоннъ,—жезлъ маршала Даву, захваченный нашими войсками въ непріятельскомъ обозѣ въ бою 5 ноября у Краснаго

Тамъ-же главный иконостасъ покрытъ серебромъ, часть котораго доставлена фельдмаршаломъ Кутузовымъ какъ даръ Донскихъ казаковъ; поэтому на иконостасѣ имѣется надпись „Усердное приношеніе Донскаго войска“. Серебро это, въ слиткахъ, отбито было у непріятеля въ Отечественную войну; оно было похищено непріятельскими войсками изъ храмовъ (оклады иконъ, церковные сосуды) и обращено въ слитки. Препровождая это серебро (вѣсомъ 38 пудовъ, да золота около 15 фунтовъ) въ декабрѣ мѣсяцѣ 1812 года С.-Петербургскому митрополиту Амвросію, Кутузовъ писалъ, что „казаки возвращаютъ Богу похищенное изъ храмовъ Его сокровище“.

Попона, на которой генералъ П. П. Коновницынъ, по преданію, въѣзжалъ въ Парижъ въ 1814 году.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Въ Московскомъ Кремлѣ, у арсенала лежитъ 875 непріятельскихъ орудій, отбитыхъ нами у „Большой арміи“ Наполеона. Лежатъ только тѣла орудій, которыя только и доставлялись въ Москву по отбитіи ихъ у непріятеля или по розыскѣ зарытыми непріятелемъ въ землю. Лафеты не доставлялись; они были частью попорчены въ бояхъ и на походѣ, частью умышленно уничтожены (передъ зарываніемъ тѣла орудія въ землю).

Распоряженіе о доставленіи въ Москву всѣхъ захваченныхъ непріятельскихъ орудій, о розыскѣ ихъ въ мѣстахъ, по которымъ проходили непріятельскія войска при бѣдственномъ ихъ отступленіи, и о доставленіи ихъ затѣмъ въ Москву — послѣдовало въ ноябрѣ 1812 года; тогда-же было приступлено къ этому дѣлу, но закончено оно было лишь въ 1819 году, когда были доставлены послѣднія найденныя пушки.

Въ числѣ 875 захваченныхъ нами орудій арміи Наполеона, имѣются: французскія, австрійскія, прусскія, польскія, саксонскія, баварскія, итальянскія, неаполитанскія, ганноверскія, испанскія, виртембергскія, баденскія и голландскія *).

Въ юбилейные дни Двѣнадцатаго года мы, потомки героевъ его, имѣемъ полное право съ гордостью вспоминать великія событія этого года. По древнему русскому обычаю, скажемъ славу героямъ:

Императору Александру I слава! Вождямъ Россійской арміи Двѣнадцатаго года слава! Доблестному русскому воинству слава! Великому русскому народу слава!

Въ Двѣнадцатомъ году Россія вышла побѣдительницею изъ тяжелой борьбы, одушевленная завѣтомъ „За Вѣру, Царя и Отечество". Будемъ-же сильны и впредь этимъ завѣтомъ!

„Покореніе Парижа въ 1814 году".

Изъ серіи медалей, выбитыхъ въ 1815 г. по композиціи графа Ѳеодора Толстого, въ память важнѣйшихъ событій Отечественной войны 1812 года и послѣдующихъ войнъ съ Наполеономъ.

Снимокъ съ медали, имѣющейся въ Музеѣ 1812 года.

*) Свѣдѣнія объ орудіяхъ взяты изъ книги „Орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году", составленной по порученію Высочайше утвержденнаго Особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года членомъ его, артиллеріи генералъ-маіоромъ В. А. Петровымъ. 1911. Москва. Всѣ гербы и монограммы, разсѣянные въ нашемъ очеркѣ, заимствованы изъ этой-же книги.

ТИП. „ГЕРОЛЬДЪ" 7 РОТА 26

За вѣру Царя и Отечество.

Отечественная война 1812 года въ картинахъ

И. Мацкевичъ. Портретъ Его Величества Государя Императора Николая II
1. Крюгеръ. Портретъ Императора Александра I[го]. 2. В.В. Верещагинъ. Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ. 3. Красовскій. Дѣло казаковъ Платова у Мира 28го іюня 1812 г. 4. Гессъ. Сраженіе при Клястицахъ. 5. Гессъ. Сраженіе у Краснаго 2го августа 1812 г. 6. Гессъ. Сраженіе у Смоленска 5го авг. 1812 г. 7. Гессъ. Сраженіе у Валутина. 8. Галлер. Щукина. Бѣгство населенія изъ г. Смоленска въ день сраженія 5го августа 1812. 9. В.В. Верещагинъ. Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ. 10. Гессъ. Сраженіе при Бородинѣ. 11. Коцебу. Сраженіе при Бородинѣ. 12. Dezarno. Сраженіе при Бородинѣ. 13. В.В. Верещагинъ. Конецъ Бородинской битвы. 14. Матвѣевъ. Вдова Тучкова на Бородинскомъ полѣ. 15. А. Кившенко. Совѣтъ въ Филяхъ. 16. В.В. Верещагинъ. Наполеонъ передъ Москвой ожидающій депутацію бояръ. 17. А. Кившенко. Растопчинъ выдаетъ Верещагина. 18. В.В. Верещагинъ. Въ Кремлѣ — пожаръ. 19. В.В. Верещагинъ. Пожаръ Замоскворѣчья. 20. В.В. Верещагинъ. Сквозь пожаръ. 21. В.В. Верещагинъ. Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. 22. В.В. Верещагинъ. Поджигатели. 23. В.В. Верещагинъ. Въ Успенскомъ соборѣ. 24. В.В. Верещагинъ. Даву въ Чудовомъ монастырѣ. 25. В.В. Верещагинъ. Наполеонъ и Лористонъ. 26. Историч. музей. Видъ Московскаго арсенала взорваннаго маршаломъ Мортье, послѣ выхода арміи Наполеона изъ Москвы. 27. Доу. Бенигсенъ, Витгенштейнъ, Ермоловъ, Толь. 28. Гессъ. Сраженіе при Тарутинѣ. 29. Гессъ. Сраженіе при Полоцкѣ. 30. Гессъ. Сраженіе при Маломъ Ярославцѣ. 31. В.В. Верещагинъ. Въ Городнѣ. 32. В.В. Верещагинъ. На морозѣ. 33. Гессъ. Сраженіе при Вязьмѣ. 34. В.В. Верещагинъ. На этапѣ. Дурныя вѣсти изъ Франціи. 35. Гессъ. Сраженіе при Красномъ 5го ноября 1812 г. 36. Гессъ. Бой на Лосминѣ. 37. В.В. Верещагинъ. Атака. 38. В.В. Верещагинъ. Партизаны. 39. В.В. Верещагинъ. Съ оружіемъ въ рукахъ. 40. В.В. Верещагинъ. Отступленіе. 41. В.В. Верещагинъ. Ночной привалъ. 42. Коссакъ. „Sic transit gloria mundi" сожженіе знаменъ. 43. Гессъ. Переходъ черезъ Березину. 44. И.М. Прянишниковъ. Въ 1812 году. 45. Матвѣевъ. Прусскій король благодаритъ Москву. 46. Коллек. Щукинъ. Освященіе памятника Александру I въ С.Петербургѣ. 47. Доу. Портретъ Свѣтл. князя Голенищева-Кутузова. 48. Доу. Портретъ М.Б. Барклая де Толли. 49. Тропининъ. Портретъ князя Багратіона. 50. Доу. Портреты: Милорадовичъ, Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ.

Серія портретовъ.

Остерманъ, Толстой, Тучковъ 1ый, Тучковъ 3[ій], Тучковъ 4ый, Невѣровскій, Кульневъ, Лихачевъ, Орловъ-Денисовъ, Воронцовъ, Костенецкій, Багговутъ, Платовъ, Дороховъ, Денисовъ, Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, Ростопчинъ, Кутайсовъ, Кайсаровъ, Ожаровскій, Чичаговъ, Графъ Ламбертъ, Чаплицъ, Арнольди.

Изданіе И.С. Лапина
Худож. лит.
Парижъ

Къ „Краткому очерку Отечественной войны 1812 года“
въ альбомъ „За Вѣру, Царя и Отечество“.

КАРТЫ-СХЕМЫ.

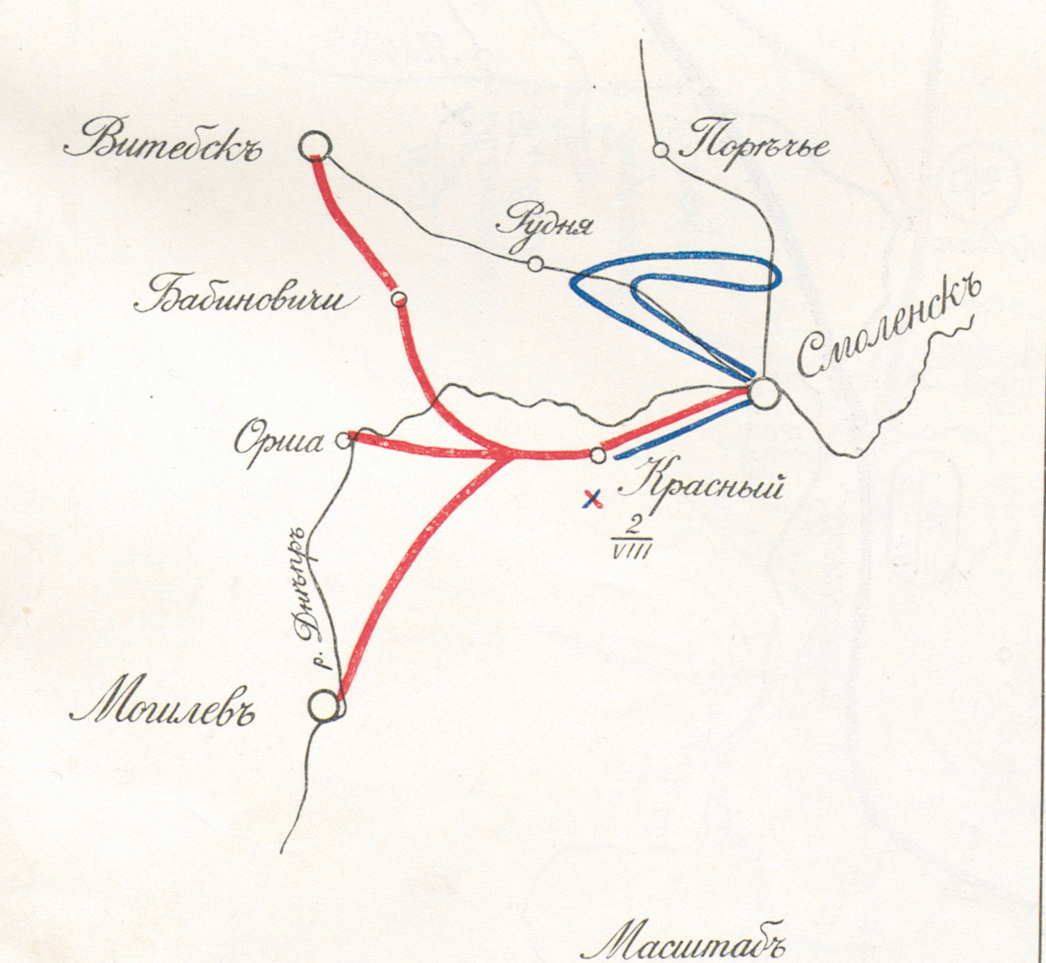
ОБЩЕЕ ПОЯСНЕНІЕ КЪ НИМЪ.

Красный цвѣтъ обозначаетъ направленіе движенія арміи Наполеона. **Синій и зеленый цвѣта** — направленія движенія нашихъ армій. **Цифры,** взятыя въ цвѣтной кружокъ, показываютъ время занятія того пункта, у котораго она поставлена, войсками соотвѣтственной арміи; напр. $\frac{16}{VI}$ значитъ 16 іюня. ✕ или ✕ означаетъ, что тутъ былъ бой. Цифра у этого знака показываетъ день боя.

Карту № 1 — см. на оборотѣ.

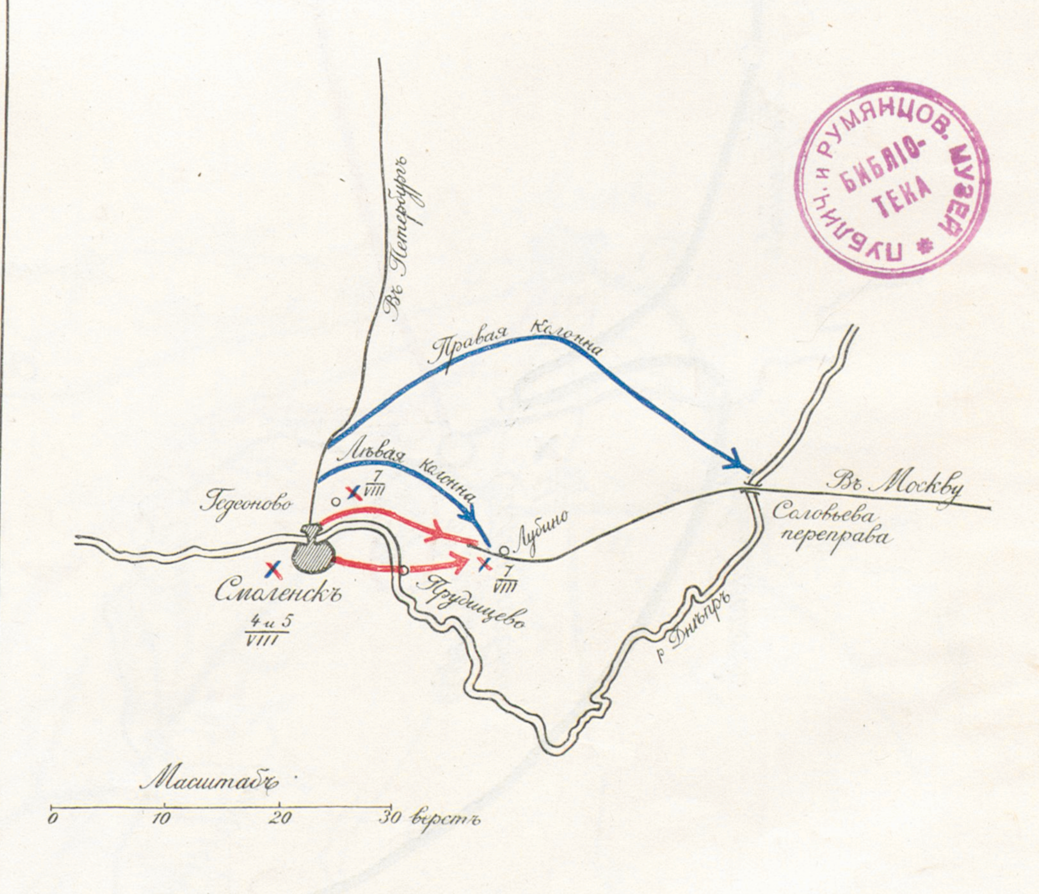
КАРТА № 2.

Къ главѣ II „Смоленскъ“. Операціи у Смоленска съ 22 іюля по 3 августа.

КАРТА № 3.

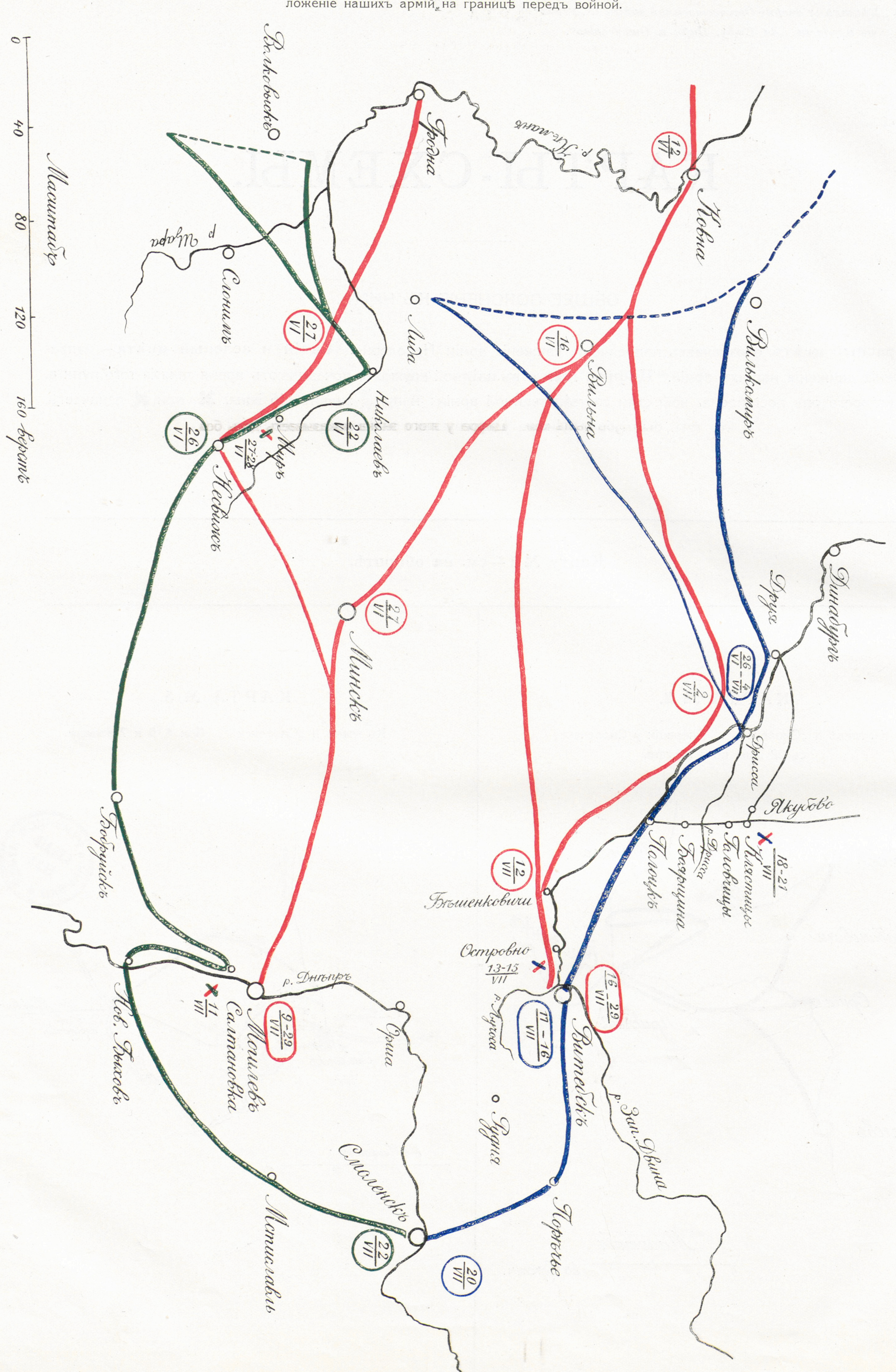
Къ главѣ II „Смоленскъ“. Бои 4, 5 и 7 августа.

КАРТА № 1.

Къ главѣ I „Начало войны“. Отъ Нѣмана до Смоленска (съ 12 іюня по 22 іюля).

Синій цвѣтъ — наша 1-я западная армія. Зеленый цвѣтъ — наша 2-я западная армія. Прерывчатая линія этихъ цвѣтовъ — расположеніе нашихъ армій на границѣ передъ войной.

КАРТА № 4.

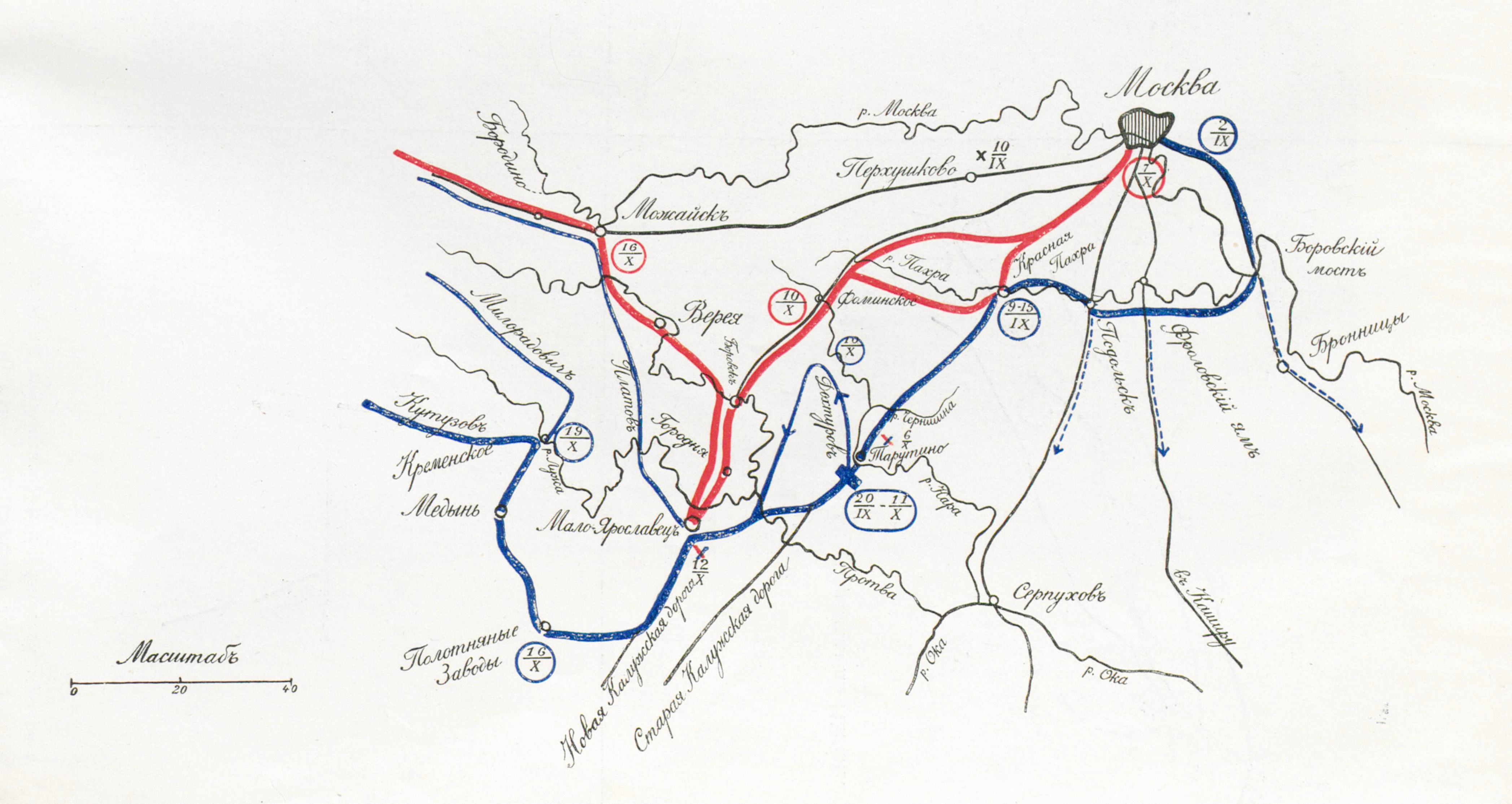
Къ главамъ: III „Бородино“ и IV „Москва“. Операціи съ 8 августа по 20 сентября.

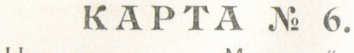
Тверь
Перхушково
Москва
2/IX
Гжатскъ
Бородино
Царево Займище
Соловьева переправа
Усвятье
Вязьма
17/VIII
24 и 26/VIII
Можайскъ
Боровскій мостъ
9-15/IX
Красная Пахра
2-7/VIII
Дорогобужъ
р. Днѣпръ
р. Уржа
Смоленскъ
Медынь
Тарутино
20/IX
Масштабъ
0 40 80 120 160 верстъ.
Калуга
Рязань

КАРТА № 5.

Къ главамъ: IV „Москва“ и VII „Отступленіе Наполеона изъ Москвы“. Операціи со 2 сентября до 19 октября.

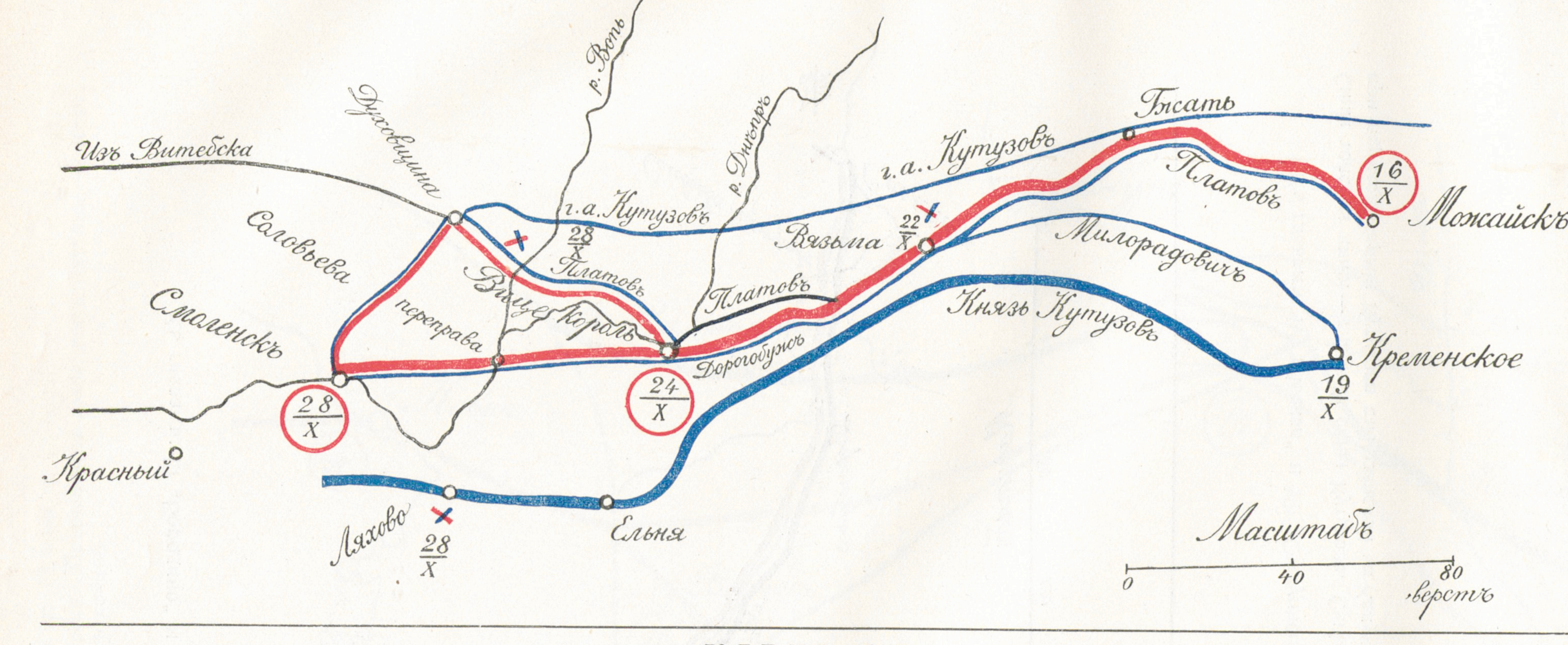
Синія толстыя линіи — главныя силы Кутузова. Синія прерывчатыя — движеніе легкихъ отрядовъ Ефремова, Харитонова и Лачинова при переходѣ арміи Кутузова съ Рязанской на Калужскую дорогу. Синія тонкія сплошныя линіи — движеніе отрядовъ арміи Кутузова послѣ 10 октября.

КАРТА № 6.

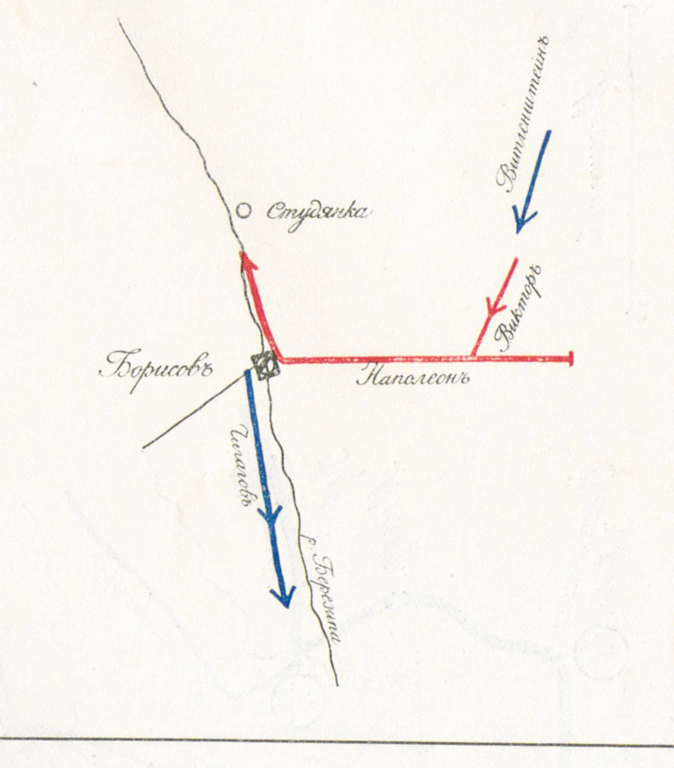
Къ главѣ VII „Отступленіе Наполеона изъ Москвы". Операціи съ 19 по 28 октября.

КАРТА № 8.

Къ главѣ VIII „Березина".

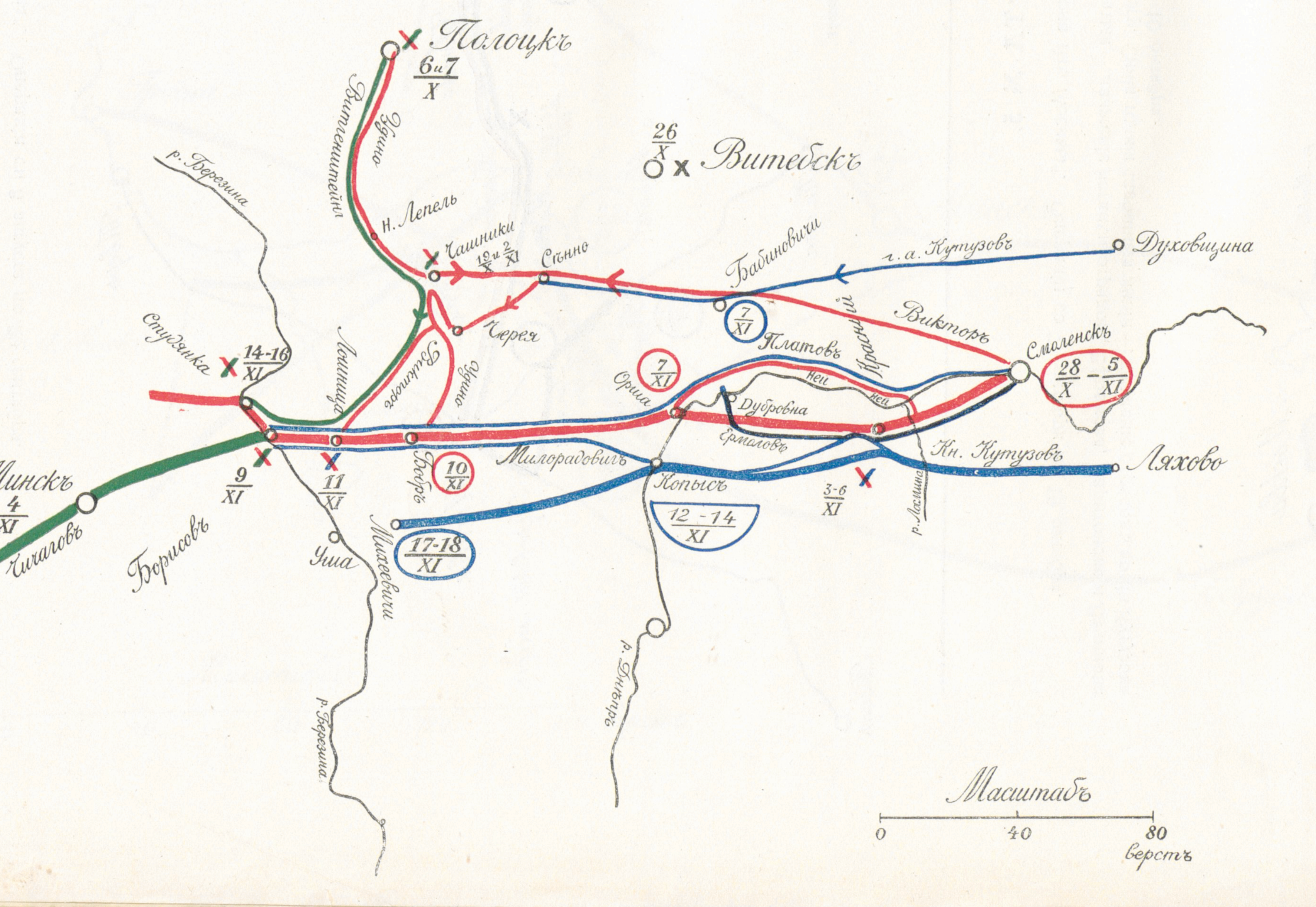
Схема положенія армій наканунѣ Березинской переправы.

КАРТА № 7.

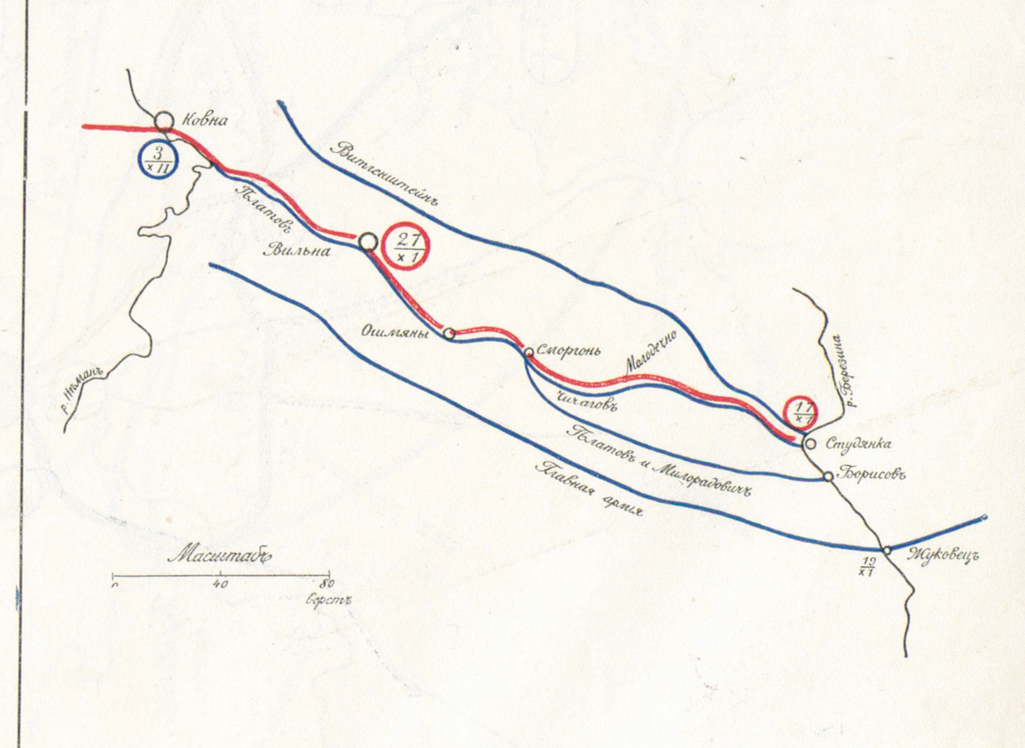
Къ главѣ VIII „Березина". Операціи съ 28 октября по 17 ноября.

Толстая синяя линія — главныя силы фельдмаршала Кутузова. Тонкія синія — авангардъ и боковые отряды его.
Зеленая толстая — армія Чичагова. Зеленая тонкая — Витгенштейнъ.

КАРТА № 9.

Къ главѣ IX „Конецъ войны". Отъ Березины до Нѣмана.

Е. И. В. Николай II. Императоръ Всероссійскій.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 1.

КРЮГЕРА.

Портретъ Императора Александра I.

Находится въ Военной галлереѣ Зимняго дворца.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

(Стихъ Вяземскаго „Къ бюсту Императора Александра I“).

Императоръ Александръ I изображенъ на своемъ боевомъ конѣ Марсѣ; вдали виденъ Парижъ. Въ 1812 году Государю было 35 лѣтъ. Его рѣшимости и твердости отечество наше прежде всего обязано тому упорству въ борьбѣ, которое оно проявило въ Отечественную войну и которое дало ему конечную побѣду надъ грознымъ врагомъ. Александръ I былъ великъ въ Отечественную войну. Еще до войны Государь предвидѣлъ, что она будетъ очень трудна и потребуетъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Прощаясь съ французскимъ посломъ Коленкуромъ, отъѣзжавшимъ въ Парижъ въ апрѣлѣ 1811 года (т. е. за годъ слишкомъ до войны), Государь сказалъ ему: „У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши; я самъ не такой полководецъ, какъ Наполеонъ; но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами... Я не хочу войны... Мой народъ такъ-же... Но если на него нападутъ, то онъ съумѣетъ постоять за себя“. Черезъ годъ, наканунѣ войны, находясь въ Вильнѣ, Государь говорилъ французскому послу Нарбонну: „Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ (указывая на карту Россіи) нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступилъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи“.

Вотъ знаменательныя слова, которыя были повторены Государемъ въ день вторженія Наполеона въ Россію въ рескриптѣ фельдмаршалу Салтыкову, тогдашнему предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, съ извѣщеніемъ его изъ Вильны о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“, — сказано въ этомъ рескриптѣ. Этому обѣту Государь остался вѣренъ, не взирая ни на какія превратности войны, не смотря на ея тяжкіе удары въ первую половину войны и не прельщаясь неоднократными авансами Наполеона о мирныхъ переговорахъ. И черезъ полгода послѣ вторженія въ Россію многочисленныхъ полчищъ его ни одного вооруженнаго непріятельскаго воина не оставалось болѣе на русской землѣ.

Во время войны Государь былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Уѣхавъ 6 іюля изъ арміи, по представленію самыхъ близкихъ къ нему лицъ, Государь прежде всего направился въ Москву, гдѣ появленіемъ своимъ въ собраніи дворянъ и купечества, рѣчами, къ нимъ обращенными, выходомъ на площадь къ народу и слѣдованіемъ пѣшкомъ въ Успенскій соборъ, а также манифестами своими,—воодушевилъ и подвигъ всѣ сословія на щедрыя пожертвованія, выставленія ополченій и народную войну. Вотъ разсказъ отчевидца о томъ воодушевленіи, которое охватило Москвичей, когда Государь появился передъ ними.

„Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ... Государь, выйдя въ 9 ч. утра на Красное крыльцо, поклонился. Раздались привѣтственные клики многотысячной толпы и слились съ колокольнымъ звономъ. Рядомъ съ обычнымъ „ура“ слышались возгласы: „Веди насъ, куда хочешь. Веди насъ, отецъ нашъ. Умремъ или побѣдимъ“... Началось шествіе къ Успенскому собору... На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы мундира; ихъ цѣловали и орошали слезами.. Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ Государю и сказалъ: „Не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько-же по всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя“. Онъ передалъ словами то, что было у всѣхъ на сердцѣ...“

Изъ Москвы Государь поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и отдался заботамъ и распоряженіямъ по сформированію новыхъ частей войскъ на усиленіе армій, по организаціи ополченія, образованію разнаго рода запасовъ для удовлетворенія потребностей арміи, при чемъ велъ собственноручную переписку со многими лицами. Съ приближеніемъ зимы онъ лично озаботился обезпеченіемъ арміи теплою одеждой.

Отдачею непріятелю Смоленска Государь былъ недоволенъ, а отдача Москвы его крайне опечалила. Но онъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи продолжать войну. Отправляя обратно въ армію полковника Мишо, привезшаго ему донесеніе объ отдачѣ Москвы, Государь сказалъ ему слѣдующее: „Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она предоставляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ мои враги думаютъ. Но если Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“.

Потерявъ Москву, Государь готовъ былъ временно лишиться и другой столицы, но не заключать мира. Приступлено было къ вывозу изъ С.-Петербурга наиболѣе цѣннаго и громоздкаго имущества. Кронштадтъ приводился въ такое состояніе, чтобы его можно было защищать зимой. Государь предполагалъ отправить нашъ Балтійскій флотъ въ Англію, т. к. зимою онъ не могъ плавать въ Балтійскомъ морѣ и въ портахъ могъ бы сдѣлаться добычею непріятеля. О принятыхъ мѣрахъ по вывозу нѣкотораго казеннаго имущества изъ Петербурга населенію было объявлено особымъ извѣщеніемъ 20 сентября, которое заканчивалось такъ: „Ибо положено единожды и твердо (съ чѣмъ безъ сомнѣнія каждый Россіянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію“.

Исторіографъ Императора Александра I, Н. К. Шильдеръ, говоритъ: „Гибель Москвы потрясла его до глубины души; онъ ни въ чемъ не находилъ утѣшенія... Ничто не могло разсѣять его мрачныхъ мыслей... Но скрывая снѣдавшую его грусть, онъ усвоилъ себѣ видъ спокойствія и покорности судьбѣ, соединенной съ бодростью духа, что составляло впослѣдствіи отличительную черту его характера“.

Въ побѣдѣ нашей при Тарутинѣ Государь сразу увидѣлъ зарю благопріятнаго для насъ оборота дѣлъ. Характерны слѣдующія слова, которыя были имъ сказаны полковнику Мишо, вѣстнику Тарутинской побѣды, въ отвѣтъ на докладъ о желаніи войскъ, чтобы Государь лично принялъ начальство надъ арміями: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ; внявъ теперь этому чувству, я сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи нашей, неисчерпаемыя средства имперіи, приготовленныя мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя мною въ молдавскую армію, — я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что намъ остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если-бы я находился при арміи, то вся слава отнеслась-бы ко мнѣ, и что я занялъ-бы мѣсто въ исторіи; но когда подумаю, какъ мало я опытенъ въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ непріятелемъ моимъ и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, тогда, не взирая на мое честолюбіе, я готовъ охотно пожертвовать моею славою для блага арміи. Пусть пожинаютъ лавры тѣ, которые болѣе меня достойны ихъ; возвратитесь въ главную квартиру, поздравьте князя Михаила Ларіоновича съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятеля изъ Россіи, и что тогда я поѣду къ нему на встрѣчу и ввезу его торжественно въ столицу“.

Императоръ Александръ I былъ проницателенъ и умѣлъ разгадывать людей. Въ концѣ ноября 1812 года въ одномъ разговорѣ Государь высказался слѣдующимъ образомъ о Наполеонѣ: „Нынѣшнее время напоминаетъ мнѣ все, что я слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка въ Тильзитѣ. Тогда мы подолгу бесѣдовали, т. к. онъ любилъ выказывать мнѣ свое превосходство, говорилъ съ любезностью и расточалъ передъ мною блестки своего воображенія. Война, сказалъ онъ мнѣ однажды, вовсе не такое трудное искусство, какъ воображаютъ, и, откровенно говоря, иной разъ трудно выяснить, какимъ образомъ удалось выиграть то или другое сраженіе. Въ дѣйствительности оказывается, что побѣждаетъ тотъ, кто послѣднимъ устрашился, и въ этомъ заключается вся тайна. Нѣтъ полководца, который бы не опасался за исходъ сраженія; все дѣло въ томъ, чтобы скрывать этотъ страхъ возможно продолжительное время. Лишь этимъ средствомъ можно настращать противника, а затѣмъ дальнѣйшій успѣхъ уже не подлежитъ сомнѣнію. — Я выслушалъ съ глубокимъ вниманіемъ все, что ему угодно было сообщить мнѣ по этому поводу, твердо рѣшившись воспользоваться этимъ при случаѣ, и въ самомъ дѣлѣ я надѣюсь, что съ тѣхъ поръ мною пріобрѣтена нѣкоторая опытность для рѣшенія вопроса, что намъ остается сдѣлать“. — „Неужели, спросилъ Государя собесѣдникъ, мы не обезпечены навсегда отъ всякаго подобнаго нашествія? Развѣ врагъ осмѣлится еще разъ перейти наши границы?“ — „Это возможно“, отвѣтилъ Государь, „но если хотѣть мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ; въ этомъ я глубоко убѣжденъ“.

Императоръ Александръ I, справедливо оцѣнивая величіе и значеніе событій Двѣнадцатаго года, вознамѣрился увѣковѣчить священную память этого года достойными памятниками.

Еще во время войны, когда обозначился оборотъ ея къ гибели непріятельской арміи, Государь въ началѣ ноября повелѣлъ Кутузову всѣ отбитыя у непріятеля орудія отправлять въ Москву, а главнокомандующему ею — Ростопчину 14 ноября данъ указъ собирать всѣ эти орудія въ Москвѣ, гдѣ, какъ говорится въ указѣ, „изъ сихъ орудій имѣетъ быть воздвигнутъ увѣнчанный лаврами столпъ“. Это намѣреніе вполнѣ не осуществилось, т. к. „столпъ“ не воздвигнутъ, но отбитыя у непріятеля орудія собраны и въ количествѣ 875 лежатъ въ Московскомъ Кремлѣ у стѣнъ арсенала.

Уже по окончаніи войны, манифестомъ 25 декабря 1812 года, возвѣщено, что „въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ Вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во Имя Спасителя Христа“. — Храмъ этотъ нынѣ возносится къ небу въ Москвѣ (постройка его была окончена только въ 1880 году, а освященіе и открытіе состоялось 26 мая 1883 года). Затѣмъ повелѣно было ежегодно въ день Рождества Христова возносить во всѣхъ церквахъ особенное благодарственное молебствіе за „избавленіе Россійскія Державы и Церкви отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ“.

По кончинѣ фельдмаршала князя Кутузова въ 1813 году, въ заграничномъ походѣ, Государь повелѣлъ перевезти его останки въ Россію и похоронить въ Казанскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ, что и исполнено. Онъ-же задумалъ поставить Кутузову и Барклаю-де-Толли памятники на площади передъ этимъ соборомъ; постановка этихъ памятниковъ была исполнена при Императорѣ Николаѣ I.

По повелѣнію Императора Александра I, въ Царскомъ Селѣ въ память войны съ Наполеономъ поставлены чугунныя тріумфальныя ворота съ надписью по русски и по французски: „Любезнымъ сослуживцамъ моимъ“. (A mes chers compagnons d'armes).

Въ 1818 году Императоръ Александръ I пригласилъ англійскаго художника Доу и поручилъ ему нарисовать портреты всѣхъ русскихъ генераловъ, участниковъ войны 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Художнику для его мастерской было отведено помѣщеніе въ Императорскомъ Эрмитажѣ, гдѣ онъ и началъ работать. Государь очень интересовался этой работой и посѣщалъ мастерскую Доу. Закончена она была уже по кончинѣ Александра I, и преемникъ его, Императоръ Николай I, завершилъ дѣло, начатое его царственнымъ братомъ: въ Зимнемъ дворцѣ была отведена особая галлерея для этихъ портретовъ и изъ нихъ создана „Военная галлерея“ (см. наше предисловіе). Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, чтобы ежегодно 25 декабря въ „Военной галлереѣ“ совершалась литія и „поминовеніе Императора Александра I и всѣхъ воиновъ, животъ положившихъ въ годину брани за Отечество“, съ приглашеніемъ къ ней тѣхъ, кто имѣетъ медаль 1812 года или медаль за взятіе Парижа.

Въ 1834 году на Дворцовой площади въ С.-Петербургѣ поставленъ памятникъ Императору Александру I, въ видѣ колонны изъ цѣльнаго гранитнаго монолита, увѣнчанной ангеломъ мира; ангелъ вылитъ изъ бронзы и поставленъ на бронзовомъ полушаріи; лѣвою рукою онъ держитъ крестъ, правую простираетъ къ небу, ногою попираетъ змія; ангелу приданы черты Александра I. На памятникѣ надпись:

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.
БЛАГОДАРНАЯ РОССІЯ.
1812.

1

Императоръ Александръ I.

I. LAPINA & Cie IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 2.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Наполеону въ 1812 году было 43 года. Начиная эту войну, онъ былъ въ апогеѣ боевой славы, непобѣдимости и политическаго могущества. Война 1812 года съ Россiей была роковою для него ошибкою. Начиная эту войну, онъ не надлежаще оцѣнилъ противника, въ лицѣ Императора Александра I и русскаго народа.

Человѣкъ большого ума, огромной энергiи и колосальной воли, Наполеонъ былъ чуждъ идеямъ нравственнаго и религiознаго порядка; этихъ то идей онъ и не учелъ, начиная войну съ Россiей. Онъ, повидимому, былъ увѣренъ, что силою своего генiя онъ можетъ переустраивать все по своимъ желанiямъ и намѣренiямъ. И самъ онъ, и армiя его забыли о Богѣ; достойно вниманiя, что въ приказахъ его по войскамъ и въ устныхъ обращенiяхъ къ нимъ нѣтъ помину о Провидѣнiи; въ огромной армiи его не было ни одного священника и не совершалось никакихъ богослуженiй. Поэтому такъ кощунственно относились его войска къ русскимъ святынямъ. Да и самъ онъ не только попускалъ такое поведенiе своихъ войскъ, но и подавалъ тому примѣръ, устраивая свои ночлеги въ нашихъ храмахъ, ввозя въ храмы пушки и открывая изъ нихъ огонь *). И вотъ о крѣпкую вѣру въ Бога русскаго народа и русской армiи, о любовь ихъ къ Царю и Отечеству и разбилась армiя Наполеона; мало того, она почти обратилась въ прахъ. Можно сказать, что въ войну 1812 года безвѣрiе Западной Европы сшиблось съ вѣрою Восточной и было побѣждено.

Въ 1812 году Наполеонъ не только проигралъ кампанiю, но на поляхъ Россiи померкъ ореолъ его военнаго и политическаго могущества. Примѣръ Россiи подвинулъ и другiе народы Европы къ упорной, въ союзѣ съ Россiей, борьбѣ съ Наполеономъ. Конечнымъ и скорымъ результатомъ этой борбы было низложенiе Наполеона и заключенiе его въ 1815 году на островъ Св. Елены, гдѣ онъ и умеръ въ 1821 году.

*) Такъ было въ Смоленскѣ. По занятiи этого города французскими войсками 5 августа, въ него утромъ слѣдующаго дня въѣхалъ и Наполеонъ. Онъ отправился къ Днѣпровскимъ воротамъ крѣпостной стѣны. Войдя въ церковь, находящуюся надъ этими воротами, онъ черезъ стеклянныя двери сталъ обозрѣвать противоположный берегъ рѣки, гдѣ находились наши войска и откуда стрѣляли по городу двѣ наши пушки. Онъ приказалъ втащить въ церковь два орудiя и, поставивъ ихъ въ дверяхъ, открылъ стрѣльбу по нашимъ пушкамъ.

Русскiй народъ не злопамятенъ. Чуть-ли не наши поэты (Пушкинъ и Лермонтовъ) явились глашатаями Наполеонова культа. Вотъ чудный стихъ А. С. Пушкина изъ стихотворенiя его „Наполеонъ", написаннаго въ 1821 году, на смерть генiальнаго полководца:

„Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

. . . .

. . . .

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала... Онъ русскому народу
Высокiй жребiй указалъ
И мiру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ".

Портретъ Наполеона, написанный Верещагинымъ, изображаетъ его въ Петровскомъ дворцѣ, въ окрестностяхъ Москвы.

По занятiи Москвы 2 сентября 1812 года войсками Наполеона, самъ онъ не рѣшался тотчасъ въѣзжать въ городъ, опасаясь какой-либо непрiязненной неожиданности, и первую ночь провелъ въ одномъ изъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья. Только 3 сентября онъ въѣхалъ въ Кремль и расположился въ царскомъ дворцѣ (большой Кремлевскiй дворецъ). Но начавшiеся въ Москвѣ пожары вынудили его уже на слѣдующiй день, 4 сентября, покинуть Кремль и перебраться въ загородный Петровскiй дворецъ. Здѣсь онъ провелъ тревожную ночь. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшiйся передъ нимъ пожаръ и, наконецъ, сказалъ: „Это предвѣщаетъ намъ великiя бѣдствiя".

Въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ пробылъ до 6 сентября, когда ослабленiе пожаровъ дало ему возможность возвратиться въ Кремль и снова расположиться въ большомъ царскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и оставался до выхода изъ Москвы, т. е. до утра 7 октября.

I. LAPINA & Cie IMP. EDIT. PARIS

2

В. Верещагинъ. - Наполеонъ 1
въ Петровскомъ дворцѣ.

Картина № 3.

КРАССОВСКАГО.

См. „Очеркъ войны", стр. 3.

Дѣло казаковъ Платова у Мира 28 іюня 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ началѣ Отечественной войны, во время отступленія нашихъ армій отъ границы, атаманъ Донскихъ казаковъ генералъ отъ кавалеріи Платовъ прикрывалъ своими казаками 2-ю армію (Багратіона). Съ запада ей угрожало правое крыло большой арміи Наполеона, которымъ командовалъ король Вестфальскій Іеронимъ; съ сѣвера маршалъ Даву съ своимъ многочисленнымъ корпусомъ врѣзался клиномъ между нашими двумя арміями и препятствовалъ выходу 2-й арміи на соединеніе съ 1-й. Чтобы, несмотря на это, все-же осуществить соединеніе, арміи Багратіона приходилось дѣлать усиленные переходы. Послѣ ряда такихъ переходовъ Багратіонъ призналъ нужнымъ дать своей арміи трехдневную передышку. 26 іюня 2-ая армія остановилась у г. Несвижа (см. карту № 1); остановка здѣсь, кромѣ отдыха, нужна была еще и для того, чтобы отвезти наши обозы назадъ. Платовъ съ казаками находился у Мира, къ которому приближалась передовая конница праваго крыла арміи Наполеона; это былъ кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобура, въ составъ котораго входили двѣ дивизіи польскихъ уланъ, одна французская кирасирская дивизія и вестфальская бригада; всего 8.500 коней. Платову, у котораго было около 5.000 казаковъ, предстояло задержать наступленіе непріятельской кавалеріи, чтобы дать нашей 2-й арміи возможность простоять у г. Несвижа нужное время. Задача эта была блестяще исполнена въ двухдневныхъ бояхъ у Мира (27 и 28 іюня).

27 іюня въ авангардѣ кавалерійскаго корпуса Латуръ-Мобура шла польская уланская дивизія Рожнецкаго. Передовой полкъ ея запальчиво наступалъ, чѣмъ воспользовался нашъ передовой казачій полкъ Сысоева. Онъ заманилъ непріятельскій уланскій полкъ въ засаду, атаковалъ и погналъ его назадъ. Бѣгущій въ разстройствѣ уланскій полкъ былъ поддержанъ остальными двумя полками своей бригады (бригада Турно); но поляки были прижаты Сысоевымъ къ болоту и понесли значительныя потери. Всего въ этомъ дѣлѣ поляки потеряли 8 офицеровъ и болѣе 600 нижнихъ чиновъ; изъ нихъ взято въ плѣнъ 6 офицеровъ и около 250 нижнихъ чиновъ.

Послѣ этого дѣла Сысоевъ отступилъ къ прочимъ казачьимъ полкамъ Платова, стоявшимъ въ нѣсколькихъ верстахъ позади Мира.

Платовъ былъ увѣренъ, что 28 іюня непріятель развернетъ болѣе значительныя силы. А потому онъ и былъ усиленъ тремя кавалерійскими и однимъ пѣхотнымъ полками, высланными Багратіономъ изъ Несвижа. Кромѣ того, Платовъ приказалъ казачьей бригадѣ Кутейникова, находившейся въ полупереходѣ къ востоку отъ Мира, идти къ нему на соединеніе.

Дѣйствительно, 28 іюня черезъ Миръ прошла вся польская дивизія Рожнецкаго (6 уланскихъ полковъ) и приняла боевое расположеніе. Послѣ полудня Платовъ атаковалъ ее съ трехъ сторонъ. Завязался упорный кавалерійскій бой; атаки и контръ-атаки слѣдовали одна за другой. Въ девятомъ часу вечера на лѣвомъ флангѣ поляковъ показалась густая пыль; это подходила казачья бригада Кутейникова. Окутанная пылью, она налетѣла и атаковала лѣвый флангъ Рожнецкаго — бригаду Дзѣвановскаго. Поляки отвѣтили контръ-атакой. Бригада Дзѣвановскаго была опрокинута и отброшена къ Миру. Въ то-же время правый флангъ поляковъ (бригада Турно) былъ атакованъ казаками Платова вмѣстѣ съ Ахтырскимъ гусарскимъ и Кіевскимъ драгунскимъ полками; бригада Турно также была опрокинута и отброшена къ Миру. Наступившая ночь прекратила бой. Поляки потеряли въ бою 28 іюня около 500—600 человѣкъ; нашъ уронъ былъ невеликъ.

Картина Крассовскаго воспроизводитъ одну изъ атакъ казаковъ на польскихъ уланъ въ бою 28 іюня.

Вотъ картинное описаніе этого боя, которое мы заимствуемъ изъ книги „Картины былого Тихаго Дона": *)

„Сверкали копья пикъ, краснѣли алые лампасы, слышенъ былъ страшный гикъ несущихся всадниковъ. Казаки были вездѣ, ихъ тонкій фронтъ былъ такъ широкъ, что не хватало полковъ ударить на нихъ. При первой-же атакѣ польскихъ уланъ бригады Турно, казаки разсѣялись и за ними оказались донскія пушки и эскадроны ахтырскихъ гусаръ. Наши гусары опрокинули поляковъ; поляки устроились, хотѣли ударить снова, но попали подъ пики казаковъ, дрогнули, повернули и бѣжали. Поляки хотѣли биться сомкнуто, но на нихъ налетали сомкнутые эскадроны ахтырскихъ гусаръ и кіевскихъ драгунъ, а казаки отовсюду щипали, кололи и стрѣляли по нимъ. Поляки трогались въ атаку мимо перелѣска, повидимому, никѣмъ не занятаго, а оттуда гремѣли выстрѣлы казачьихъ ружей. Они посылали туда часть своихъ эскадроновъ и попадали флангомъ подъ страшную атаку казачьихъ пикъ".

„Такова была Платовская лава **)! Безконечно разнообразная, вполнѣ самостоятельная. Каждый урядникъ — начальникъ звена, каждый хорунжій—командиръ взвода—дѣйствовали въ ней самостоятельно, но у всѣхъ была одна цѣль, одно желаніе: — истребить непріятеля. Одни помогали другимъ. Чуть видѣлъ станичникъ, что другому грозитъ бѣда, уже вихремъ летѣлъ на выручку".

„Разсѣялись по громадному полю уланскіе полки Рожнецкаго. Ни впередъ, ни назадъ. Былъ девятый часъ вечера, солнце спускалось за горы и свѣтило въ глаза казакамъ, когда поляки совершенно неожиданно для себя увидали облако пыли. Позлащенное послѣдними лучами догоравшаго дня, это облако быстро неслось къ полю битвы. Это была бригада Кутейникова. На полномъ ходу разсыпалась казачья лава. Дзѣвановскій пытался атаковать ее, но казаки живо выбили 11-й уланскій полкъ, заколебался и 2-й, и вотъ оба польскихъ полка понеслись вразсыпную къ Миру. Теперь все перемѣшалось. Поля окутались пылью. Крики и протяжное гиканье казаковъ заглушали команды польскихъ офицеровъ и звуки трубъ; на самаго генерала Турно наскочилъ лихой донецъ и схватилъ его за эполетъ. Добрый конь спасъ непріятельскаго генерала, но эполетъ его остался въ рукахъ у казака".

„Не знаешь, писали въ тѣ времена про казаковъ французы, какъ противъ нихъ дѣйствовать; развернешь линію— они мгновенно соберутся въ колонну и прорвутъ линію; хочешь атаковать ихъ колонною—они быстро развертываются и охватываютъ ее со всѣхъ сторонъ".

*) Картины былого Тихаго Дона. Краткій очеркъ исторіи войска Донскаго для чтенія въ семьѣ, школѣ и войсковыхъ частяхъ. Печатано по распоряженію Войскового Наказнаго Атамана войска Донского въ 1909 году.

**) Лава — это особый способъ казачьей атаки — въ разсыпную.

3 Крассовскій. Дѣло казаковъ Платова у Мира 28-го Іюня 1812 г.

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 4. *См. „Очеркъ войны“, стр. 5.*

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при Клястицахъ 19 іюля 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Послѣ отступленія, 4 іюля, нашей 1-й арміи изъ Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря къ Витебску, на средней части Зап. Двины былъ оставленъ корпусъ графа Витгенштейна для прикрытія путей на Петербургъ. Корпусъ этотъ занялъ важнѣйшие пункты на Двинѣ отъ Дриссы до Динабурга.

Когда непріятельскій корпусъ (маршала Удино) двинулся изъ Полоцка на сѣверъ по путямъ на Петербургъ (см. карту № 1), Витгенштейнъ устремился ему на перерѣзъ и атаковалъ его у Якубова, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Клястицъ. Разыгрался двухдневный бой (18 и 19 іюля). У насъ было 23.000, у непріятеля 28.000. Непріятель былъ разбитъ и опрокинутъ къ Полоцку. Его преслѣдовалъ нашъ авангардъ подъ командою генерала Кульнева; пылкій Кульневъ увлекся слишкомъ далеко, и войска его 20 іюля потерпѣли пораженіе у Боярщины. Кульневъ былъ убитъ (ему ядромъ оторвало обѣ ноги). На слѣдующій день, 21 іюля, непріятель преслѣдовалъ нашъ отступившій авангардъ, но былъ въ свою очередь разбитъ у Головчицъ. Послѣ этого боя непріятельскія войска отступили къ Полоцку.

Кульневъ — одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, отличавшійся еще въ шведской войнѣ 1808 — 1809 г.г., въ которой онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Умирая, онъ сорвалъ съ шеи этотъ крестъ и сказалъ уносившимъ его солдатамъ: „Увезите этотъ крестъ, чтобы непріятель не зналъ, что ему удалось убить русскаго генерала“.

Картина № 4 воспроизводитъ эпизодъ Клястицкаго боя. Это атака нашего Павловскаго запаснаго гренадерскаго батальона. Непріятель, отступая, зажегъ мостъ черезъ болотистую рѣчку Нищу. Витгенштейнъ, желая предупредить уничтоженіе моста, чтобы по немъ преслѣдовать разбитаго противника, направилъ туда названный батальонъ. Наши гренадеры (въ Павловскихъ гренадеркахъ) кинулись на пылающій мостъ, перешли его подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ, атаковали ихъ, оттѣснили и утвердились на противоположномъ берегу рѣчки. Вдали виднѣется наша кавалерія, переходящая рѣчку въ бродъ.

4

Сраженіе при Клястицахъ, 19-го Іюля 1812 г.

I. LAPINA & CIE IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 5.

См. „Очеркъ войны", стр. 6.

П. ГЕССЪ.

Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Картина изображаетъ одинъ изъ моментовъ отступленія дивизіи генерала Невѣровскаго отъ Краснаго къ Смоленску подъ непрерывными атаками французской кавалеріи.

Невѣровскій былъ высланъ изъ Смоленска въ Красный съ отрядомъ въ 12 батальоновъ, однимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, 12 орудіями и небольшою частью Смоленскаго ополченія. Всѣ 12 батальоновъ составляли 27 пѣхотную дивизію, которую Невѣровскій только недавно привелъ изъ Москвы, гдѣ война застала ее въ формированіи; она состояла большею частью изъ рекрутъ.

Невѣровскій занялъ Красный, когда непріятель сюда еще не подступалъ. Сначала онъ выбралъ позицію впереди города на дорогѣ изъ Орши. Но когда казаки донесли о наступленіи большихъ непріятельскихъ силъ въ обходъ ея, онъ отступилъ, прошелъ черезъ городъ и, оставивъ въ немъ батальонъ съ двумя орудіями, главныя силы свои расположилъ на позиціи позади города. Зная, что еще въ 15 верстахъ позади, по дорогѣ въ Смоленскъ, находится выгодная позиція за рѣчкою, онъ выслалъ туда батальонъ съ двумя орудіями.

Къ Красному отъ Орши наступалъ авангардъ арміи Наполеона, въ составѣ 15.000 кавалеріи подъ начальствомъ Мюрата; за нимъ слѣдовала пѣхота корпуса маршала Нея. Подойдя къ городу, Ней ворвался въ него и вытѣснилъ нашъ батальонъ, захвативъ орудія. Въ то-же время кавалерія Мюрата начала обходить позицію Невѣровскаго съ лѣваго фланга. Наша кавалерія кинулась было въ атаку, но была опрокинута и съ нѣсколькими орудіями принуждена къ отступленію мимо позиціи Невѣровскаго; остальныя-же орудія были захвачены непріятелемъ. Невѣровскій остался съ одною пѣхотою. Съ фронта ей угрожали пѣхотныя колонны корпуса Нея, а многочисленная кавалерія Мюрата обходила его съ фланга, чтобы отрѣзать отъ Смоленска. Онъ рѣшился отступать. Смоленскъ былъ въ 47 верстахъ и соединялся съ Краснымъ большою дорогою, окопанною канавами и обсаженною деревьями (извѣстный типъ нашихъ прежнихъ столбовыхъ дорогъ).

Построивъ свои полки въ густыя колонны, Невѣровскій началъ отступать. „Ребята", сказалъ онъ имъ, „помните, чему васъ учили. Никакая кавалерія васъ не побѣдитъ; только въ пальбѣ не торопитесь; стрѣляйте мѣтко, не торопясь. Никто не смѣй начинать безъ моей команды". Лишь только непріятельская кавалерія налетала, Невѣровскій останавливалъ свою пѣхоту; по знаку его подавался сигналъ тревоги и затѣмъ солдаты стрѣляли. Непріятель несъ страшныя потери. Напрасны были всѣ усилія его прорвать наши колонны. Многократныя атаки его разбивались о стойкость нашей пѣхоты. Къ вечеру она подошла къ своему батальону, занимавшему вторую позицію за рѣчкой. Огонь нашихъ орудій остановилъ непріятельское преслѣдованіе, что дало возможность нашимъ храбрецамъ расположиться на отдыхъ. Въ этомъ бою мы потеряли до 1500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 800 плѣнныхъ (при одной атакѣ непріятелю удалось отхватить часть нашего каре). Непріятель потерялъ около 500 человѣкъ.

Это дѣло получило у насъ названіе „подвига Невѣровскаго". Французскіе историки отдаютъ ему также должную дань. Одинъ (Шамбре) говоритъ, что дѣло это представляетъ замѣчательный примѣръ превосходства хорошо обученной и предводимой искуснымъ начальникомъ пѣхоты. Другой (графъ Сегюръ) говоритъ, что Невѣровскій отступалъ какъ левъ.

Князь Багратіонъ, главнокомандующій 2-й арміи, въ составъ которой входила дивизія Невѣровскаго, въ донесеніи своемъ Государю объ этомъ дѣлѣ говоритъ такъ: „Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя".

Въ правой сторонѣ, въ глубинѣ картины, у распущеннаго знамени, въ треуголкѣ съ поднятою шпагою, виденъ генералъ Невѣровскій.

5

Гессъ.- Подвигъ ген. Невѣровскаго подъ Краснымъ 2-го Августа 1812г.

I. LAPINA & Cie IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 6. *См. „Очеркъ войны“ стр. 8.*

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при Смоленскѣ 5 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ. Повтореніе ея въ 1841 году подарено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ дворянству Смоленской губерніи и находится въ залѣ дворянскаго собранія.

5 августа—второй день сраженія при Смоленскѣ, когда для обороны этого города корпусъ Раевскаго (2-й арміи) былъ смѣненъ корпусомъ Дохтурова (1-й арміи) и когда на правомъ берегу Днѣпра стояла уже почти вся 1-я армія.

Картина изображаетъ уголокъ Петербургскаго предмѣстья, расположеннаго на правой сторонѣ Днѣпра. За рѣкою виденъ Смоленскъ, его храмы и крѣпостная стѣна; виденъ мостъ черезъ Днѣпръ, соединяющій городъ съ Петербургскимъ предмѣстьемъ; онъ ведетъ къ днѣпровскимъ воротамъ крѣпостной стѣны; надъ воротами церковь *). Городъ окутанъ дымомъ; тамъ идетъ жестокій бой.

На лѣвой сторонѣ картины у дерева на землѣ сидитъ главнокомандующій 1-ю арміею Барклай-де-Толли. Съ картою въ рукахъ стоитъ Ермоловъ — начальникъ штаба 1-й арміи. Вправо отъ него въ казачьей формѣ атаманъ Платовъ. За деревомъ стоитъ и говоритъ съ Барклаемъ и Ермоловымъ, вѣроятно, Дохтуровъ; такъ можно думать по общему смыслу картины и по сѣдой головѣ генерала, стоящаго за деревомъ (Дохтурову было тогда 66 лѣтъ), хотя историки нигдѣ не говорятъ, чтобы Дохтуровъ въ день боя 5 августа ѣздилъ на правый берегъ Днѣпра. Генералъ съ обнаженной головой, стоящій рядомъ съ Ермоловымъ, можетъ быть принятъ за Раевскаго.

Влѣво отъ дерева стоитъ наша артиллерія и стрѣляетъ черезъ рѣку по непріятельскимъ войскамъ.

Правая сторона картины изображаетъ бѣгство населенія изъ Смоленска.

Къ ночи городъ, полуразрушенный и объятый пламенемъ, былъ покинутъ большею частью жителей. Приказано было и войскамъ нашимъ очистить его, перейдя на другую сторону рѣки. Среди отступавшихъ войскъ толпились жители, покидавшіе съ воплями ужаса и отчаянія свои родныя пепелища. Военные начальники, принимая мѣры къ сохраненію порядка въ войскахъ, выказывали нѣжное вниманіе къ убѣгавшему населенію. Старшіе начальники—генералы Дохтуровъ и Коновницынъ—ободряли его словами участія, стариковъ и дѣтей приказывали сажать на лафеты, давали имъ деньги.

*) Въ которую Наполеонъ приказалъ на слѣдующій день ввезти двѣ пушки и открыть изъ нихъ огонь по нашей артиллеріи, стрѣлявшей въ городъ съ правой стороны рѣки.

6

Сраженіе при Смоленскѣ, 5-го Августа 1812 г.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 7.

П. ГЕССЪ.

См. „Очеркъ войны“ стр. 9.

Сраженіе при Валутинѣ (оно-же при Лубинѣ) 7 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Картина изображаетъ одинъ изъ моментовъ боя при Лубинѣ (онъ-же при Валутиной горѣ). По всей вѣроятности, это одна изъ нашихъ контръ-атакъ.

Бой этотъ отличался чрезвычайнымъ упорствомъ. Наши войска занимали послѣдовательно двѣ позиціи одну за другою, при чемъ на вторую непріятель велъ четыре атаки. Бой велся отъ 12 час. дня до 9 час. вечера. Наши войска сами переходили въ контръ-атаки. Во главѣ одной изъ нихъ находился генералъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ 3-й, герой Лубинскаго боя, иниціативѣ котораго наши арміи обязаны выходомъ изъ критическаго положенія, въ которомъ онѣ оказались при отступленіи отъ Смоленска (это выяснено въ нашемъ очеркѣ войны). Когда подъ нимъ была убита лошадь, онъ пошелъ пѣшкомъ во главѣ нашей контръ-атаки, но, израненный непріятельскими штыками, взятъ былъ въ плѣнъ.

На картинѣ, верхомъ на лошади, лицомъ къ зрителямъ (за телѣгою), вѣроятно, герой боя—генералъ П. А. Тучковъ 3-й.

На слѣдующій день Наполеонъ пригласилъ его къ себѣ и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Въ ней онъ предложилъ Тучкову написать Государю письмо, въ которомъ была бы изложена эта бесѣда и приведены слова Наполеона съ выраженіемъ желанія скорѣйшаго прекращенія войны и полюбовнаго соглашенія съ Русскимъ Императоромъ. Такъ какъ Тучковъ счелъ себя не вправѣ писать Государю, то Наполеонъ просилъ его изложить все это въ письмѣ къ своему брату, генералу Тучкову 1-му — командиру корпуса, разсчитывая, что его разговоръ будетъ доложенъ Государю. Тучковъ 3-й исполнилъ желаніе Наполеона, и письмо его было передано въ русскую армію, но никакого отвѣта на него получено не было.

7

Гессъ. - Сраженіе при Валутинѣ 7-го Августа 1812 г.

I. LAPINA & Cie IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 8. *См. „Очеркъ войны", стр. 8.*

Бѣгство населенія изъ Смоленска въ день сраженія 5 августа 1812 года.

Это копія съ картины масляными красками, имѣющейся въ Щукинскомъ музеѣ, въ Москвѣ. Она воспроизводитъ (съ нѣкоторыми отступленіями) правую часть картины № 6, т. е. часть картины П. Гесса, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

Картина изображаетъ бѣгство населенія изъ г. Смоленска, обстрѣливаемаго непріятельскою артиллеріею и объятаго огнемъ пожаровъ. Это уголокъ Петербургскаго предмѣстья, расположеннаго на правой сторонѣ Днѣпра.

На первомъ планѣ священникъ, указывающій на небо; далѣе обыватели съ дѣтьми, животными и домашнимъ скарбомъ, покидающіе родной очагъ, обращаемый въ пепелъ; среди нихъ женщина съ образомъ въ рукахъ. За ними наша артиллерія, стрѣляющая черезъ Днѣпръ по непріятельскимъ войскамъ.

5-е августа—канунъ праздника Преображенія Господня. Въ самый разгаръ бомбардировки города и яростныхъ непріятельскихъ штурмовъ, въ храмахъ служились вечерня и всенощная. Толпы народы стекались туда и горячо молились. Въ сумерки чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери (Одигитріи) былъ вынесенъ изъ храма и переданъ войскамъ. Съ тѣхъ поръ образъ этотъ сопутствовалъ нашей арміи во время войны и былъ возвращенъ въ Смоленскъ лишь послѣ очищенія его непріятелемъ, а именно 6 ноября 1812 года послѣ побѣдъ нашихъ подъ г. Краснымъ.

Картина бѣгства населенія изъ Смоленска типична; также, какъ и здѣсь, народъ при приближеніи непріятеля покидалъ свои жилища съ призывомъ къ Богу и молитвою. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ оставленіе Москвы населеніемъ еще до Бородинскаго боя.

Одна француженка (M-me Fusil), находившаяся въ это время въ Москвѣ, идя 25 августа къ Кремлю, была свидѣтельницею слѣдующей картины. Проходя по опустѣлымъ улицамъ Москвы, она услышала издали доходившее до нея грустное пѣніе. Направившись туда, откуда оно доносилось, она встрѣтила толпу, во главѣ со священниками, несшими образа; мужчины, женщины, дѣти—всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Это былъ народъ, покидавшій свой очагъ. „Я плакала и молилась вмѣстѣ съ ними и пришла къ своимъ знакомымъ совершенно разстроенная" *).

*) M-me Fusil. L'incendie de Moscou... 1817. Стр. 3—4. Цитирую по сочиненію А. Н. Попова. Москва въ 1812 году (напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1875 г.).

8

Бѣгство населенія изъ Смоленска въ день сраженія 5-го Августа 1812 г.

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 9.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 12.

Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Это день Бородинской битвы — 26 августа 1812 года. Наполеонъ страстно хотѣлъ генеральнаго боя; онъ опасался, чтобы Русскіе и здѣсь его не обманули и не ушли. Онъ всталъ въ третьемъ часу утра, послѣ краткаго отдыха, и, не смотря на простуду, которую чувствовалъ еще съ вечера, принялся за кипучую дѣятельность. Первыя его слова были: „Что дѣлается у Русскихъ?“—Получивъ въ отвѣтъ, что наши войска оставались на мѣстѣ, онъ былъ очень обрадованъ и, выйдя изъ палатки, сказалъ собравшимся около него во множествѣ офицерамъ: „Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица“ *).

Почти въ теченіе всего сраженія Наполеонъ находился на высотѣ у отнятаго у насъ 24 августа Шевардинскаго редута. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Художникъ изобразилъ его сидящимъ на складномъ стулѣ. За нимъ—штабъ и свита; за ними—гвардія въ полной парадной формѣ.

*) У Аустерлица Наполеонъ въ 1805 году нанесъ пораженіе русско-австрійскимъ союзнымъ войскамъ.

За Бородинскій бой Наполеона упрекаютъ: въ недостаточной энергіи руководства боемъ и въ недостаточной рѣшительности его веденія. Это объясняютъ отчасти его нездоровьемъ, отчасти тѣмъ, что въ 1812 году онъ держалъ себя болѣе какъ императоръ, чѣмъ генералъ: онъ не рѣшался подвергать себя опасности; въ бюлетенѣ о Бородинскомъ боѣ *) говорится, что Императоръ ни разу не подвергалъ себя опасности въ этомъ бою; по той-же причинѣ не рѣшался онъ и рисковать своимъ послѣднимъ резервомъ—гвардіей, которую онъ, не смотря на настоянія своихъ генераловъ, не ввелъ въ бой. Какъ увидимъ далѣе, ему пришлось въ позднѣйшій періодъ этой войны отступить отъ такого образа дѣйствій. (См. далѣе—сраженіе подъ Краснымъ 5 ноября 1812 г.).

*). Въ войну 1812 года Наполеонъ отправилъ во Францію 29 бюлетеней, которые составлялись по его указанію и которыми онъ оповѣщалъ свою страну и всю западную Европу о событіяхъ войны. Бюлетени эти были, къ слову сказать, очень далеки отъ истины.

9

В. В. Верещагинъ.- Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 10. *См. „Очеркъ войны" стр. 13.*

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при Бородинѣ 26 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ Дворцѣ. Дубликатъ ея въ офицерскомъ Собраніи Л. Гв. Измайловскаго полка.

Бородинское сраженіе можно считать самымъ главнымъ въ кампаніи 1812 года. Это генеральная сшибка обѣихъ сторонъ; въ немъ принимали участіе полностью ихъ главныя арміи—непріятельская подъ начальствомъ самого Наполеона, наша подъ начальствомъ самого Кутузова. Здѣсь на смерть билось болѣе 225.000 бойцовъ; изъ нихъ легло болѣе 80.000. Такой массы войскъ и такой массовой потери ни въ одномъ изъ сраженій войны 1812 года не было; да и вообще по кровопролитности это одно изъ самыхъ рѣдкихъ сраженій въ исторіи. Общій очеркъ этого сраженія, значеніе его и результаты — все это достаточно объяснено въ нашемъ „Очеркѣ войны".

Въ картинѣ Гесса сгруппировано нѣсколько важнѣйшихъ моментовъ Бородинскаго сраженія.

Центральный интересъ представляетъ выбытіе изъ строя князя Багратіона, главнокомандующаго нашей 2-й арміи. Этотъ эпизодъ и занимаетъ центральное мѣсто въ картинѣ. Багратіонъ, раненый въ ногу, сидитъ на землѣ съ перевязанной ногой и говоритъ съ генераломъ Коновницынымъ, который стоитъ рядомъ съ нимъ верхомъ на лошади. Коновницынъ оказался на этомъ участкѣ позиціи старшимъ изъ генераловъ, и ему Багратіонъ передаетъ командованіе. Къ раненому Багратіону бѣжитъ для подачи врачебной помощи лейбъ-медикъ Виллье.

Тутъ-же на телѣгѣ подвозятъ раненаго генерала Воронцова. Онъ командовалъ сводной гренадерской дивизіей; въ рукопашной схваткѣ онъ былъ раненъ штыкомъ, а дивизія его была почти уничтожена; въ своихъ запискахъ онъ говоритъ о своемъ участіи въ Бородинскомъ сраженіи такъ: „Мое сопротивленіе не могло быть продолжительно, но прекратилось не прежде, какъ съ уничтоженіемъ моей дивизіи".

Въ лѣвомъ углу картины—каре полковъ Л. Гв. Измайловскаго и Л. Гв. Литовскаго, подъ командою полковника Храповицкаго, отражаютъ атаку непріятельской кавалеріи (Нансути и Монбрена).

Выше каре нашихъ гвардейскихъ полковъ вдали на картинѣ — Шевардинскій редутъ, у котораго стоитъ Наполеонъ со свитой. Оттуда несется въ атаку кавалерія Мюрата и онъ съ ней.

На правой сторонѣ картины — большое укрѣпленіе нашего центра (батарея Раевскаго). Взятое было непріятелемъ, оно отбирается обратно Ермоловымъ.

Еще правѣе — большая батарея нашего праваго фланга; здѣсь — Барклай-де-Толли (пѣшкомъ) и еще дальше Кутузовъ.

Впереди нихъ виднѣется село Бородино. За нимъ 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова и казаки Платова обходятъ лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія и неожиданно появляются на флангѣ и частью въ тылу корпуса вице-короля италіянскаго Евгенія Богарне.

Въ дѣйствительности всѣ перечисленные эпизоды Бородинскаго боя происходили не въ одно и то-же время, но художникъ хотѣлъ на одной картинѣ запечатлѣть важнѣйшіе моменты его *).

Другой художникъ, художникъ слова (М. Ю. Лермонтовъ), воспѣлъ Бородинскій бой въ стихахъ; вотъ нѣсколько чудныхъ строфъ оттуда:

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали.
    Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
    О русскіе штыки?"
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
. . . .
. . . .
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
    Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ!
    Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль, его: сраженъ булатомъ,
    Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
    Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!„
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
    Мы въ Бородинскій бой.

(Изъ стихотворенія М. Ю. Лермонтова „Бородино").

*) Нужно сказать, что на картинѣ вполнѣ опредѣленно видны не всѣ перечисленные эпизоды Бородинскаго боя; послѣдніе четыре не вполнѣ ясны, но мы называемъ ихъ, руководствуясь надписями на рамѣ этой картины, висящей въ офицерскомъ собраніи Л. Гв. Измайловскаго полка.

Сраженіе при Бородинѣ, 26-го Августа 1812 г.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

С.С.С.Р.

Картина № 11. *См. „Очеркъ войны", стр. 13.*

КОЦЕБУ.

Л. Гв. Измайловскій полкъ въ сраженіи при Бородинѣ 26 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ началѣ Бородинскаго сраженія вся гвардія находилась въ резервѣ, но когда непріятель повелъ яростныя атаки на Багратіоновы (или Семеновскія) флеши, то полки Л. Гв. Измайловскій, Л. Гв. Литовскій и Л. Гв. Финляндскій были выдвинуты изъ резерва и направлены на подкрѣпленіе войскъ, дѣйствовавшихъ у этихъ флешей. Двигаясь изъ резерва въ густыхъ колоннахъ (колонны къ атакѣ), полки эти попали подъ сильный огонь непріятельской артиллеріи, но, не взирая на него, храбро устремились въ атаку.

Участникъ Бородинскаго боя, французскій генералъ Пеле, картинно описываетъ атаки нашихъ войскъ у Багратіоновыхъ флешей и говоритъ: „По мѣрѣ того, какъ къ войскамъ Багратіона подходили подкрѣпленія, они по трупамъ павшихъ шли впередъ съ величайшею отвагою для овладѣнія утраченными пунктами. Русскія колонны на нашихъ глазахъ двигались какъ подвижные шанцы *), сверкающіе сталью и пламенемъ. Поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницею, то пѣхотою, эти храбрые воины терпѣли огромный уронъ, но, собравшись съ послѣдними силами, они нападали на насъ по прежнему".

Бригадою изъ полковъ Л. Гв. Измайловскаго и Л. Гв. Литовскаго командовалъ командиръ перваго изъ нихъ полковникъ Храповицкій.

Въ исторіи перваго изъ этихъ полковъ (составленною въ 1882 году) участіе его въ Бородинскомъ сраженіи очерчивается слѣдующимъ образомъ.

„Полковникъ Храповицкій, построивъ свою бригаду въ колонны къ атакѣ, двинулся впередъ въ полномъ порядкѣ (въ восьмомъ часу утра). По дорогѣ измайловцамъ встрѣтилась процессія съ иконою Смоленской Божіей Матери, возвращавшеюся съ нашего лѣваго фланга. Видя въ этомъ для себя счастливое предзнаменованіе, солдаты набожно крестились и съ твердымъ духомъ двигались впередъ, несмотря на то, что непріятельскіе снаряды уже рвали ряды ихъ".

„Изъ первыхъ жертвъ Бородинскаго боя палъ полковой барабанщикъ, шедшій рядомъ съ полковникомъ Храповицкимъ. Ему раздробило ядромъ обѣ ноги" (изображено на картинѣ).

„Снаряды чаще и чаще валились въ ряды измайловцевъ. Пули начинали уже сильно свистѣть и, то и дѣло, люди выбывали изъ рядовъ, но полкъ шелъ спокойно. Вотъ лошадь подъ полковникомъ Храповицкимъ высоко взвилась на дыбы (изображено на картинѣ № 10) и, опрокинувшись навзничь, осталась на мѣстѣ жертвою отъ попавшей въ нее непріятельской пули. Храповицкій поднялся, и измайловцы снова увидали его спокойно ѣхавшимъ передъ полкомъ на новой лошади".

„Полкомъ командовалъ старшій полковникъ Козляниновъ".

Затѣмъ Л. Гв. Измайловскому полку вмѣстѣ съ Л. Гв. Литовскимъ пришлось отразить рядъ грозныхъ и яростныхъ атакъ многочисленной французской кавалеріи. Они молча подпускали непріятельскую кавалерію на 50 шаговъ и лишь тогда обстрѣливали ее вѣрнымъ, губительнымъ огнемъ, приводившимъ ее въ разстройство и обращавшимъ въ бѣгство. По свидѣтельству командира одного изъ батальоновъ Л. Гв. Литовскаго полка, батальонъ этотъ въ одну изъ атакъ на него непріятельскихъ кирасиръ даже не открывалъ огня, а молча поджидалъ скачущую кавалерію, держа ружья на руку и поворачивая дула ихъ изъ стороны въ сторону; получавшееся отъ этого блистаніе штыковъ пугало лошадей и удерживало ихъ, а тѣхъ, которыя доскакивали, солдаты кололи штыками въ морды, затѣмъ сами перешли въ атаку на разстроенныхъ кавалеристовъ, обратили ихъ въ бѣгство и въ догонку открыли по нимъ сильный огонь.

Атаки непріятельской кавалеріи на нашу пѣхоту были для нея минутами передышки, т. к. въ это время непріятельская артиллерія переставала ее обстрѣливать.

Послѣ отраженія кавалерійскихъ атакъ Л. гв. Измайловскій полкъ подвергся губительному огню непріятельской артиллеріи; это было около полудня, когда непріятель засыпалъ снарядами наши позиціи. Полкъ стоялъ непоколебимо, презирая опасность и многочисленныя потери въ людяхъ.

Картечная пуля ударила въ ногу полковника Храповицкаго; но онъ остается въ строю. Перевязавши рану, бодро ѣдетъ онъ по рядамъ бригады и благодаритъ героевъ за ихъ мужество и стойкость. Но, объѣхавъ свои батальоны, онъ теряетъ силы и велитъ нести себя на перевязочный пунктъ.

Картина № 11 изображаетъ непоколебимое стояніе Л. Гв. Измайловскаго полка подъ губительнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и выбытіе изъ строя полковника Храповицкаго.

Вскорѣ затѣмъ былъ раненъ и принужденъ выйти изъ строя полковникъ Козляниновъ, а также еще много штабъ- и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Послѣ обстрѣла нашихъ позицій артиллеріею, непріятель повелъ новыя на нихъ атаки пѣхотою и кавалеріею. Но измайловцы, хотя и несли страшныя потери, до конца сраженія отбивались съ тѣмъ же мужествомъ и непоколебимостью, не уступивъ врагу. Они потеряли въ этомъ сраженіи: 28 офицеровъ изъ 51 и 1135 нижнихъ чиновъ изъ 1920, т. е. больше половины.

Временно смѣнившій раненаго Багратіона въ главномъ начальствованіи на томъ участкѣ позиціи, гдѣ дѣйствовалъ Л. Гв. Измайловскій полкъ, генералъ Коновницынъ въ донесеніи своемъ о боѣ говоритъ такъ: „Я не могу съ довольною похвалою отозваться о примѣрной неустрашимости, оказанной въ сей день полками Л. Гв. Литовскимъ и Л. Гв. Измайловскимъ. Прибывъ на лѣвый флангъ, непоколебимо выдерживали они наисильнѣйшій огонь непріятельской артиллеріи, осыпавшей картечью ряды ихъ. Несмотря на потери, пребывали они въ наилучшемъ устройствѣ, и всѣ чины, отъ перваго до послѣдняго, одинъ передъ другимъ, являли рвеніе свое умереть, прежде чѣмъ уступить непріятелю. Три большихъ кавалерійскихъ атаки непріятельскихъ кирасировъ и конныхъ гренадеръ на оба полка ими отражены были съ невѣроятнымъ успѣхомъ; ибо несмотря что кареи, построенныя оными полками, были совсѣмъ окружены, непріятель съ крайнимъ урономъ былъ прогнанъ огнемъ и штыками... Однимъ словомъ, полки Измайловскій и Литовскій въ достопамятномъ сраженіи 26 августа покрыли себя въ виду всей арміи неувядаемою славою".

Л. Гв. Измайловскому полку за Бородинскій бой пожалованы Георгіевскія Знамена.

*) Шанцы — укрѣпленія.

11 *Коцебу.-Л. Гв. Измайловскій п. въ сраж. при Бородинѣ, 26-го Авг. 1812 г.*

J. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 12.

ДЕЗАРНО.

См. „Очеркъ войны“, стр. 13.

Сраженіе при Бородинѣ 26 августа 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Картина воспроизводитъ эпизодъ неожиданнаго нападенія нашего кавалерійскаго корпуса подъ командою генералъ-лейтенанта Ѳ. П. Уварова на лѣвый флангъ арміи Наполеона. Это дѣйствіе имѣло очень большое значеніе въ Бородинскомъ бою.

Когда послѣ полудня Наполеонъ подготовлялъ рѣшительный ударъ на нашъ центръ, корпусъ Уварова, стоявшій до того за нашимъ правымъ флангомъ, былъ выдвинутъ впередъ и направленъ въ обходъ лѣваго фланга непріятельскаго расположенія; еще правѣе двинулся Платовъ съ казаками. Неожиданное появленіе корпуса Уварова на флангѣ арміи Наполеона (здѣсь находился корпусъ вице-короля итальянскаго), а казаковъ Платова въ тылу его произвело переполохъ въ непріятельскихъ войскахъ и отвлекло вниманіе Наполеона отъ нашего центра, заставивъ его заняться своимъ лѣвымъ флангомъ; атака на нашъ центръ была пріостановлена и пріостановка эта продолжалась въ теченіе двухъ часовъ; этимъ перерывомъ мы воспользовались для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ боемъ войскъ нашего центра и усиленія подкрѣпленіями ослабленныхъ пунктовъ нашей позиціи.

Съ правой стороны картины — лѣвый флангъ арміи Наполеона, а именно корпусъ вице-короля; видно с. Бородино, занятое войсками его корпуса; впереди этого селенія мостъ черезъ р. Колочу.

Верхомъ на гнѣдомъ конѣ — генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Ѳ. П. Уваровъ *), молодой кавалерійскій генералъ (всего 39 лѣтъ) съ орденомъ св. Георгія 2-й степени **). За нимъ въ лейбъ-казачьей формѣ другой молодой кавалерійскій генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ (37 лѣтъ). Наша кавалерія нападаетъ на непріятельскую пѣхоту и артиллерію. Непріятель отбивается, отступаетъ и увозитъ орудія.

*) Еще въ чинѣ генералъ-маіора онъ императоромъ Павломъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

**) Получилъ въ 1810 г. въ войнѣ съ Турціей.

12

Сраженіе при Бородинѣ 26-го Августа 1812 г.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 13.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 13.

Конецъ Бородинскаго сраженія.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Поле сраженія завалено грудою тѣлъ. Мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ. Воины Наполеона, занявъ уступленныя нами укрѣпленія, восклицаютъ: „Vive l'empereur!“.

Французскій авторъ, участникъ боя (Labaume), слѣдующимъ образомъ описываетъ поле Бородинскаго сраженія послѣ битвы: „Середина большого редута представляла ужасную картину: трупы были навалены одинъ на другой въ нѣсколько рядовъ. Русскіе гибли, но не сдавались. На пространствѣ одного квадратнаго лье *) не было мѣстечка, непокрытаго мертвыми тѣлами. ... Виднѣлись горы труповъ, а тамъ, гдѣ ихъ не было, валялись обломки оружія, пикъ, касокъ, латъ, ядеръ, покрывавшихъ землю какъ градъ послѣ сильной грозы ...“

Послѣ сраженія войска Наполеона отошли на прежніе свои биваки. Наполеонъ объявилъ Бородинскій бой своею побѣдою. Но вотъ, каково было состояніе „побѣдителей“, по описанію французскихъ историковъ:

„Послѣ Бородинской битвы войска Наполеона провели на бивакахъ ужасную ночь, безъ огней, посреди мертвыхъ, умирающихъ и раненыхъ. Только на разсвѣтѣ они узнали объ отступленіи Русскихъ. Едва-ли когда случалось, чтобы побѣдители испытывали послѣ побѣды такое необычайное чувство: они находились въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Послѣ столькихъ бѣдствій, лишеній и трудовъ, перенесенныхъ для того, чтобы принудить Русскихъ къ сраженію, послѣ столькихъ подвиговъ мужества, какія-же послѣдствія!—Страшная рѣзня ... и еще большая, чѣмъ прежде, неопредѣленность—долго-ли продлится война и какой будетъ ея исходъ. Вечеромъ послѣ битвы не слышалось ни пѣсенъ, ни разговоровъ, господствовало грустное и молчаливое уныніе. Не спалось и самому Наполеону: не легко было на душѣ его. Сонъ его былъ тревоженъ или, лучше сказать, онъ вовсе не спалъ. Онъ много разъ восклицалъ, быстро поварачиваясь на постели: quelle journée! (что за день!). Его ставка у Шевардина была во всю ночь окружена старой гвардіей: не смотря на значительное отдаленіе отъ мѣста сраженія, онъ считалъ нужною эту предосторожность. Когда по утру слѣдующаго дня ему доложили объ отступленіи русскихъ войскъ, онъ сказалъ: „Пусть отступаютъ; а мы повременимъ нѣсколько часовъ, чтобы заняться нашими несчастными ранеными“. Такимъ образомъ, Наполеонъ не рѣшился преслѣдовать русскую армію.

Одинъ французскій полковникъ (Фезензакъ), назначенный командиромъ полка послѣ Бородинскаго сраженія, въ своихъ мемуарахъ говоритъ, „что онъ не нашелъ прежней веселости въ солдатахъ, не слышалъ пѣсенъ и разговоровъ—они были погружены въ мрачное молчаніе. Даже офицеры ходили словно опущенные въ воду. Это уныніе было странно послѣ побѣды, открывшей, казалось, ворота въ непріятельскую столицу“.

Одинъ изъ французскихъ историковъ войны 1812 года (маршалъ Сенъ-Сиръ) говорилъ о Бородинскомъ сраженіи такъ: „Русскіе, не смотря на самое упорное сопротивленіе, могутъ считаться побѣжденными потому только, что они отступили; но они не были разбиты, они не были отброшены въ полномъ разстройствѣ ни на одномъ изъ участковъ своей позиціи. Было поражено тѣло, но не душа ихъ арміи. Ихъ потери были велики, даже огромны, но онѣ почти уравновѣшивались потерями Наполеона, а между тѣмъ на ихъ сторонѣ оставалось великое преимущество: ихъ потери могли быть немедленно вознаграждены тѣми подкрѣпленіями, которыя они получали ежедневно, тогда какъ убыль въ нашихъ войскахъ оставалась невозстанавливаемою“.

Самъ Наполеонъ впослѣдствіи говорилъ о Бородинскомъ боѣ такъ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Въ немъ Французы показали себя достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми ... Изъ пятидесяти мною данныхъ сраженій, въ битвѣ подъ Москвою выказано наиболѣе доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ“.

*) Лье (въ линейной мѣрѣ) равно приблизительно нашимъ 4 верстамъ.

13

В. В. Верещагинъ. - Конецъ Бородинскаго сраженія.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 14.

Н. С. МАТВѢЕВА.

См. „Очеркъ войны" стр. 14.

Вдова генерала А. А. Тучкова 4-го ищетъ на полѣ Бородинской битвы трупъ своего мужа.

Копія съ оригинала, исполненная для настоящаго изданія самимъ авторомъ-художникомъ.

Въ Бородинскомъ бою 26 августа генералъ-маіоръ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 4-й командовалъ бригадой 3-й пѣхотной дивизіи. Дивизія эта подъ начальствомъ Коновницына сначала находилась въ резервѣ, а затѣмъ была двинута на подкрѣпленіе войскъ, оборонявшихъ Багратіоновы флеши. Когда одною изъ флешей овладѣлъ непріятель, Тучковъ со своей бригадой бросился на ея выручку. Онъ схватилъ знамя и, подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ, кинулся впередъ. Картечь пробила ему грудь и онъ палъ замертво.

Послѣ оставленія Наполеономъ Москвы и отступленія его за Можайскъ, въ октябрѣ 1812 года, вдова А. А. Тучкова отправилась на Бородинское поле отыскивать тѣло мужа.

Авторъ картины, художникъ Н. С. Матвѣевъ, такъ описываетъ эти розыски (въ объясненіи къ картинѣ).

Ночь уже наступала, небо было сумрачно, по временамъ дулъ холодный вѣтеръ, воздухъ былъ зараженъ десятками тысячъ тлѣвшихъ труповъ. Такъ какъ было приступлено къ ихъ сожженію, то пылали костры, надъ которыми въ сыромъ воздухѣ поднимался густой черный дымъ.

На фонѣ этой страшной картины появились двѣ человѣческія фигуры въ темныхъ одеждахъ. Это были: молодая вдова А. А. Тучкова, Маргарита Михайловна, и спутникъ ея — престарѣлый инокъ сосѣдняго Колоцкаго монастыря, вызвавшійся сопровождать ее въ поискахъ. Они останавливались на каждамъ шагу, медленно прокладывая себѣ путь между разбросанныхъ тѣлъ. Старикъ вполголоса творилъ молитву и окроплялъ святою водою убіенныхъ, а она нагибалась къ каждому трупу и старалась узнать сквозь признаки тлѣнія дорогія для нея черты. Лихорадочная надежда поддерживала ея силы, всю ночь продолжалось ея странствованіе по Бородинскому полю, всячески старалась она найти тѣло Александра Алексѣевича, но безуспѣшно — тѣло не было найдено.

Мѣсто, гдѣ былъ убитъ А. А. Тучковъ, было приблизительно извѣстно. Не найдя его трупа, Маргарита Михайловна задумала посвятить это мѣсто молитвѣ и построила тамъ церковь. Черезъ нѣкоторое время постигъ ее новый жестокій ударъ: она лишилась своего единственнаго пятнадцатилѣтняго сына.

Похоронивъ его въ новопостроенной церкви, она окончательно поселилась близь нея, а затѣмъ учредила при этой церкви женскую общину. Черезъ три года М. М. приняла изъ рукъ митрополита Филарета постриженіе. Въ 1838 году община была переименована въ монастырь; Тучкова, подъ именемъ Маріи, была первой игуменьею этого монастыря.

Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна (супруга Императора Павла I) и Императоръ Николай I, отводомъ земли и денежными назначеніями, содѣйствовали вдовѣ Тучкова въ постройкѣ сначала церкви, а затѣмъ и женскаго монастыря, получившаго названіе „Спасо-Бородинской пустыни".

Въ 1839 году, во время торжества открытія Бородинскаго памятника, Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ монастырь и келію игуменьи (вдовы Тучкова), которой сказалъ: „Мы поставили памятникъ чугунный, а вы предупредили насъ, поставивъ безсмертный христіанскій памятникъ".

14

Матвѣевъ - Вдова Тучкова на Бородинскомъ полѣ.

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 15. *См. „Очеркъ войны", стр. 15.*

А. Д. КИВШЕНКО.

Военный совѣтъ въ Филяхъ 1 сентября 1812 года.

Находится въ Третьяковской галлереѣ (въ Москвѣ).

Цѣль, значеніе и составъ совѣта въ Филяхъ выяснены въ нашемъ „Очеркѣ войны".

На этомъ совѣтѣ высшіе начальники русскихъ войскъ обсуждали вопросъ о судьбѣ Москвы: принять-ли передъ нею бой съ арміею Наполеона или-же допустить въ нее непріятеля безъ боя. Тема эта всегда будетъ волновать Русскаго. И понятно, что совѣтъ въ Филяхъ не только описанъ историками, но послужилъ также темою для художниковъ слова и рисунка: Л. Н. Толстого въ безсмертномъ твореніи „Война и миръ" и А. Д. Кившенко въ картинѣ. Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) описалъ его съ существенной стороны. Толстой своимъ художественнымъ талантомъ воспроизвелъ подробности, одухотворяющія краткое сообщеніе факта. Описаніе Толстымъ совѣта въ Филяхъ, вѣрное исторически (по Богдановичу), полно драматизма и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненной правды. Кившенко въ подробностяхъ своей картины воспроизвелъ описаніе Толстого. А потому нельзя дать лучшаго поясненія картинѣ Кившенко, какъ привести соотвѣтственныя строки изъ „Войны и Мира".

Но прежде два слова о дѣйствующихъ лицахъ. На картину Кившенко они, очевидно, списаны съ портретовъ Доу, находящихся въ военной галлереѣ Зимняго дворца. Лица, принимавшія участіе въ совѣтѣ, размѣщены на картинѣ Кившенко слѣдующимъ образомъ. Въ креслѣ сидитъ Кутузовъ. На скамейкѣ, стоящей вдоль стѣны, сидятъ, начиная отъ Кутузова: Коновницынъ, Раевскій, Остерманъ-Толстой, Барклай де Толли, Уваровъ и Дохтуровъ. Затѣмъ стоитъ, опершись на столъ, Ермоловъ. По другую сторону стола сидятъ, считая отъ Кутузова: Бенигсенъ (на раскрытомъ плащѣ) и Толь. За Кутузовымъ стоитъ Кайсаровъ.

Теперь будетъ вполнѣ понятно слѣдующее описаніе совѣта Толстымъ *):

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и постоянно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе, одинъ за другимъ, подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и со своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую со смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ своему столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?" Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— **Священную, древнюю столицу Россіи!** вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?" Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена . . . .

. . . .

Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой" и „длиннополымъ", какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ напримѣръ . . . (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ *), было... не вполнѣ удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля... Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ, Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало быть мнѣ платить за перебитые горшки, сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе **).

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ-же страшномъ вопросѣ: „Когда-же, когда-же наконецъ рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?".

— Этого, этого я не ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру; — этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!.

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ-же! Будутъ они лошадиное мясо жрать какъ турки, не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,— будутъ и они, только бы...

---

*) Изъ него опущено только нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ отъ роли художника, въ которой онъ геніаленъ, переходитъ въ роль мыслителя.

*) Мы проиграли его въ 1807 году. Нашими войсками командовалъ Бенигсенъ.

**) Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) приводитъ заключительныя слова Кутузова на французскомъ языкѣ, а именно: „Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite".

Совѣтъ въ Филяхъ, повидимому, шелъ на французскомъ языкѣ. Вѣроятно,— для Бенигсена, который не владѣлъ русскимъ языкомъ.

15

А. Д. Кившенко. - Военный совѣтъ въ Филяхъ въ 1812 г.

I. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT., PARIS.

Картина № 16. *См. „Очеркъ войны“, стр. 16.*

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Передъ Москвою. Ожиданіе депутаціи бояръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

2 сентября армія Наполеона подошла къ Москвѣ. Наполеонъ въѣхалъ въ 2 ч. дня на Поклонную гору и, увидя разстилавшуюся древнюю столицу Русскаго Царства, обратясь къ свитѣ, сказалъ: „Наконецъ вотъ онъ этотъ знаменитый городъ“. И потомъ прибавилъ: „Да и пора!“ Сойдя съ коня, онъ долго въ зрительную трубу разсматривалъ Москву и ея окрестности; затѣмъ приказалъ разложить на землѣ подробный планъ ея и, смотря въ него, разспрашивалъ о важнѣйшихъ пунктахъ города у одного изъ своихъ секретарей, хорошо знавшаго Москву. Потомъ онъ долго слѣдилъ за расположеніемъ своихъ войскъ, которыя подобно густымъ тучамъ облегли ее съ запада, и наконецъ пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ всѣмъ колоннамъ продолжать движеніе къ Москвѣ. Раздались восклицанія „Да здравствуетъ Императоръ“, и непріятельскія войска устремились къ Москвѣ. Кавалерія скакала во весь опоръ, артиллерія старалась не отставать отъ нея, пѣхота бѣжала. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, лязганье оружія, говоръ солдатъ—все смѣшалось въ ужасный гулъ. Столбомъ поднялась страшная пыль...

Черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ былъ у Дорогомиловской заставы. Онъ сошелъ съ лошади и началъ ходить впередъ и назадъ, готовясь принять депутацію отъ Москвы. Но ожиданія его были напрасны: никто не являлся. По мѣрѣ ожиданія, онъ началъ обнаруживать признаки нетерпѣнія. Очевидецъ (Корбелецкій) разсказываетъ такъ: „Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ-бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ ее, и это повторяется нѣсколько разъ. Въ такомъ состояніи Наполеонъ находился битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно“.

Наконецъ изъ авангарда прискакалъ присланный къ нему офицеръ съ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить. „Москва пуста!! Это невѣроятно. Можетъ быть, испуганные жители не знаютъ, какъ сдаваться. Надобно удостовѣриться. Отправьтесь туда и приведите мнѣ бояръ!“ сказалъ онъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ и послалъ его въ Москву.

Прождавъ еще нѣкоторое время, Наполеонъ, сѣлъ на коня, въѣхалъ въ Дорогомиловское предмѣстье и расположился со всею свитою въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ, гдѣ изъ московскихъ жителей не оказалось никого, кромѣ четырехъ дворниковъ.

Въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстой даетъ художественное изображеніе остановки Наполеона на Поклонной горѣ. Воспроизводя этотъ фактъ по даннымъ исторіи (по М. Богдановичу), онъ передаетъ тѣ думы, которыя должны были проходить въ умѣ Наполеона при обозрѣніи величественной Москвы и ожиданіи депутаціи бояръ. Вотъ нѣсколько строкъ оттуда:

„Городъ, занятый непріятелемъ, подобенъ дѣвушкѣ, потерявшей невинность, думалъ онъ (какъ онъ и говорилъ это Тучкову въ Смоленскѣ). И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ, невиданнную еще имъ, восточную красавицу. Ему страшно было самому, что наконецъ свершилось его давнишнее казавшееся ему невозможнымъ желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ *) то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его“.

„Но развѣ могло быть иначе? подумалъ онъ.—Вотъ она эта столица; она лежитъ у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная, величественная это минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ! думалъ онъ о своихъ войскахъ. „Вотъ она награда для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ“, думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска. „Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица царей. Но мое милосердіе всегда готово снизойти къ побѣжденнымъ. Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ. Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ“, вдругъ приходило ему въ голову. „Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что совершилось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля,—да, это Кремль, да—я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны; что я велъ войну съ ложною политикою ихъ Двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. „Бояре, скажу я имъ, я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ“. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ всегда говорю—ясно, торжественно и велико“.

*) По Толстому, Наполеонъ въѣхалъ на Поклонную гору въ 10 ч. утра. Это небольшое отступленіе отъ исторической правды нужно было автору для болѣе эффектнаго изображенія Москвы въ утреннемъ освѣщеніи.

ПОПРАВКА. Подъ картиною ошибочно поставленъ нумеръ 17; долженъ быть 16.

17

В. Верещагинъ.-Наполеонъ передъ Москвой ожидаетъ депутацію бояръ.

I. LAPINA & CIE IMP. ÉDIT. PARIS

Картина № 17. *См. „Очеркъ войны“, стр. 17.*

А. Д. КИВШЕНКО.

Графъ Ростопчинъ выдаетъ народу купеческаго сына Верещагина.

2 сентября утромъ, въ день оставленія Москвы нашею арміею, нашими гражданскими властями и остатками ея населенія, главнокомандующій ея — графъ Ростопчинъ — собирался уже выѣзжать. Въ это время къ его дому подошла толпа, прося его вести народъ противъ непріятеля на защиту Москвы. Ростопчинъ въ своихъ афишахъ одно время самъ призывалъ народъ идти „бить француза“. Но это объявлялось тогда, когда наша армія находилась еще впереди Москвы; теперь-же, когда она уходила и отдавала Москву непріятелю, такой порывъ толпы былъ совершенно некстати. Ростопчинъ велѣлъ привести купеческаго сына Верещагина, находившагося въ заключеніи за переводъ на русскій языкъ изъ одной иностранной газеты воззванія Наполеона и чтеніе его своимъ знакомымъ. Верещагинъ былъ приведенъ во дворъ, гдѣ стояла толпа. Тогда Ростопчинъ вышелъ на крыльцо и, обращаясь къ толпѣ, сказалъ: „Погодите, братцы, дайте мнѣ только управиться съ измѣнникомъ“. Затѣмъ, обратившись къ Верещагину, онъ сказалъ: „Ты, недостойный называться Русскимъ, осмѣлился измѣнить своему отечеству и обезчестить свое семейство. Твое преступленіе превзошло всѣ наказанія, постановленныя законами. Предаю тебя мщенію народа. Бейте измѣнника! отъ него гибнетъ Москва“.

Толпа набросилась на Верещагина и убила его, затѣмъ разошлась.

Этотъ мрачный эпизодъ записанъ въ исторію.

Послѣ этого событія Императоръ Александръ I былъ въ первый разъ въ Москвѣ въ 1816 году. Онъ призвалъ къ себѣ отца Верещагина, московскаго купца 2-й гильдіи, и долго съ нимъ бесѣдовалъ; на другой день велѣно было послать ему одинъ изъ самыхъ богатыхъ брильянтовыхъ перстней, находившихся между вещами Государя. Кромѣ того, въ особомъ рескриптѣ на имя тогдашняго Московскаго главнокомандующаго графа Тормасова, разрѣшалось выдать Верещагину 20.000 рублей.

17

А. Кившенко. - Растопчинъ выдаетъ Верещагина.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Картина № 18.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 17.

Въ Кремлѣ—пожаръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Москва начала горѣть 2 сентября. Какъ только наши войска вышли изъ нея и въ нее вступилъ французскій авангардъ, въ Москвѣ начались пожары. Войска наши, остановившіяся на ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, видѣли, какъ Москва загоралась; пожаръ начался съ вечера 2 сентября, за ночь усилился, а утромъ 3 сентября большая часть горизонта надъ городомъ озарилась пламенемъ.

Наполеонъ въѣхалъ въ Москву 2 сентября и первую ночь провелъ въ одномъ изъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья. На слѣдующій день онъ торжественно въѣхалъ въ Кремль и расположился въ царскомъ дворцѣ.

Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль, по берегу Москвы-рѣки горѣли казенные хлѣбные магазины и взлетѣлъ на воздухъ артиллерійскій складъ огнестрѣльныхъ припасовъ; горѣлъ гостинный дворъ на Красной площади передъ Кремлемъ, а также видны были пожары въ другихъ частяхъ города. Близость пожара къ Кремлю, гдѣ находился Наполеонъ и гдѣ стояли зарядные ящики французской артиллеріи, заставила принять самыя дѣятельныя мѣры къ прекращенію огня, что Наполеонъ и поручилъ маршалу Мортье. Но бороться съ огнемъ было трудно, за неимѣніемъ пожарнаго снаряда, вывезеннаго изъ Москвы распоряженіемъ Ростопчина, и обилію горючаго матеріала, хранившагося въ лавкахъ и подвалахъ москательнаго, свѣчнаго и маслянаго рядовъ. Однако въ первый день своего пребыванія въ Кремлѣ Наполеонъ не видѣлъ ничего необыкновеннаго и зловѣщаго въ возникшихъ пожарахъ, приписывая ихъ случайности и неосторожности своихъ-же войскъ съ огнемъ, и спокойно провелъ ночь съ 3 на 4 сентября. Но именно въ эту ночь пожары приняли угрожающіе размѣры. Поднявшійся сильный вѣтеръ раздулъ и разнесъ огонь по всѣмъ частямъ города.

Проснувшись въ 7 ч. утра 4 сентября, въ разговорѣ со своимъ докторомъ, Наполеонъ задалъ ему обычный вопросъ: что новаго? Когда докторъ отвѣтилъ, что вокругъ Кремля пожары, Наполеонъ равнодушно сказалъ, что это неосторожность солдатъ, которые вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ. Но потомъ взоры его вдругъ остановились, выраженіе лица измѣнилось и стало ужаснымъ; онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногою такъ сильно мамелюка, подавшаго ему сапогъ не на ту ногу, что тотъ упалъ навзничь,—и вышелъ въ другую комнату. Очевидно, что ему вдругъ пришла мысль о тѣхъ слухахъ, которые доходили до него ранѣе о намѣреніи Русскихъ сжечь Москву.

Рѣзкіе порывы вѣтра, часто мѣнявшаго направленіе, прорываясь по улицамъ и переулкамъ города, нѣсколько разъ нагоняли огонь на Кремль. Осыпаемый огненными искрами, Кремль освѣщался иногда такимъ свѣтомъ, что казалось, будто въ его стѣнахъ уже начался пожаръ. Графъ Сегюръ, адъютантъ Наполеона, въ своихъ мемуарахъ, такъ описываетъ душевное состояніе, охватившее тогда Наполеона: „Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самаго пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали сильную внутреннюю тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращающееся распространеніе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это они сами поджигаютъ!.. Сколько прекрасныхъ зданій!.. Какая необычайная рѣшимость!.. Что за люди!.. Это скиѳы!..“

Изъ оконъ дворца видно было огненное море, охватившее заречную часть города—Замоскворѣчье. Поставленные на крышахъ кремлевскихъ зданій, солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Вдругъ послышался крикъ: „Кремль горитъ!“ Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадь, чтобы лично удостовѣриться въ грозившей опасности. Горѣла Троицкая башня близъ арсенала. Усиліями гвардіи этотъ пожаръ былъ прекращенъ; но ежеминутно могли вспыхнуть новые отъ искръ и головней, издалека приносимыхъ въ Кремль сильнымъ вѣтромъ. Въ два часа дня 4 сентября Наполеонъ рѣшился оставить Кремль и переѣхать въ загородный Петровскій дворецъ.

ПОПРАВКА. Подъ картиною ошибочно поставленъ нумеръ 9; долженъ быть 18.

9

В. Верещагинъ. Въ кремль-пожаръ.

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

ПУБЛ.
ИМЕНИ
В. И.
ЛЕНИНА
С.С.С.Р.

Картина № 19.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны", стр. 17.

Пожаръ Замоскворѣчья.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Замоскворѣчье—южная часть города Москвы, находящаяся въ изгибѣ Москвы-рѣки, на правомъ ея берегу, противъ Кремля.

По оставленіи нашими войсками Москвы и занятіи ея Наполеономъ, Москва загорѣлась. Пожаръ Замоскворѣчья представлялъ ужасное зрѣлище. Изъ оконъ царскаго дворца все Замоскворѣчье, объятое пламенемъ, представлялось взволнованнымъ огненнымъ моремъ. Не смотря на значительное пространство, отдѣлявшее этотъ пожаръ отъ дворца, оконныя стекла въ немъ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Несчастные жители Замоскворѣчья, захваченные врасплохъ, покидали свои дома и искали убѣжища въ церквахъ. Но пожары охватывали и храмы. Тогда несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ.

19

В. В. Верещагинъ. - Пожаръ Замоскворѣчья.

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 20.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны", стр. 17.

Сквозь пожаръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

4 сентября въ полдень загорѣлись конюшни близъ царскаго дворца въ Кремлѣ, гдѣ пребывалъ Наполеонъ, а также арсенальная башня. Головни и искры, поднятыя вѣтромъ, падали на дворъ, гдѣ стояли зарядные ящики французской гвардейской артиллеріи. Наполеонъ рѣшилъ перебраться въ Петровскій загородный дворецъ. Но кратчайшій прямой путь туда былъ совершенно закрытъ огненнымъ моремъ. Наполеону пришлось пробираться окольными путями, почти кругомъ Москвы. Картина изображаетъ Наполеона, пробирающагося сквозь пожаръ изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Авторъ ея, художникъ В. В. Верещагинъ, въ своей брошюрѣ „1812 годъ" описываетъ это такъ:

„Императоръ рѣшился оставить Кремль и приказалъ провести себя въ Петровскій дворецъ. Но это легче было приказать, чѣмъ сдѣлать: кругомъ было цѣлое море огня, закрывавшаго всѣ выходы изъ крѣпости. Наконецъ нашли таки проходъ къ Москвѣ-рѣкѣ, черезъ который и вышли императоръ, его свита и гвардія—чтобы очутиться въ настоящемъ огненномъ адѣ. Офицеры свиты предлагали Наполеону покрыть его плащомъ и пронести на рукахъ, но онъ отказался и разрѣшилъ вопросъ о томъ, какъ выбраться, смѣло бросившись впередъ. Приходилось пройти черезъ огненную арку пламени, обжигавшаго глаза, лицо, и, главное, руки, которыми закрывались и защищались отъ искръ и головешекъ, поминутно покрывавшихъ платье".

„На счастье солдаты, грабившіе по близости, узнали императора и указали ему дорогу изъ огня. Его волосы были опалены, платье сожжено во многихъ мѣстахъ, обожжены руки, прожжены сапоги".

Графъ Сегюръ, адъютантъ Наполеона, въ своихъ мемуарахъ описываетъ это такъ:

„Надо было спѣшить: съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ все болѣе и болѣе усиливался вокругъ насъ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ, пѣшкомъ, не задумываясь, пошелъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пожарища, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ насъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли ему путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и съ яростью пожиравшее зданія, среди которыхъ онъ шелъ, вѣтромъ наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Наши руки обжигались, когда мы защищали ими лицо отъ ужаснаго жара и отстраняли искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился" *).

Наполеонъ со свитою всетаки вышли изъ пожара, но въ совершенно противоположную сторону отъ Петровскаго дворца, а именно въ Дорогомиловское предмѣстье, къ Дорогомиловскому мосту черезъ Москву-рѣку; отсюда они объѣхали городъ съ сѣвера и къ вечеру добрались до Петровскаго дворца.

---

*) Сохранилось преданіе, что Русскій, взявшійся быть проводникомъ Наполеона и его свиты, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ. На основаніи этого преданія Загоскинъ въ романѣ своемъ „Рославлевъ" приводитъ эпизодъ о купцѣ Андреѣ Васьяновичѣ—проводникѣ Наполеона сквозь Московскій пожаръ.

20

В. В. Верещагинъ - Сквозь пожаръ.

I. LAPINA & C° IMP. ÉDIT. PARIS

Картина № 21.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 17.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Наполеонъ перебрался изъ Кремлевскаго дворца въ загородный (подъѣздный) Петровскій 4 сентября. Первая ночь его здѣсь была тревожна: его волновалъ и безпокоилъ пожаръ Москвы. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ и затѣмъ сказалъ: „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія“. Эта безмолвная сцена воспроизведена на картинѣ № 2 (Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ).

5 сентября вечеромъ пошелъ сильный дождь, и вѣтеръ началъ стихать; вмѣстѣ съ тѣмъ и огонь сталъ постепенно ослабѣвать. На другой день дождь еще усилился; вѣтеръ совершенно стихъ, и пожары почти прекратились. Наполеону доложили, что Кремлевскій дворецъ не пострадалъ, и онъ рѣшилъ возвратиться въ него. Картина изображаетъ моментъ этого возвращенія.

Печальная картина представлялась взорамъ Наполеона на пути его слѣдованія. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія, большею же частью лежали груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ. Обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ улицамъ скитались ограбленные жители, разными отребьями едва прикрывая свою наготу и отыскивая пищу. На встрѣчу попадались толпы солдатъ съ награбленною добычею.

21

В. В. Верещагинъ. - Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

I. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 22.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны", стр. 17.

Поджигатели.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Пожаръ Москвы раздражалъ Наполеона и безпокоилъ его. Огонь уничтожалъ все то, что армія его расчитывала найти въ Москвѣ и что онъ обѣщалъ ей въ приказѣ передъ Бородинскимъ сраженіемъ—обильное продовольствіе, запасы одежды, бѣлья, обуви, теплый уютъ, отдыхъ... Все это исчезало вмѣстѣ съ дымомъ пожара Москвы. Онъ видѣлъ, что пожары эти не только случайность, а что они и отъ поджоговъ. Надо найти поджигателей и быстрою съ ними расправою устрашить людей и прекратить поджоги. И начали хватать людей, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ.

Какъ хватали по подозрѣнію въ этомъ, можно судить по слѣдующему разсказу очевидца (Записки В. А. Перовскаго): „Я увидѣлъ, говоритъ онъ, нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ. Его привели къ дворцу и взвели на его площадку; одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать черезъ переводчика: „Отчего горитъ Москва? Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?" и другіе подобные вопросы, на которые полицейскій офицеръ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ Москвѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаться", сказалъ допрашивающій, „но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣстѣ съ другими". Я старался, но тщетно, увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служитъ въ полиціи и вѣрно знаетъ все", отвѣчали мнѣ. Несчастнаго повели и заперли подъ площадкой, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?" спросилъ я офицера, который его допрашивалъ.—„Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту-же вину съ нимъ заперты".

Многіе изъ схваченныхъ такимъ образомъ были безъ всякаго суда повѣшены или разстрѣляны. Но надъ 26 человѣками былъ назначенъ судъ, приговоръ котораго былъ объявленъ и напечатанъ (по русски и по французски) 12 сентября. По приговору этого суда разстрѣляно 10; остальные были приговорены къ тюремному заключенію.

Въ числѣ разстрѣляныхъ были: поручикъ Московскаго ополченія, три живописца (вѣроятно, живописцы вывѣсокъ), солдатъ московской полиціи, сидѣлецъ (винной лавки), кузнецъ, лакей князя Сибирскаго, портной и одинъ неизвѣстнаго званія.

Въ числѣ остальныхъ 16 были: 8 солдатъ Московской полиціи, одинъ солдатъ (изъ войскъ), пономарь, кузнецъ, два лакея, обойщикъ, ремесленникъ и одинъ неизвѣстнаго званія.

22

В. В. Верещагинъ. - Поджигатели.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 23.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 18.

Въ Успенскомъ соборѣ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Эта картина можетъ показаться совершенно неправдоподобною; такъ возмутителенъ фактъ, ею воспроизведенный — Успенскій соборъ, обращенный въ конюшню. Однако это не выдумка художника, а фактъ историческій.

Успенскій соборъ находится въ Московскомъ Кремлѣ и есть одна изъ дорогихъ святынь русской земли. Онъ основанъ въ 1326 году и съ тѣхъ поръ въ немъ совершилось много важныхъ историческихъ событій, касающихся православія и государственнаго бытія нашего отечества. Кромѣ того, со временъ Іоанна III въ немъ неизмѣнно совершается коронованіе русскихъ государей; въ немъ погребены всѣ патріархи Россіи, кромѣ Никона, и многіе митрополиты.

Въ историческомъ изслѣдованіи А. Попова „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“ приведены слѣдующіе факты кощунственнаго отношенія войскъ Наполеоновой арміи къ русскимъ святынямъ вообще и къ Успенскому собору въ частности.

„Умышленно ругаясь надъ святынею, непріятели постоянно устраивали конюшни въ храмахъ, выбрасывали иконы, раскалывали ихъ и употребляли вмѣсто дровъ, вбивали гвозди въ лики святыхъ, престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ; иконы употребляли, чтобы стрѣлять въ нихъ въ цѣль. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ (Петровскомъ и Даниловомъ въ Москвѣ) были устроены бойни; бойня была устроена и въ церкви Вознесенія у Серпуховскихъ воротъ. Въ Петропавловскую церковь въ Лефортовѣ помѣщали быковъ, въ Троицкой въ Сыромятникахъ стояли лошади.

„Въ Успенскомъ соборѣ, вмѣсто паникадила, висѣли вѣсы, на которыхъ вѣшали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; на иконостасѣ написано было: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ стояли плавильные горны, и были устроены стойла для лошадей.

„Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самого Наполеона. Въ Верхоспасномъ соборѣ престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ; въ немъ стояли кровати.

„Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмо-Демьянской церкви“, разсказываетъ очевидецъ-свидѣтель, „изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоящаго на паперти непріятельскаго солдата. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ, безъ галстуха, съ накинутою на плечи шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и буйства. По срединѣ храма пылалъ костеръ; вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ; надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: „Добре, Руссъ“. Послѣ того, желая похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы; тутъ-же находились разные овощи, картофель, капуста и проч. На вбитыхъ въ иконостасѣ гвоздяхъ висѣли конская сбруя и амуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскія врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ я увидѣлъ стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою... Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста. Безбожникъ, сочтя мое изумленіе за знакъ удивленія красотою его лошади, началъ ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: добре, добре! Налюбовавшись конемъ, онъ повелъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла въ алтарѣ лошадь и ѣла овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ“.

На картинѣ Верещагина рядъ прекрасныхъ лошадей (очевидно высшихъ начальниковъ и свиты) стоитъ въ Успенскомъ соборѣ передъ алтаремъ; въ правомъ углу картины два солдата играютъ въ карты; нѣсколько человѣкъ обдираютъ ризы съ иконъ; на паникадилѣ повѣшена каска.

23

В. В. Верещагинъ. - Въ Успенскомъ Соборѣ

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Картина № 24. *См. „Очеркъ войны“, стр. 18.*

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

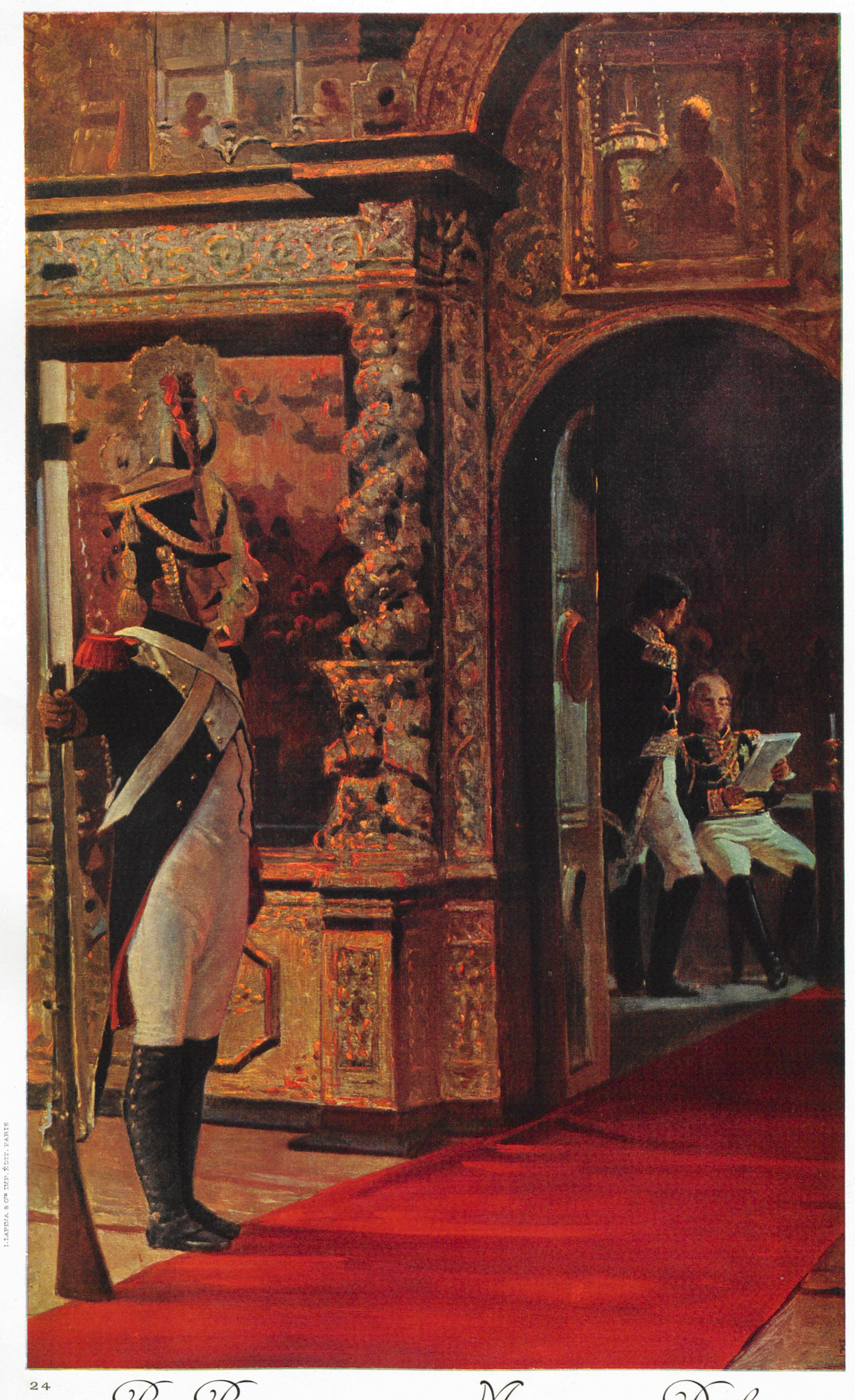
Находится въ Музеѣ 1812 года.

Чудовъ монастырь находится въ Московскомъ Кремлѣ и принадлежитъ къ числу древнихъ святынь, дорогихъ русскому сердцу (основанъ въ XIV вѣкѣ).

По занятіи Москвы войсками Наполеона, корпусъ маршала Даву расположенъ былъ въ восточной части Москвы и въ восточныхъ окрестностяхъ ея (со стороны Смоленской и Калужской дорогъ). Постоянная квартира маршала Даву была на Дѣвичьемъ полѣ; но такъ какъ онъ часто пріѣзжалъ съ докладами въ Кремль, то и устроилъ для себя спальню въ алтарѣ главнаго храма Чудова монастыря (А. Поповъ. Французы въ Москвѣ въ 1812 году).

Армія Наполеона была въ полномъ смыслѣ слова безбожною. Католическій аббатъ Сюрюгъ, настоятель церкви св. Людовика въ Москвѣ, остававшійся въ Москвѣ и при Наполеонѣ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: „Въ продолженіе 6-ти-недѣльнаго здѣсь пребыванія французовъ, я не видалъ даже тѣни Наполеона и не искалъ случая увидать его. Мнѣ говорили, что онъ позоветъ меня, и это извѣстіе меня ужасало; но къ счастью оно не оправдалось. Онъ не посѣтилъ нашего храма и, вѣроятно, не думалъ объ этомъ. Четыре или пять офицеровъ старыхъ французскихъ фамилій посѣтили богослуженіе; двое или трое исповѣдывались. Впрочемъ вамъ будутъ понятны отношенія къ христіанской вѣрѣ этихъ войскъ, когда вы узнаете, что при 400 тысячахъ человѣкъ, перешедшихъ черезъ Нѣманъ, не было ни одного священника. Во время ихъ пребыванія здѣсь изъ нихъ умерло до 12.000, и я похоронилъ по обрядамъ церкви только одного офицера и слугу генерала Груши. Всѣхъ другихъ, офицеровъ и солдатъ, зарывали ихъ товарищи въ ближнихъ садахъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни вѣрованія въ загробную жизнь. Однажды я посѣтилъ больницу раненыхъ; всѣ говорили мнѣ объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ, и никто о духовныхъ, не смотря на то, что надъ третьею частью изъ нихъ уже носилась смерть. Я окрестилъ многихъ дѣтей у солдатъ. Крещеніе они еще признаютъ, и всѣ обходились со мною почтительно. Впрочемъ вѣра для нихъ составляетъ лишь слово, лишенное смысла“.

На картинѣ Верещагина въ открытую дверь алтаря виденъ сидящій маршалъ Даву; у входа въ царскія двери алтаря стоитъ часовой съ ружьемъ.

I. LAPINA & CIE IMP. ÉDIT. PARIS

24

В. Верещагинъ. - Маршалъ Даву
въ Чудовомъ монастырѣ.

Картина № 25.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны" стр. 18.

Наполеонъ и генералъ-адъютантъ Лористонъ. Миръ во что бы то ни стало.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Занятіемъ Москвы Наполеонъ разсчитывалъ пріобрѣсти большія выгоды; здѣсь онъ надѣялся принудить Россію къ выгодному для себя миру. Война получила крайне для него непріятный, затяжной, характеръ. Уже въ Смоленскѣ (мѣсяцъ назадъ) ему хотѣлось вступить съ Государемъ въ мирные переговоры; попытка его не увѣнчалась однако успѣхомъ. Но вотъ онъ овладѣлъ Москвою—первопрестольною столицею, сердцемъ Россіи. Это вынудитъ Императора Александра, думалъ онъ, пойти на его мирныя предложенія. Въ первые-же дни по занятіи Москвы онъ дѣлаетъ двѣ попытки (6 и 9 сентября) вступить въ сношенія съ Государемъ, но совершенно безуспѣшно. Между тѣмъ положеніе его арміи въ Москвѣ день ото дня становится труднѣе: уже виденъ призракъ голода, потери всего конскаго состава арміи; разгорается народная война; прерываются сообщенія арміи съ базою, съ Франціею, надвигаются холодные осенніе дни, а потомъ снѣга и морозы. Наполеону нуженъ миръ во что бы то ни стало. И вотъ онъ снова пытается вступить въ переговоры съ Государемъ, на этотъ разъ при посредствѣ главнокомандующаго нашихъ армій—князя Кутузова. 23 сентября онъ посылаетъ къ нему (въ Тарутино) своего генералъ-адъютанта Лористона, бывшаго передъ Отечественной войною французскимъ посломъ въ Петербургѣ, аристократа (маркизъ) по происхожденію и обращенію съ людьми.

Кутузовъ принимаетъ его, но отклоняетъ всякіе разговоры о мирѣ. О послѣднемъ онъ говоритъ Лористону слѣдующее: „Не имѣю на это никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ—всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ-ли они изъ собственнаго сужденія, либо имѣютъ источникъ свыше, я ни въ какомъ случаѣ передать своему Государю не желаю. Я подвергъ-бы себя проклятію потомства, если-бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа".

Однако Кутузовъ согласился донести Государю о желаніи Наполеона послать въ Петербургъ Лористона. Государь остался очень недоволенъ тѣмъ, что Кутузовъ принялъ непріятельскаго посланца, за что и выразилъ ему свое неудовольствіе въ рескриптѣ. Рескриптъ заканчивается такъ: „Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество".

25

В. В. Верещагинъ. - Наполеонъ и Лористонъ

LAPINA ET C. IMP. EDIT., PARIS

С.С.С.Р.

Картина № 26.

Неизвѣстнаго художника.

См. „Очеркъ войны", стр. 25.

Видъ Московскаго арсенала, взорваннаго маршаломъ Мортье, по выходѣ арміи Наполеона изъ Москвы.

Съ картины масляными красками, находящейся въ Императорскомъ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

Наполеонъ оставался въ Москвѣ со 2 сентября до Тарутинскаго боя; онъ все надѣялся, что Государь пойдетъ на его мирныя предложенія, и выжидалъ. Но Тарутинское нападеніе на авангардъ Мюрата (6 октября) вывело Наполеона изъ заблужденія и указало ему на опасность оставаться долѣе въ Москвѣ. Онъ немедленно отдалъ распоряженіе о выступленіи своихъ войскъ изъ нея, которое и началось съ вечера того-же дня. Въ Москвѣ былъ оставленъ маршалъ Мортье съ отрядомъ войскъ. Ему было приказано выступить 10 или 11 октября, но предварительно зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія и, заблаговременно заложивъ мины подъ Кремлевскія стѣны, взорвать ихъ.

Вечеромъ 11 октября Мортье со своими войсками выступилъ изъ Москвы. Когда они отошли уже на значительное разстояніе, въ полночь запылалъ Кремлевскій арсеналъ и другія подожженныя непріятелемъ зданія, и раздался рядъ послѣдовательныхъ взрывовъ.

Очевидецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ состояніе Москвы въ ночь съ 11 на 12 октября 1812 года.

„А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не померли отъ страху—думали свѣтопредставленіе. Тревожимые ожиданіемъ новыхъ бѣдствій, московскіе обыватели, при наступленіи ночи, ложились спать не раздѣваясь. Среди ночи раздался первый и самый сильный взрывъ. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже на значительномъ разстояніи отъ Кремля полопались всѣ стекла; во многихъ домахъ разошлись стѣны и рушились потолки. Внутри домовъ ничто не осталось на мѣстѣ, обывателей сбрасывало съ ихъ постелей. Ужасъ овладѣлъ ими. Всѣ бросились на улицы и площади, большею частью раздѣтые и израненые осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ, начавшимся въ Кремлѣ, подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, слышались плачъ и стоны. Невозможно было оставаться подъ открытомъ небомъ; но боялись войти въ дома, ожидая новыхъ взрывовъ, которые и послѣдовали одинъ за другимъ; но уже не съ тою силою, какъ первый... Въ Грузинахъ, на лугу около церкви св. Георгія Побѣдоносца, всю ночь оставалась толпа народа. Черезъ темь и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, отъ насъ былъ виденъ Иванъ Великій; но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтать; но Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ, и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ взошло солнышко, и вскорѣ послѣ показалась и золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ по прежнему богатыремъ... Дождь, начавшійся еще наканунѣ, безъ сомнѣнія смирилъ разрушительную силу подкоповъ подъ древнія стѣны Кремля..."

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

26

Видъ Моск. арсенала взорван. марш. Мортье послѣ выхода арміи Наполеона изъ Москвы.

артина № 27.

ДОУ.

Портреты выдающихся дѣятелей Отечественной войны:

Витгенштейна, Ермолова, Толя и Бенигсена.

Находятся въ Военной галлереѣ Зимняго дворца.

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, ге-ралъ-лейтенантъ, 44 лѣтъ отъ роду. Командовалъ 1-мъ дѣльнымъ корпусомъ и прикрывалъ Петербургъ на путяхъ р. Западной Двины. Въ то время, когда арміи наши тупали и общество наше было удручено такимъ ходомъ ны, Витгенштейнъ побѣждалъ французскій корпусъ Удино ъ Клястицами (18 и 19 іюля). Эта побѣда была свѣтлымъ ытіемъ на мрачномъ фонѣ, и Витгенштейнъ сталъ героемъ д кумиромъ общества; поэты его воспѣвали, Государь на-граждалъ. Хотя въ бояхъ 5 и 6 августа Витгенштейнъ по-тѣлъ неудачу, вслѣдствіе превосходства непріятеля въ чтѣ, но въ октябрѣ онъ отнялъ у непріятеля Полоцкъ, отснилъ непріятельскія войска за р. Зап. Двину и самъ пешелъ въ наступленіе. Въ награду онъ былъ произве-дъ въ генералы отъ кавалеріи. Въ Березинской операціи проявилъ особой проницательности и энергіи.

Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и князь (княже-ск достоинство пожаловано прусскимъ королемъ за войну 18 года). Умеръ въ 1842 году.

Имя его носитъ одинъ полкъ русской арміи, а именно: 4- гусарскій Маріупольскій генералъ-фельмаршала князя Втенштейна.

Генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермо-ловъ. 40 лѣтъ отъ роду. Началъ Отечественную войну въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности командира гвардей-ской пѣхотной дивизіи; 1-го іюля назначенъ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи. Это одинъ изъ самыхъ популяр-ныхъ дѣятелей Отечественной войны. Занимая вліятельную должность начальника главнаго штаба 1-й арміи, онъ не ограничивался штабною ролью, а во многихъ бояхъ прини-малъ личное руководительство. Такъ было въ бою при Лу-бинѣ 7 августа, гдѣ онъ отъ Тучкова 3-го принялъ руковод-ство боемъ до прибытія Барклая-де-Толли. Въ Бородинскомъ бою ему принадлежитъ честь отбитія у непріятеля взятой имъ было батареи Раевскаго (большого редута). Ему мы обязаны безпромедлительнымъ поворотомъ отряда Дохтурова, при которомъ онъ находился, къ Мало-Ярославцу и преду-прежденіемъ здѣсь непріятельской арміи. Послѣ боевъ у Краснаго (3—6 ноября) подъ его начальствомъ былъ сфор-мированъ особый отрядъ, который съ большими трудностями переправился черезъ Днѣпръ, соединился съ Платовымъ и пошелъ по пятамъ за непріятелемъ.

Ермоловъ участвовалъ и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ, а послѣ того былъ назначенъ на Кавказъ, командиромъ отдѣльнаго корпуса. Съ его именемъ тѣсно связана исторія распространенія нашего владычества на Кавказѣ; тамъ онъ пробылъ съ 1816 по 1827 годъ, въ кото-ромъ вышелъ въ отставку, но въ 1830 году былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ въ чинѣ генерала отъ артиллеріи въ 1861 году.

Имя Ермолова носятъ два полка русской арміи: 152-й пѣхотный Владикавказскій генерала Ермолова полкъ и 1-й Кизляро-Гребенской Терскаго Казачьяго Войска генерала Ермолова полкъ, а также одна конная батарея — 2-я конная генерала Ермолова батарея.

Генералъ-маіоръ Карлъ Ѳеодоровичъ Толь, 35 лѣтъ отъ роду. Началъ Отечественную войну въ чинѣ полковника; служилъ въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части (по нынѣшнему—въ генеральномъ штабѣ); 1-го іюля былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Кутузовъ, по прибытіи къ арміямъ, взялъ его къ себѣ для исполненія обязанностей генералъ-квартирмейстера при главнокомандующемъ всѣми арміями. Это былъ выдающійся офицеръ генеральнаго штаба. Ему принадлежитъ главная роль въ оперативныхъ работахъ верха нашей арміи въ Оте-чественную войну; онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Принималъ участіе въ послѣдующихъ войнахъ съ Напо-леономъ, въ качествѣ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества; былъ произведенъ въ генералъ-лей-тенанты. Въ 1823 году—генералъ-адъютантъ и генералъ отъ инфантеріи. Видную роль игралъ въ войнахъ 1829 съ Тур-ціей и въ 1830 — 1831 г.г. (усмиреніе Польши). За войну 1829 года возведенъ въ графское достоинство. Въ 1833 году назначенъ главноначальствующимъ путями сообщеній. Умеръ въ 1842 году.

Генералъ отъ кавалеріи Леонтій Леонтіевичъ Бенигсенъ. 67 лѣтъ отъ роду. Къ началу Отечественной войны его карьера была въ сущности закончена. Онъ до-стигъ высшаго чина (генералъ отъ кавалеріи), имѣлъ ордена Св. Георгія 2 ст. и Андрея Первозваннаго за Пултускъ и Прейсишъ-Эйлау въ войну 1806 — 1807 г.г., славу побѣды надъ войсками Наполеона въ этихъ сраженіяхъ, а также у Гутштадта и Гейльсберга въ роли главнокомандующаго на-шей арміей въ войну 1806—1807 годовъ, но закончилъ ее Фридландскимъ пораженіемъ. Послѣ того былъ не у дѣлъ и до Отечественной войны жилъ въ своемъ имѣніи подъ Вильною. Съ пріѣзда Государя къ арміи въ Вильну, въ апрѣлѣ 1812 года, состоялъ при Особѣ Его Величества. Съ отъѣздомъ Государя изъ арміи остался при главной квартирѣ 1-й арміи. Былъ однимъ изъ горячихъ сторонниковъ перехода нашихъ армій въ на-ступленіе, въ своихъ письмахъ Государю осуждалъ Барклая. Съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ, былъ на-значенъ начальникомъ его главнаго штаба. Послѣ Бородин-скаго боя и отхода нашей арміи къ Москвѣ, особенно стоялъ за принятіе сраженія на позиціи передъ Москвою. По его настоянію мы атаковали Мюрата изъ Тарутинскаго лагеря; Бенигсенъ былъ возбудителемъ и главнымъ распо-рядителемъ этого боя и награжденъ алмазными знаками къ ордену Св. Андрея Первозваннаго (самый орденъ этотъ онъ имѣлъ уже ранѣе) и 100.000 рублей. Послѣ этого боя, въ письмѣ Государю, обнесъ и очернилъ Кутузова; между главно-командующимъ и его начальникомъ штаба установились враждебныя отношенія, и Государь разрѣшилъ Кутузову уда-лить Бенигсена изъ арміи; подъ предлогомъ болѣзни, по-слѣдній уѣхалъ.

Въ войны 1813 и 1814 годовъ командовалъ арміею, возведенъ въ графское достоинство и получилъ орденъ Св. Георгія 1-й степени. Умеръ въ 1826 году.

ПОПРАВКА. Въ подписяхъ подъ портретами Витгенштейна и Ермолова вслѣдъ за фамиліями ошибочно поставлена цифра I; никакой цифры не надо.

Графъ
П.Х. Витгенштейнъ I

А.П. Ермоловъ I

27

Баронъ К.Ѳ. Толь

Л.Л. Беннигсенъ

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

ПУБЛ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
С.С.С.Р.

Картина № 28.

П. ГЕССЪ.

См. „Очеркъ войны“, стр. 24.

Сраженіе при Тарутинѣ 6 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Сраженіе это явилось переломомъ въ кампаніи 1812 г. Это наше первое большое наступательное сраженіе на главномъ театрѣ войны. До сего мы на главномъ театрѣ оборонялись; теперь перешли въ наступленіе, нанесли непріятелю серьезное пораженіе и захватили много трофеевъ (38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ, одно знамя и 1500 плѣнныхъ). Сраженіе это вывело Наполеона изъ покоя въ Москвѣ и вынудило его покинуть нашу первопрестольную столицу и начать отступленіе.

Болѣе чѣмъ двухнедѣльное пребываніе въ Тарутинскомъ лагерѣ (съ 20 сентября) было очень полезно для нашей арміи. Она здѣсь отдохнула, возстановила свои силы хорошею пищею, получила подкрѣпленія, починилась, обзавелась теплою одеждою. Положеніе-же непріятельской арміи значительно ухудшилось; она страдала уже отъ голода, отъ нападеній нашихъ партизановъ и отъ народной войны. Кутузовъ полагалъ выгоднымъ оставаться въ такомъ положеніи; каждый такой день онъ считалъ выигрышемъ для насъ и потерею для непріятеля. Но представленія старшихъ генераловъ, особенно Бенигсена, побудили его воспользоваться безпечностью непріятельскаго авангарда и неожиданно атаковать его. Это и было исполнено 6 октября, что и вылилось въ Тарутинское сраженіе. Общій ходъ этого дѣла описанъ въ нашемъ „Очеркѣ войны“.

Картина воспроизводитъ моментъ послѣ налета казаковъ Орлова-Денисова на непріятельскую кирасирскую дивизію, овладѣнія ея бивакомъ и захвата многочисленныхъ трофеевъ. На гнѣдой лошади у дерева—Бенигсенъ; за нимъ полковникъ Толь (съ поднятой въ правой рукѣ саблею). На бѣлой лошади Орловъ-Денисовъ скачетъ на встрѣчу Бенигсену; за нимъ казакъ везетъ отнятый у непріятеля штандартъ. Казаки увозятъ захваченныя непріятельскія пушки и уводятъ плѣнныхъ непріятельскихъ кирасиръ. Вдали видна церковъ с. Тетеринки, откуда непріятельская артиллерія обстрѣливаетъ нашу наступающую пѣхоту.

Нашъ историкъ (Михайловскій-Данилевскій) даетъ слѣдующее описаніе, въ которомъ войска наши нашли захваченный непріятельскій бивакъ:

„Въ непріятельскомъ лагерѣ и отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. А вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго призрѣнія, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины—француженки, нѣмки, польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которыя даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны“.

Во время пребыванія нашей арміи въ Тарутинскомъ лагерѣ Кутузовъ жилъ въ деревнѣ Леташевкѣ. Императоръ Александръ I въ 1817 году, при посѣщеніи Тарутина, заѣхалъ и въ Леташевку, зашелъ въ избу, гдѣ жилъ Кутузовъ и пожаловалъ хозяину ея 500 рублей (Шильдеръ „Императоръ Александръ I, т. IV, стр. 78).

На поляхъ Тарутина въ 1834 году поставленъ памятникъ съ надписью: „На семъ мѣстѣ Россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу“. Памятникъ этотъ воздвигнутъ Тарутинскими крестьянами, которые, будучи отпущены на волю владѣльцемъ с. Тарутина, сыномъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, пожелали соорудить этотъ монументъ на свои деньги и исполнили это съ соизволенія императора Николая I.

28

Сраженіе при Тарутинѣ.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 29.

П. ГЕССЪ.

См. „Очеркъ войны“ стр. 31.

Сраженіе при Полоцкѣ 7 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Этотъ бой вели войска нашего отдѣльнаго корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшаго С.-Петербургъ на путяхъ отъ Зап. Двины.

Послѣ августовскихъ боевъ у Полоцка Витгенштейнъ отошелъ за рѣку Дриссу и оставался тамъ до начала октября. Къ этому времени онъ получилъ значительныя подкрѣпленія и, во исполненіе Государева плана, перешелъ въ наступленіе къ Полоцку, гдѣ и разыгрался бой, продолжавшійся болѣе двухъ сутокъ, а именно 6, 7 и ночью на 8 октября. Полоцкъ былъ взятъ русскими войсками и непріятель оттѣсненъ за р. Двину. Сраженіе было кровопролитное: у насъ убито и ранено до 8.000 человѣкъ, у непріятеля до 5.000, да въ плѣнъ взято около 2.000.

Сраженіе это, между прочимъ, примѣчательно тѣмъ, что въ немъ видное участіе принимали Петербургскіе и Новгородскіе ополченцы, недавно передъ тѣмъ присланные на усиленіе корпуса Витгенштейна. Здѣсь дѣйствовалъ 1-й отрядъ Петербургскаго ополченія подъ начальствомъ сенатора тайнаго совѣтника (и генералъ-маіора ополченія) Бибикова, выказавшаго незаурядную распорядительность и храбрость. Когда ополченскія дружины подавались назадъ, онъ останавливалъ ихъ словами: „Стой, ребята! Куда вы? Мы—русскіе, православные! Съ нами Богъ! Впередъ, ура!!“—Витгенштейнъ былъ личнымъ свидѣтелемъ поведенія Бибикова, подъѣхалъ къ нему, пожалъ руку и сказалъ: „Никогда не думалъ я найти въ человѣкѣ, давно оставившемъ военную службу *), столько геройскаго духа“. За этотъ бой Бибиковъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени, а Витгенштейнъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Въ пѣснѣ ратниковъ Петербургскаго ополченія про Полоцкое сраженіе поется:

„Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ:
Мы дралися тутъ три дня, три ночи,
Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ отецъ,
Впереди насъ всѣ начальники,
И вскочили мы на стѣны Полоцка,
И стремглавъ злодѣй побѣжалъ отъ насъ“.

Картина изображаетъ послѣдній актъ боя, позднею ночью съ 7 на 8 октября (2—3 ч. ночи). Городъ зажженъ нашими гранатами. При заревѣ пожара наши войска идутъ на штурмъ. На картинѣ воспроизведенъ штурмъ города съ западной стороны по мосту черезъ р. Полоту. Здѣсь эта рѣчка течетъ въ глубокой рытвинѣ, черезъ которую былъ деревянный мостъ; за нимъ въѣздъ въ городъ; въѣздъ прорытъ сквозь высокую гору, которая была сильно занята непріятелемъ.

Когда 12-я дружина Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, статскаго совѣтника Николева, впереди прочихъ войскъ, подошла къ мосту, начальникъ дружины приказалъ губернскому секретарю Петрову съ охотниками броситься въ рытвину, перейти рѣчку въ бродъ и крикомъ „ура“ подать сигналъ къ общему нападенію. Неустрашимый Петровъ перешелъ черезъ Полоту и ударилъ въ штыки на непріятеля который и отступилъ, увидя себя обойденнымъ и не имѣя возможности разсмотрѣть въ темнотѣ, сколько войскъ появилось у него въ тылу. Наши ратники (les hommes à grandes barbes, какъ называли ихъ французы) овладѣли мостомъ и первыми появились на другой сторонѣ р. Полоты.

Графъ Витгенштейнъ, въ благодарственномъ приказѣ своемъ войскамъ за это дѣло, особенно подчеркиваетъ дѣйствія ополченцевъ, которые „отторжены бывъ отъ сельскихъ работъ своихъ и подъявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества и оправдали надежду на себя соотечественниковъ и заслужили лестное названіе защитниковъ Россіи“.

*) Въ молодости Бибиковъ состоялъ на военной службы, но, дойдя до чина капитана, перешелъ на гражданскую.

29

Гессъ. - Сраженіе при Полоцкѣ, 7-го октября 1812 г.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 30. *См. „Очеркъ войны“, стр. 26 и 27.*

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при Мало-Ярославцѣ 12 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Это сраженіе имѣетъ огромное значеніе въ ходѣ кампаніи 1812 года; вмѣстѣ съ тѣмъ оно было чрезвычайно упорно и кровопролитно. Хотя обѣ стороны не ввели въ бой своихъ армій полностью, какъ было подъ Бородинымъ, но и Наполеонъ, и Кутузовъ находились въ виду поля сраженія и распоряжались.

Сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ рѣшило, по какому пути отступать арміи Наполеона. Онъ здѣсь хотѣлъ выйти на нетронутый еще войною путь, богатый разнаго рода средствами—къ Калугѣ. Но наша армія преградила ему этотъ путь и принудила его возвратиться на дорогу, по которой уже прошли двѣ арміи—наша и его—отъ Смоленска къ Москвѣ и которая была поэтому совершенно истощена. Въ этомъ и заключается огромное значеніе сраженія подъ Мало-Ярославцемъ.

Бой велся здѣсь въ самомъ городѣ. Мало-Ярославецъ находится на правомъ высокомъ берегу рѣки Лужи, черезъ которую здѣсь перекинутъ постоянный мостъ и проходитъ большая дорога изъ Москвы въ Калугу. Рѣка и мостъ видны на картинѣ.

Съ непріятельской стороны бой велся, главнымъ образомъ, итальянскимъ корпусомъ вице-короля, одна дивизія котораго еще ни разу не участвовала въ бою въ теченіе этой кампаніи и потому, соревнуя съ другими, вела этотъ бой чрезвычайно горячо. Нѣсколько итальянскихъ генераловъ и много офицеровъ убито и ранено. Наши войска въ упорствѣ и горячности не уступали противнику.

У насъ до подхода Кутузова, боемъ руководилъ Дохтуровъ. Кромѣ нихъ, особенно видное участіе въ этомъ бою изъ старшихъ начальниковъ принимали Ермоловъ и Коновницынъ. Первый руководилъ боемъ внутри города, а Коновницына Кутузовъ направилъ въ самый критическій моментъ на помощь нашимъ храбрымъ защитникамъ; посылая его, Кутузовъ сказалъ: „Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ“. Милорадовичъ, спѣша со своими войсками къ Мало-Ярославцу, прошелъ въ этотъ день 50 верстъ *) и подошелъ сюда къ концу сраженія. Обрадованный его неожиданнымъ прибытіемъ, Кутузовъ сказалъ ему: „Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“.

Картина изображаетъ одинъ изъ моментовъ упорной борьбы за обладаніе входомъ въ городъ по большой дорогѣ изъ Москвы. Здѣсь непріятель занялъ монастырскія зданія (видны на правой сторонѣ картины) и постройки почтоваго двора на противоположной сторонѣ дороги (остатки ихъ видны на лѣвой сторонѣ картины). Занявъ ихъ, онъ господствовалъ надъ входомъ въ городъ. Почтовый дворъ почти разрушенъ огнемъ нашей артиллеріи, но защитники его не покидаютъ и упорно обороняются. Въ правомъ углу картины—Дохтуровъ (на рыжемъ конѣ). Особенно трудно было расположить нашу артиллерію въ тѣснотѣ городскихъ построекъ. На картинѣ видна наша пушка, снимающаяся съ передка.

Потери съ обѣихъ сторонъ были очень велики. Плѣнныхъ не брали—бой былъ безпощаденъ. У насъ тяжело раненъ отважный генералъ Дороховъ, прославившійся своими партизанскими дѣйствіями во время занятія непріятелемъ Москвы (отъ раны, полученной въ сраженіи у Мало-Ярославца, онъ страдалъ болѣе двухъ лѣтъ и умеръ въ 1815 году).

---

*) Такъ какъ Милорадовичъ находился въ авангардѣ передъ Тарутинскимъ лагеремъ, то и былъ наиболѣе другихъ войскъ нашей арміи удаленъ отъ Мало-Ярославца.

Сраженіе подъ Малымъ Ярославцемъ, 12-го Октября 1812 г.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 31. *См. „Очеркъ войны“, стр. 27.*

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Въ Городнѣ. Пробиваться или отступать?

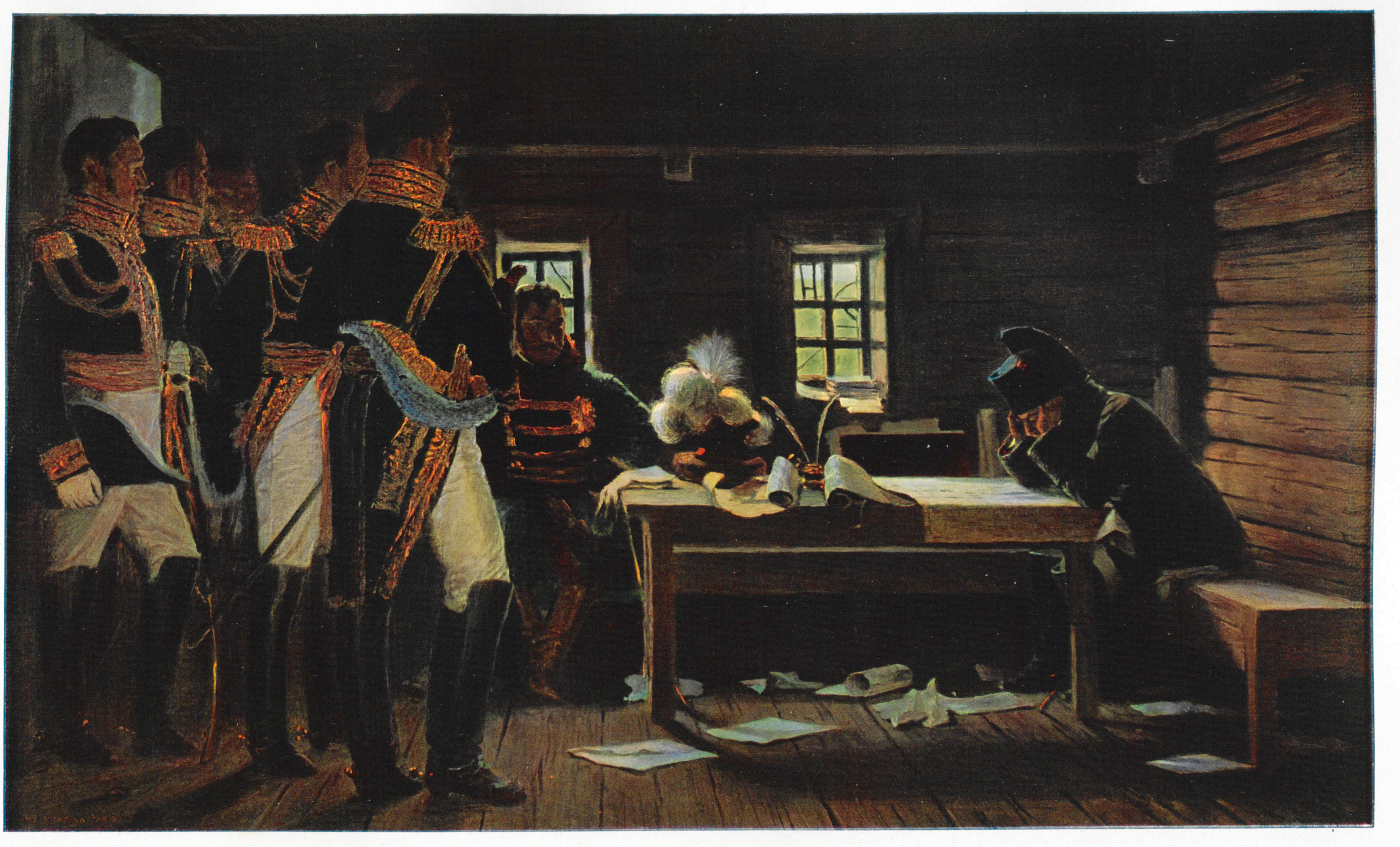
Находится въ Музеѣ 1812 года.

Послѣ сраженія 12 октября при Мало-Ярославцѣ и весь слѣдующій день Наполеонъ находился въ нерѣшительности, что предпринять (рѣдкое съ нимъ явленіе): атаковать-ли Кутузова и пробиться къ Калугѣ, чтобы идти къ Смоленску по путямъ, еще не тронутымъ войною; или-же отступить, возвратиться на дорогу, по которой армія его наступала отъ Смоленска къ Москвѣ, и затѣмъ по ней идти къ Смоленску. Конечно, въ случаѣ успѣшнаго боя, первое рѣшеніе было гораздо выгоднѣе, т. к. открывало Наполеону путь въ богатый продовольственными средствами раіонъ, тогда какъ второе выводило его на опустошенную уже дорогу. Но можно-ли ручаться за успѣхъ боя? — Вотъ вопросъ, который заставлялъ Наполеона задуматься.

Картина Верещагина воспроизводитъ фактъ, слѣдующимъ образомъ разсказанный нашимъ историкомъ Отечественной войны (М. Богдановичемъ). Въ день боя при Мало-Ярославцѣ квартира Наполеона была устроена въ с. Городнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мало-Ярославца (см. карту № 5); здѣсь для него былъ очищенъ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ. Послѣ сраженія, уже ночью, Наполеонъ, возвратившись въ Городню, призвалъ къ себѣ на совѣщаніе Мюрата (короля Неаполитанскаго, начальника кавалеріи), Бертье (начальника штаба арміи) и нѣкоторыхъ другихъ маршаловъ. Объяснивъ имъ, что прибытіе русской арміи на Калужскую дорогу измѣнило положеніе дѣлъ, Наполеонъ вдругъ схватился за голову обѣими руками и, облокотясь на столъ, на которомъ лежала карта театра дѣйствій, устремилъ въ нее взоръ въ совершенномъ безмолвіи. Съ удивленіемъ смотрѣли маршалы на своего повелителя; никогда еще не выказывалъ онъ такъ явно смущенія. Наконецъ, — когда прошло уже болѣе часа, Наполеонъ отпустилъ своихъ сподвижниковъ, не сказавъ имъ ни слова на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Въ изображеніи Верещагина, на лавкѣ сидятъ Наполеонъ и Мюратъ; изъ стоящихъ — ближайшій къ зрителю есть начальникъ штаба арміи Наполеона — маршалъ Бертье.

ПОПРАВКА. Въ подписи подъ картиною вмѣсто **„Въ Городни“** должно быть **„Въ Городнѣ“**.

31 В. В. Верещагинъ. - Въ Городни, пробиваться или отступать?

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

33

Сраженіе при Вязьмѣ, 22-го Октября 1812г.

I. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT. PARIS

Картина № 34.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны", стр. 34.

На этапѣ. Дурныя вѣсти изъ Франціи.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

24 октября, на ночлегѣ въ Михалевкѣ (на большой Московско-Смоленской дорогѣ, между Дорогобужемъ и Смоленскомъ), Наполеонъ получилъ изъ Парижа извѣстіе о заговорѣ генерала Мале (Malet): Мале покушался военною силою ниспровергнуть власть Наполеона. Хотя покушеніе не имѣло серьезнаго успѣха и генералъ Мале былъ казненъ, но извѣстіе это произвело на Наполеона удручающее впечатлѣніе. Онъ былъ болѣе всего пораженъ тѣмъ, что покушеніе Мале основывалось на распространившихся слухахъ объ его смерти. — „А Наполеонъ II *), о немъ и не подумали!" сказалъ онъ.

Наполеонъ изображенъ въ сельской церкви, гдѣ для него былъ устроенъ ночлегъ. Художникъ имѣлъ право это сдѣлать на основаніи историческихъ показаній; такъ, въ „Исторіи Отечественной войны" М. Богдановича (III т., стр. 83) сказано, что „Наполеонъ 21 октября, прибывъ въ с. Семлево, остановился въ небольшой церкви, которая была обращена въ почтовую станцію и обнесена палисадами" (т. е. приведена въ оборонительное положеніе на случай нападенія).

*) Отъ брака Наполеона съ дочерью австрійскаго Императора Маріею-Луизою въ 1811 году родился сынъ; это и есть Наполеонъ II. Наканунѣ Бородинскаго сраженія Наполеону изъ Парижа былъ привезенъ портретъ его маленькаго сына, который онъ приказалъ выставить у своей палатки, чтобы гвардія могла полюбоваться на его наслѣдника.

I. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT. PARIS.

34

В. В. Верещагинъ. - На этапѣ.
Дурныя вѣсти изъ Франціи.

Картина № 35.

П. ГЕССЪ.

См. „Очеркъ войны", стр. 32.

Сраженіе подъ Краснымъ 5 ноября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ ноябрьскихъ бояхъ подъ Краснымъ (3—6 ноября) армія Наполеона потерпѣла рядъ пораженій. Главнымъ изъ нихъ является бой 5 ноября, въ которомъ принялъ участіе самъ Наполеонъ. Онъ притянулъ къ полю сраженія старую гвардію и находился при ней, въ своемъ зимнемъ костюмѣ, пѣшкомъ, опираясь на березовую палку. Когда одинъ изъ генераловъ обратилъ его вниманіе на ту опасность, которой онъ подвергается въ виду численнаго превосходства Русскихъ, Наполеонъ сказалъ: „J'ai assez fait l'empereur; il est temps de faire le général". Въ этомъ сраженіи Наполеону хотя и удалось помочь Даву пройти на соединеніе съ другими корпусами арміи, сильно однако ослабленному этимъ боемъ, понесшему въ немъ большія потери, но все-же Наполеонъ принужденъ былъ отступить, не дождавшись подхода своего арьергарднаго корпуса — Нея, и предоставить его собственной участи, а именно жестокому пораженію на слѣдующій день.

Въ бою 5 ноября подъ Краснымъ русскія войска привели непріятеля въ сильное разстройство и причинили ему большія потери въ людяхъ, орудіяхъ и обозѣ. Между прочимъ захваченъ обозъ маршала Даву и въ немъ его маршальскій жезлъ (честь захвата этого жезла принадлежитъ Л. Гв. Финляндскому полку).

Картина воспроизводитъ атаку нашей кирасирской бригады (полки Военнаго Ордена и Екатеринославской) на одну изъ колоннъ Даву, понесшую при этомъ большія потери. Въ лѣвомъ углу картины на рыжей лошади—начальникъ нашего авангарда, Милорадовичъ; наши кирасиры атакуютъ; непріятель частью бѣжитъ, частью кладетъ оружіе. Вдали виденъ городъ Красный.

Кутузовъ, проѣзжая вечеромъ по дорогѣ въ Красное, ясно видѣлъ признаки сильнаго разстройства непріятельской арміи. Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) описываетъ это такъ:

„По дорогѣ встрѣчалъ онъ тысячи плѣнныхъ непріятелей, и въ томъ числѣ офицеры и солдаты Наполеоновой гвардіи, множество орудій — частью брошенныхъ французами, частью захваченныхъ съ боя; на каждомъ шагу онъ видѣлъ несомнѣнныя свидѣтельства нашей побѣды и разстройства непріятельской арміи. Фельдмаршалъ, видимо изумленный послѣдствіями дѣла, казался помолодѣвшимъ. Здѣсь, впервые со времени прибытія его въ армію, онъ пустился въ галопъ на бѣломъ конѣ своемъ, подскакалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и, указавъ на отбитые трофеи, громко вскричалъ „ура!", повторенное нѣсколько разъ исполинами гвардіи, а потомъ и всѣми ближайшими войсками".

Этотъ короткій разсказъ историка далъ нашему геніальному романисту, Л. Толстому, матеріалъ для слѣдующаго художественнаго разсказа въ одной изъ главъ „Войны и мира".

„День былъ ясный морозный. Кутузовъ съ огромною свитою недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму *). По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ въ нынѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ взято было въ этотъ день 7.000). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и окутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

. . . .

— Что ты говоришь? спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена! сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ! сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова:—благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки! — Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ Преображенцевъ. — Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ, проговорилъ онъ:

— Ура-ра-ра! заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ, блескомъ.

— Вотъ что, братцы... сказалъ онъ, когда замолкли. И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все-же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ. Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой, кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ м... и... в.г..., вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову. И взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ".

*) За Краснымъ—с. Доброе, куда Кутузовъ перенесъ свою главную квартиру послѣ сраженія 5 ноября.

35

Сраженіе подъ Краснымъ, 5-го Ноября 1812 г.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Картина № 36. *См. „Очеркъ войны“, стр. 32.*

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при рѣчкѣ Лосминѣ 6 ноября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Это сраженіе было послѣднимъ въ четырехдневныхъ бояхъ подъ Краснымъ, въ которыхъ наша армія била по частямъ армію Наполеона при отступленіи ея отъ Смоленска къ Оршѣ. Въ сраженіи 6 ноября мы почти совершенно уничтожили цѣлый непріятельскій корпусъ Нея.

Наканунѣ, 5 ноября, мы нанесли пораженіе ядру непріятельской арміи и принудили Наполеона отступить за Красный, не дождавшись подхода къ нему арьергарднаго корпуса Нея; такимъ образомъ, корпусъ этотъ оказался отрѣзаннымъ отъ своей арміи и былъ предоставленъ собственной участи.

Въ 3 ч. дня 6 ноября корпусъ Нея, идя изъ Смоленска, подошелъ къ р. Лосминѣ. Рѣчка эта пересѣкаетъ большую дорогу изъ Смоленска въ Красный, въ нѣсколькихъ верстахъ недоходя послѣдняго; она течетъ съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Днѣпръ. На лѣвой сторонѣ рѣчки стояли наши войска подъ командою Милорадовича. День былъ туманный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя трудно было видѣть, а потому сраженіе разыгралось нѣсколько неожиданно для обѣихъ сторонъ. Огнемъ нашей артиллеріи и атаками пѣхоты и кавалеріи корпусъ Нея былъ совершенно разстроенъ; онъ потерялъ много людей и орудій. Видя невозможность пробиться къ Красному, Ней собралъ небольшую часть своего корпуса (не болѣе 3.000 ч.) и направился вдоль рѣчки Лосмины къ Днѣпру, расчитывая тамъ переправиться на другую его сторону и правымъ его берегомъ идти въ Оршу на соединеніе со своею арміею. Остальныхъ людей своего корпуса онъ предоставилъ на произволъ судьбы. Онъ дошелъ до Днѣпра съ потерею части людей и всѣхъ орудій, съ большими трудностями переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ къ Оршѣ, но былъ настигнутъ казаками Платова, который нѣсколько разъ его атаковалъ и причинилъ ему значительныя потери, такъ что Нею удалось привести въ Оршу не болѣе 800—900 человѣкъ. Всѣхъ остальныхъ людей, всю артиллерію и обозы онъ потерялъ. Мы взяли въ этотъ день въ плѣнъ около 12.000 человѣкъ и 27 орудій.

Картина воспроизводитъ атаку нашихъ войскъ на корпусъ Нея въ Лосминскомъ оврагѣ. Справа видны наши гвардейскіе уланы, которые при атакѣ отбили у непріятеля 5 орудій и знамя.

36

Бой на Лосминѣ, 6-го Ноября 1812 г.

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 37.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Атака.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Къ дѣйствіямъ нашихъ войскъ въ Отечественную войну. Наша пѣхота по глубокому снѣгу идетъ въ атаку.

Первый снѣгъ на главномъ театрѣ войны въ войну 1812 года пошелъ 23 октября, на слѣдующій день послѣ сраженія при Вязьмѣ. Морозъ постепенно увеличивался и скоро дошелъ до 12 градусовъ; 1 ноября онъ усилился до 17°, а на слѣдующій день до 19°; при такомъ морозѣ велись бои подъ Краснымъ (3—6 ноября).

Картина должна быть отнесена ко времени конца октября и первыхъ чиселъ ноября.

37

В. В. Верещагинъ. - Аттака.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 38.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Партизаны.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Картинѣ этой художникъ придалъ не совсѣмъ вѣрное названіе. Подъ партизанами разумѣются начальники воинскихъ легкихъ отрядовъ изъ казаковъ или регулярной кавалеріи; это офицеры выдающейся самостоятельности, смѣлости и рѣшительности. А здѣсь изображена партія поселянъ, тоже смѣлыхъ и рѣшительныхъ, вооружившихся на народную войну (объ нихъ см. „Очеркъ войны", стр. 21—23). Судя по зимнему пейзажу, надо думать, что картина относится къ послѣднимъ числамъ октября и началу ноября и иллюстрируетъ дѣйствія народныхъ дружинъ Смоленской губерніи.

О народной войнѣ Двѣнадцатаго года поэтъ сказалъ:

Неужто забыть намъ Двѣнадцатый годъ?
Неужели нами забыты
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты?
Порогъ нашъ былъ попранъ, къ намъ грозной войной
Двадесять вторглось языка,
И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.
Въ то время не въ писанномъ правѣ войны —
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.
Во гнѣвѣ возстали за честь очага
И старый и малый не даромъ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.

(Изъ стихотворенія Хитрово).

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

38

В. В. Верещагинъ. - Партизаны.

Картина № 39.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Съ оружіемъ въ рукахъ?... Разстрѣлять!

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Эпизодъ, иллюстрирующій народную войну 1812 года. Нѣсколько русскихъ крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ захвачено непріятельскими солдатами. Ихъ связанными привели къ Наполеону. Судя по костюмамъ Наполеона и его свиты и по снѣжному пейзажу и сопоставляя съ временемъ перваго снѣга и морозовъ на главномъ театрѣ войны въ 1812 году, — это конецъ октября и первыя числа ноября, мѣсто дѣйствія — Смоленская губернія.

Наполеонъ, раздраженный своими военными неудачами и озлобленный противъ населенія, враждебно отнесшагося къ его вторженію въ родныя земли, приказываетъ разстрѣлять приведенныхъ къ нему крестьянъ. Позади Наполеона въ шляпѣ съ перомъ стоитъ король Неаполитанскій, маршалъ Мюратъ.

39

В. В. Верещагинъ. - Съ оружіемъ въ рукахъ ?... Разстрѣлять!

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 40.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Отступленіе.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Съ наступленіемъ морозовъ, 19 октября, Наполеонъ надѣлъ зимній костюмъ польскаго покроя (описаніе его см. въ объясненіи къ картинѣ № 32). Слѣдуя съ арміей при ея отступленіи отъ Москвы, Наполеонъ въ морозы ѣхалъ въ крытомъ экипажѣ, изъ котораго по временамъ выходилъ и, опираясь на березовую палку, шелъ пѣшкомъ, сопровождаемый свитою. На дорогѣ слѣды распада его арміи: занесенныя снѣгомъ части повозокъ обоза, лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ, торчатъ брошеныя ружья, голыя ноги замерзшихъ людей и т. д.

40

В. В. Верещагинъ. - Отступленіе.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 41.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Ночной привалъ „Великой арміи".

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Армія, съ которой Наполеонъ вступилъ въ Россію въ 1812 году, называлась „La grande armée". По русски это „Большая армія" или „Великая армія". Первое, надо думать, правильнѣе: не о величіи, а о величинѣ говоритъ французское названіе — въ 1812 году Наполеонъ выставилъ армію такой численности, какъ никогда ранѣе.

Выбравъ для своей картины выраженіе „Великая армія", художникъ вѣроятно хотѣлъ подчеркнуть тщету этого величія. Картина иллюстрируетъ время гибельнаго отступленія этой арміи въ суровую зиму (конецъ октября, ноябрь), когда ночевать приходилось въ полѣ, подъ снѣжною мятелью.

41

В. В. Верещагинъ. - Ночной привалъ великой арміи.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 42.

А. КОССАКЪ.

См. „Очеркъ войны", стр. 33.

Сожженіе знаменъ „Большой арміи".

Послѣ гибельныхъ для арміи Наполеона боевъ подъ Краснымъ (3—6 ноября 1812 г.), онъ съ остатками ея направился къ Минску, расчитывая переправиться черезъ р. Березину у г. Борисова, гдѣ у него имѣлись укрѣпленная переправа и гарнизонъ. Но дойдя 11 ноября до м. Бобра, въ трехъ переходахъ отъ Борисова, онъ получилъ тяжелое извѣстіе объ овладѣніи нашими войсками Борисовскою переправою. Къ этому времени армія Наполеона была уже окружена нашими арміями; съ потерею Борисовской переправы ей отрѣзывался единственный путь отступленія. Въ такую минуту онъ приказалъ принести къ себѣ знамена всѣхъ полковъ и сжечь ихъ. Знамена въ арміи Наполеона назывались орлами, потому что древко ихъ увѣнчивалось орломъ съ 1804 года, времени провозглашенія Наполеона императоромъ, въ подражаніе орламъ римскихъ легіоновъ.

Наполеонъ сидитъ передъ костромъ, на которомъ сжигаются знамена. Два солдата отдаютъ честь, держа ружья на караулъ. Барабанъ бьетъ. За Наполеономъ стоятъ его маршалы и свита; въ числѣ ихъ—король Неаполитанскій, маршалъ Мюратъ (въ шляпѣ съ перомъ отдаетъ честь знаменамъ).

Художникъ поставилъ подъ картиною латинское изреченіе „Sic transit gloria mundi", что означаетъ: „Такъ проходитъ слава міра сего".

42

Коссакъ. - „Sic transit gloria mundi" Сожженіе знаменъ.

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Картина № 43.

П. ГЕССЪ.

См. „Очеркъ войны“, стр. 35.

Переходъ черезъ Березину.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Переправа арміи Наполеона черезъ рѣку Березину составляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ Отечественной войны. Здѣсь Наполеону готовилась конечная катастрофа — полное окруженіе его арміи нашими арміями. Но фортуна еще разъ улыбнулась ему здѣсь, и Наполеонъ съ обычнымъ ему мастерствомъ съумѣлъ этимъ воспользоваться: онъ проскочилъ въ разрывъ, который мы сами сдѣлали въ томъ кольцѣ, которымъ его окружали и которое постепенно сдавливали, но въ самую рѣшительную минуту сами-же его разорвали. Хотя съ жалкими остатками своей „большой арміи“, но все-же онъ ушелъ, покинулъ предѣлы Россіи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выставилъ въ Германіи новую армію, съ которой сдѣлалъ еще двѣ кампаніи 1813 и 1814 годовъ противъ европейской коалиціи.

Картина относится къ утру 17 ноября.

Въ теченіе 14, 15 и 16 ноября совершалась переправа арміи Наполеона по двумъ мостамъ, устроеннымъ у с. Студянки. Наши военачальники—Чичаговъ на правомъ берегу р. Березины и Витгенштейнъ на лѣвомъ—были обмануты Наполеономъ и дали ему возможность 13 ноября безпрепятственно поставить мосты и въ теченіе 14-го исполнять по нимъ переправу безъ боя; 15-го мы атаковали только войсками Витгенштейна и то не у Студянки, гдѣ совершалась переправа, а у Борисова, гдѣ Витгенштейнъ прижалъ арьергардъ арміи Наполеона; 16-го мы атаковали на обѣихъ сторонахъ Березины и хотя вырвали у непріятеля много жертвъ, но воспрепятствовать переправѣ не могли. Къ утру 17-го всѣ войска арміи Наполеона были уже переправлены черезъ р. Березину. На лѣвомъ берегу ея, у Студянки, оставались многочисленные обозы, которыхъ непріятель не успѣлъ переправить, а также толпы безоружныхъ и отсталыхъ непріятельской арміи, много больныхъ и раненыхъ, равно-же женщины и дѣти.

Вотъ картина того, что по описанію нашего историка (М. Богдановича) происходило на лѣвомъ берегу переправы черезъ Березину, у Студянки, утромъ 17 ноября:

„Тутъ оставалось несмѣтное число больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ, чиновниковъ, служителей, маркитантовъ; встрѣчались и женщины съ дѣтьми, слѣдовавшія за арміею отъ Москвы. Нѣкоторые изъ отсталыхъ могли бы переправиться въ ночь съ 16-го на 17-е, бросивъ свои повозки и лошадей, но оставались на мѣстѣ, въ надеждѣ сохранить ихъ; другіе, раненые или больные, лежали въ изнеможеніи; наконецъ были и такіе, кои, успѣвъ развести огонь, отогрѣвались, погруженные въ совершенное безчувствіе. Напрасно Викторъ (начальникъ арьергарда) и другіе французскіе генералы старались убѣдить одиночныхъ людей, чтобы они позаботились о своемъ спасеніи. Въ пять часовъ утра зажжены были повозки, что заставило многихъ переправиться на правый берегъ; въ половинѣ седьмого Викторъ перевелъ арьергардъ и снялъ свои передовые посты. Тогда всѣ отсталые кинулись толпой къ мостамъ и загромоздили подходъ къ нимъ. Приказано было зажечь мосты въ 8 часовъ, но такъ какъ Русскіе еще не показывались, то исполненіе этого приказанія было замедлено, чтобы дать время спастись людямъ, остававшимся на лѣвой сторонѣ рѣки. Въ половинѣ 9-го на высотахъ Студянки появились грозные для отступавшаго непріятеля Донцы; чтобы удержать ихъ, мосты были зажжены. Тысячи больныхъ и раненыхъ, женщины, дѣти, были брошены. Тѣ изъ нихъ, которые сохранили сколько нибудь силы, блуждали по берегу въ отчаяніи, умоляя небо и людей о помощи, либо кидались толпами къ пылающимъ мостамъ, которые обрушивались подъ ихъ тяжестью; другіе покушались перебраться на другой берегъ по льду, ставшему между мостами, либо вплавь ниже мостовъ,—и тонули, либо гибли, раздавленные между льдинами“.

„Войскамъ графа Витгенштейна, при появленіи ихъ у Студянки, открылось необычайное зрѣлище: пространство почти на квадратную версту было уставлено экипажами, фурами, повозками, между которыми, среди награбленной добычи, лежали кучи тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные, полузамерзшіе непріятели. При стужѣ въ 20 градусовъ положеніе этихъ несчастныхъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, было ужасно. Среди множества предметовъ роскоши, вывезенныхъ изъ Москвы, мужчины и женщины, едва прикрытые грязными рубищами, просили у нашихъ солдатъ, какъ милости, куска хлѣба. Русскіе сухари, о которыхъ такъ невыгодно отзываются иностранцы, продавались дорогою цѣною названнымъ гостямъ; офицеры за кусокъ хлѣба предлагали часы, кольца и деньги; но многіе изъ нашихъ солдатъ, побуждаемые чувствомъ состраданія, свойственнымъ русскому человѣку, не помышляли о наживѣ, а дѣлились съ непріятелями, въ особенности съ женщинами и дѣтьми, своими послѣдними крохами“.

„Число плѣнныхъ, захваченныхъ у Студянки войсками графа Витгенштейна, простиралось до 5.000; намъ досталось 12 орудій, много зарядныхъ и патронныхъ фуръ и обозъ съ огромною добычею, которая была отдана солдатамъ и ратникамъ *), за исключеніемъ церковныхъ вещей, отправленныхъ, по распоряженію графа Витгенштейна, къ главнокомандующему Москвы“.

Картина Гесса воспроизводитъ появленіе нашихъ войскъ у Студянки (мѣста переправы черезъ Березину) утромъ 17 ноября. На правой сторонѣ картины — верхомъ на гнѣдой лошади, въ плащѣ (надѣтомъ въ рукава)—графъ Витгенштейнъ.

Въ правомъ углу картины видны всадники бывшей у насъ въ то время иррегулярной конницы изъ башкиръ, калмыковъ и нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ Оренбургскаго края и Астраханской губерніи.

*) Въ составѣ войскъ Витгенштейна имѣлись ополченныя части, наравнѣ съ войсковыми частями принимавшія участіе въ бояхъ.

43

Переходъ черезъ Березину, 16-го Ноября 1812 г.

I. LAPINA & Cie IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 44. *См. „Очеркъ войны“, стр. 38.*

И. М. ПРЯНИШНИКОВА.

„Въ 1812 году“.

Находится въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ.

Это своего рода апоѳеозъ „Великой (большой) арміи“ Наполеона. Грозная въ іюнѣ 1812 года, при вторженіи въ Россію, она пришла въ жалкій видъ къ концу достопамятнаго Двѣнадцатаго года, когда воины ея велись подъ конвоемъ русскихъ мужичковъ и бабъ, вооруженныхъ вилами и рогатинами.

Терпя отъ холода, голода и усталости и неотступнаго нашего преслѣдованія, воины арміи Наполеона, при отступленіи, сотнями и тысячами бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ. Въ такое состояніе эта армія пришла уже послѣ боевъ у Краснаго (3—6 ноября) и особенно послѣ переправы черезъ р. Березину (14—16 ноября). А до Смоленска такихъ массовыхъ сдачъ еще не было; когда 28 октября у Ляхова бригада Ожеро (1.650 чел.) положила оружіе и сдалась въ плѣнъ, Кутузовъ придалъ этому факту особое значеніе и доносилъ Государю: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменательна, что въ первый разъ, въ продолженіе нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе“ *). Въ бояхъ подъ Краснымъ (3—6 ноября) мы забрали въ общемъ болѣе 26.000 плѣнныхъ; тутъ были уже массовыя сдачи; вотъ одинъ изъ эпизодовъ. Когда послѣ боя 6 ноября на Лосминѣ генералъ Раевскій легъ уже отдохнуть въ отведенной ему квартирѣ, къ нему явилось два непріятельскихъ офицера, въ качествѣ депутатовъ отъ 5.000 французовъ корпуса Нея, не хотѣвшихъ сдаться никому, кромѣ генерала Раевскаго. „Такимъ образомъ“, говоритъ Раевскій въ своихъ запискахъ, „я взялъ въ плѣнъ 5.000 человѣкъ, не вставая съ постели“. Въ бою 15 ноября, при Борисовѣ на Березинѣ, сдалась цѣлая дивизія (дивизія Партуно въ 5.000 чел.) изъ свѣжаго корпуса Виктора, не участвовавшаго въ бѣдственномъ отступленіи отъ Москвы.

За Березиною, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго (извѣстный историкъ Отечественной войны и самъ участникъ въ ней), плѣнными у насъ уже просто пренебрегали. „Часто они отставали отъ непріятельскаго арьергарда, шли навстрѣчу нашимъ войскамъ, отъ которыхъ цѣлымъ тысячамъ плѣнныхъ давали иногда не болѣе двухъ, трехъ казаковъ, башкирцевъ или поселянъ. Нерѣдко бабы — одна впереди, другая позади—гнали дубинками стада европейцевъ. Даже съ ружьями шатались французы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги, но никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и бивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучела, слабымъ голосомъ вымаливая кусокъ хлѣба...“

---

*) Хотя въ предыдущихъ бояхъ мы брали и больше плѣнныхъ (при Вязьмѣ 22 октября—3.000 ч.), но при Ляховѣ сдался цѣлый крупный отрядъ, со всѣми офицерами и артиллеріей.

И. М. Прянишниковъ. - „Въ 1812 году."

I. LAPINA ET C., IMP. EDIT. PARIS

Картина № 45.

Н. С. МАТВѢЕВА.

Король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III съ сыновьями благодаритъ Москву за спасеніе его государства.

Копія съ оригинала, исполненная для настоящаго изданія самимъ авторомъ-художникомъ.

Самъ авторъ-художникъ даетъ слѣдующее поясненіе къ своей картинѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1818 года прибылъ въ Москву прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Съ нимъ были сыновья: старшій — наслѣдный принцъ, — ставшій потомъ королемъ Фр.-Вильгельмомъ IV, и 20-лѣтній принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I. Древняя столица въ то время только что начала возрождаться изъ пепла и развалинъ послѣ „священной памяти двѣнадцатаго года". Король освѣдомился, не осталось ли въ городѣ зданія, съ котораго можно было бы осмотрѣть эти развалины. Разыскать такое зданіе и сопровождать августѣйшихъ гостей поручено было генералъ-маіору П. Д. Киселеву. Онъ повелъ ихъ на Пашковскую вышку (бельведеръ въ домѣ теперешняго Румянцевскаго музея).

„Только что мы всѣ влѣзли туда", разсказываетъ Киселевъ въ своихъ мемуарахъ, „и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, какъ, къ величайшему моему удивленію, старый король сталъ на колѣна, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: вотъ наша спасительница".

На картинѣ изображенъ тотъ моментъ, когда король, становясь на колѣна, приказываетъ и сыновьямъ сдѣлать то же. Почтительно внимающій отцу, будущій императоръ Вильгельмъ I готовится исполнить его волю; наслѣдный принцъ, только что еще прислушивающійся къ словамъ короля, снимаетъ шляпу; генералъ-маіоръ Киселевъ, удивленный и еще не вполнѣ сознающій происходящее передъ его глазами, стоитъ въ сторонѣ.

Портреты короля и его сыновей заимствованы съ гравюръ того времени, а профиль Киселева—съ медали, выбитой въ честь его. П. Д. Киселевъ (род. въ 1788 г.) былъ впослѣдствіи министромъ государственныхъ имуществъ, русскимъ посломъ въ Парижѣ и получилъ титулъ графа.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" за іюнь 1818 г. упомянуто, что король и наслѣдный принцъ въ пріѣздъ въ Москву были въ русскихъ мундирахъ и въ лентахъ Св. Андрея Первозваннаго.

Пашковъ домъ въ 1818 г. былъ только что возобновленъ послѣ пожара Двѣнадцатаго года.

Фридрихъ-Вильгельмъ III не однажды выражалъ Москвѣ свою признательность. Еще только издали увидѣвъ Москву, изъ села Кунцева, король привѣтствовалъ ее, какъ избавительницу его отечества отъ нашествія Наполеона. Въ память этого въ Кунцевѣ сооруженъ пирамидальный памятникъ съ надписью: „1818 года іюня 4 дня, король Прусскій, узрѣвъ изъ села Кунцева Москву, благодарствовалъ ей за спасеніе своего государства".

Во время пребыванія своего въ Москвѣ король не переставалъ удивляться какъ Кремлю съ его историческими достопримѣчательностями, такъ и самой Москвѣ, возрождавшейся изъ пепла. Смотря однажды съ Краснаго крыльца на ярко блестѣвшіе на солнцѣ куполы церквей и соборовъ и изумляясь удивительному зрѣлищу, онъ воскликнулъ: „съ Москвой не можетъ соперничать ни одинъ городъ въ мірѣ!"— Да, это святой городъ! — отвѣтилъ ему съ волненіемъ императоръ Александръ I.

Король оставался въ Москвѣ 11 дней, прогуливаясь безпрестанно въ сопровожденіи императора Александра, который съ гордостью показывалъ ему новыя постройки.

„Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравью, а не лицамъ".

Эти строки изъ „Горя отъ ума" относятся именно къ пріѣзду короля Фридриха-Вильгельма III.

Картина, исполненная въ 1896 году, пріобрѣтена Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II.

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

45

Матвѣевъ.- Прусскій король благодаритъ Москву.

Картина № 46.

Неизвѣстнаго художника.

Торжество открытія памятника Императору Александру I въ Петербургѣ.

Съ картины мясляными красками, имѣющейся въ Щукинскомъ Музеѣ (въ Москвѣ).

Памятникъ Императору Александру I въ С.-Петербургѣ открытъ 30 августа 1834 года на Дворцовой площади, передъ Зимнимъ дворцомъ съ одной стороны (на правой сторонѣ картины) *) и Главнымъ штабомъ съ другой (на лѣвой сторонѣ картины); вдали видно зданіе Морского министерства съ адмиралтейскимъ шпицемъ.

Памятникъ состоитъ изъ колонны цѣльнаго гранита, увѣнчанной ангеломъ мира, вылитымъ изъ бронзы и поставленнымъ на бронзовомъ полушаріи. Лѣвою рукою ангелъ держитъ крестъ, правую простираетъ къ небу, ногою попираетъ змія. Ангелу приданы черты Александра I. На памятникѣ надпись: „Александру I благодарная Россія. 1812“.

Заимствуемъ слѣдующія строки изъ „Воспоминанія“ нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго о торжествѣ открытія этого памятника.

„Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева поднималась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза... И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта“.

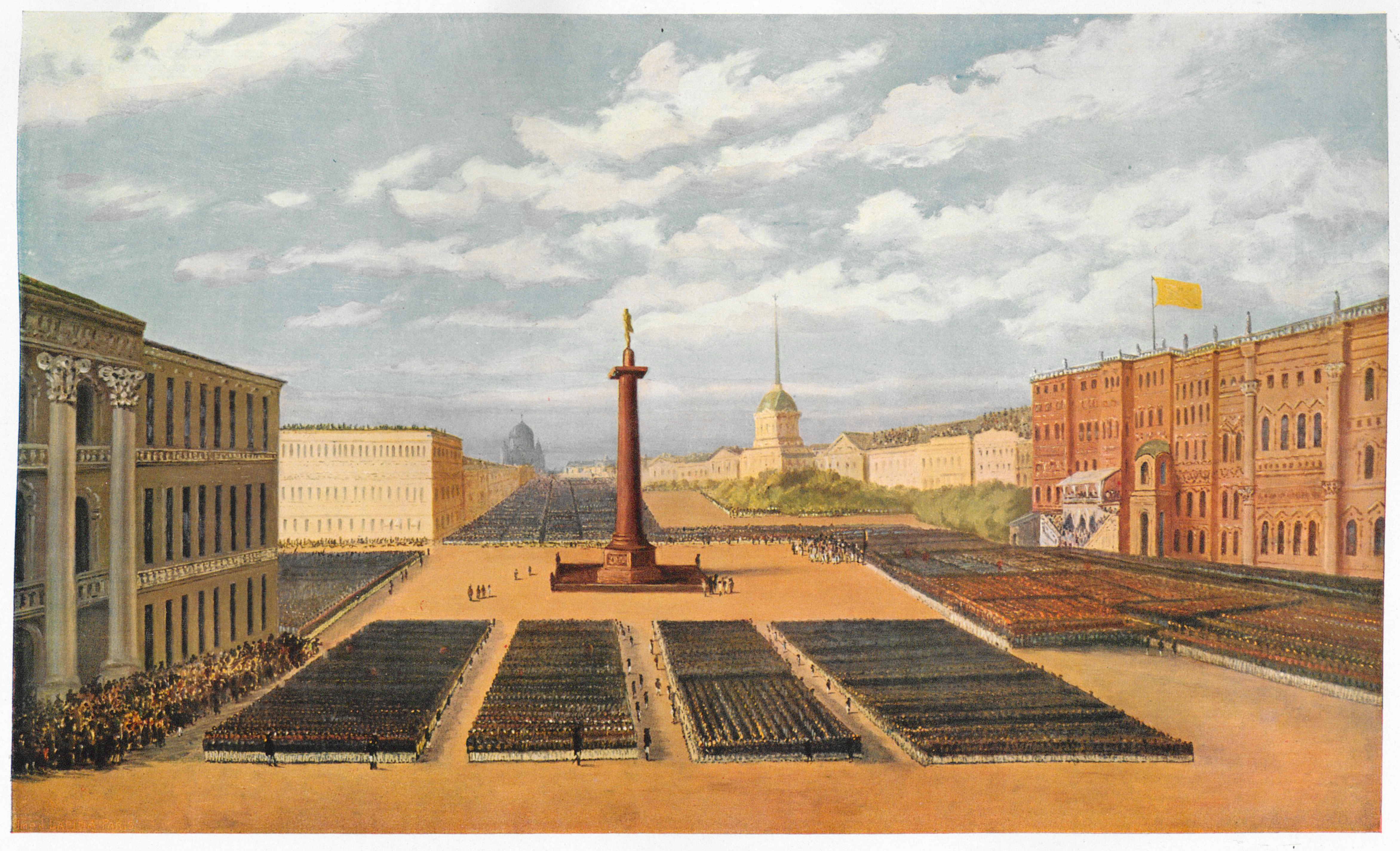
„И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо и какъ-бы приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно... Въ 9 ч. утра вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа... А между тѣмъ вблизи, никому непримѣтно, стояла 100 тысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска...

„Войска сошлись, построились. Государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя принца Вильгельма Прусскаго. Въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви и вслѣдъ за ними священный соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ домомъ. Войска отдали честь; одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ въ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась... И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, общее колѣнопреклоненіе войска, народа и предъ ними ихъ Государя... Наконецъ „вѣчная память“ Александру и вслѣдъ за симъ упавшая завѣса колонны и громозвучное, продолжительное „ура“, соединенное съ залпами 500 пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы... Для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя...

„По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его святою водою и вслѣдъ за симъ, по одному слову, всколебались всѣ колонны арміи. Съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась, на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище. Наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ...“

---

*) Тогдашній Зимній дворецъ сгорѣлъ въ 1837 году. Его фасадъ, обращенный на Дворцовую площадь, отличается отъ теперешняго.

46 *Торжество открытія памятника Имп. Александру I въ С. П. Б.*

I. LAPINA & Cie IMP. ÉDIT. PARIS.